

Не будьте
наивными. Добро побеждает в этом мире
только в сказках.

Блейд

Валя Шопорова

Annotation

Любое увлечение имеет право на существование. Люди разные, и хобби их могут различаться до бесконечности: занятия спортом, вышивание, лепка, убийства...

Блейд

Валя Шопорова

Глава 1

Дьявол чист, ибо не может творить ничего, кроме зла.

Жан Кокто©

Молодой мужчина стоял перед большим панорамным окном, за которым мерно плыла угольная ночь. Ни единой звёздочки, ни малейшего проблеска лунного света не было видно на небе, лишь тьма, лишь перевозданный страх и ужас, которые темнота наводит на всё живое. Ведь, как гласит мудрость веков, во тьме может прятаться что угодно, грех её не бояться. Это не было грехом на протяжении многих веков. Верное, тогда люди были намного умнее, чем теперь. Сейчас же, когда в каждом доме было электричество, и ночь перестала быть чем-то неотвратимым, загадочным и мощным в своей первородной силе, люди перестали бояться темноты. Теперь достаточно было одного щелчка выключателя, а то и хлопка в ладоши, чтобы включить свет и развеять тьму до того момента, пока хозяин квадратных метров сам не возжелает отойти ко сну. И даже в те моменты, когда электричество подводило тех, кто на него возлагал такие большие надежды, когда случалась авария на электростанции или банальная неуплата за электроэнергию, человеку на помощь приходили разномастные фонари, на крайний случай, свечи. Человек перестал бояться. Перестал и начал чувствовать себя полноправным хозяином ситуации и этого мира, в котором он король и венец творения. Очень зря перестал...

Пусть человек и посчитал, что приручил стихию и даже поры года, пусть стал выше всякой иной живой твари, которая перестала страшить его своими клыками и когтями, пусть он спрятался в небоскрёбы и возвёл вокруг себя громады мегаполисов. Пусть... Но он, человек, всякий раз, выходя на улицу, закрывая за собой дверь своего дома, забывал о том, что, каким бы венцом и царём он не был, но нельзя забывать о том, что лежит за гранью сознания и понимания, за гранью человеческих сил.

И эта сила зовётся – случаем. Тщательно спланированным случаем, который написали высшие силы или же, о, боги, точно такой же венец творения, как ты сам! Какая ирония, не правда ли? Всякий человек считает себя королём природы, но ни один из этих миллиардов не может знать со стопроцентной точностью о том, вернётся ли он вечером домой?

Парень продолжал стоять перед окном, смотря на ночную панораму не спящего города, так часто бывает в столицах. В руке тлела сигарета, заполняя комнату крепким дымом с горько-сладкими нотками, взгляд плавно перемещался с одной точки ночного города на другую, цеплялся то за маленькую бусинку окна чьего-то дома, то за дерево, молодые листочки которого трепетали на ветру и создавали эффект танца неподвижного растения. Красиво...

Весна в этом году, вообще, была очень красивой, только чрезмерно юной – она пришла раньше срока, раскинув перед миром свои невинные девичьи объятия ещё в первой половине марта. Такое редко бывает.

Молодой человек нахмурился, раздумывая над сравнением весны с невинной юной девой. Несколько секунд в его карих, словно древняя дорогая медь, которая темнела на протяжении веков, глазах отражался бег мыслей. А через пару мгновений лицо исказилось гримасой глумления и презрения. Это такой бред: юная дева, весна... Как может быть невинной та, которая с завидным постоянством раскидывает свои «нетронутые»

объятия перед каждым, кто её пожелает? А её желает каждый... Такая имеет право зваться лишь блядью, это идеальное определение. Ведь и весна, и каждая шляха, приходит, когда её пожелают, когда приходит время, и упархивает из объятий, как только выйдет срок её заказа.

Лёгкое постукивание пальцев стряхивает пепел с конца сигареты, он падает не слишком прицельно в пепельницу, часть просыпается серым снегом вокруг хрустальной тары. Не важно. Возможно, в своём доме парень бы и постарался быть осторожнее и аккуратнее, но это шикарное помещение не было его домом, оно было номером люкс одного из лучших отелей Лондона. Да, отель по праву мог зваться лучшим хотя бы за две вещи: за шикарный интерьер и за прекрасный вид, что разворачивается за окном. Жаль только, что днём эта панорама выглядит куда более убого. Но ночью..

По ночам ею можно было любоваться бесконечно: не спать до утра, много курить, медленно потягивать бренди и думать о вечном. Видя перед собой такую красоту, грехом было бы не удариться в философию.

Молодой мужчина, который стал временным хозяином всего этого изыска, сожалел лишь о том, что в этом отеле было всего девять этажей. Бесспорно, вид с двадцатого этажа и выше был бы ещё более впечатляющим.

Но это уже были мелочи и придирки. Парень не желал становиться тем, кто намекнёт владельцу отеля на то, что неплохо было бы достроить пару-тройку этажей. Смысл? Он был здесь до этого всего лишь один раз. Но тогда, вообще, он не сумел насладиться ночной панорамой, потому что в ту ночь разразилась ужасная гроза, лил такой дождь, что из-за его потоков, что водопадом стекали по стеклу, не было видно ничего. Эти потоки поглощали и рассеивали даже свет от сотен окон, что располагались в доступной видимости. Пришлось даже зашторить окна, чтобы не видеть этой немилости природы.

Парень поднёс руку к лицу и обхватил губами фильтр сигареты, сделал совсем маленькую затяжку и сразу резко выдохнул дым из лёгких, раздавил окурок в пепельнице, крутя его и давя несколько дольше, чем было необходимо, словно несчастная сигарета была в чём-то виновата перед ним. Без перерыва, без попытки восстановить нормальную температуру разогретого обжигающим дымом горла парень достал из пачки новую сигарету, зажал в зубах, чуть щурясь, вглядываясь во тьму за окном и ища в кармане пиджака зажигалку.

Зажигалка нашлась. Раздался щелчок и лицо молодого мужчины на несколько мгновений осветил свет от оранжевого огня, выхватывая из темноты его черты: густые, но ухоженные брови, прямой нос, миндалевидные карие глаза, острые скулы, волевою линию челюсти и губы, которые немного не сочетались в своей паре: нижняя была пухлой и налитой, а верхняя тонкой, острой. Но это лишь добавляло лишнего шарма, говорят, такими губами обладают лишь редкие особенные личности, которые славятся своей капризностью и всплесками характера.

Глубоко затянувшись, парень прикрыл глаза, чтобы их не щипало едким табаком. Он предпочитал очень крепкие сигареты, от дыма которых слезились глаза, и табачным запахом которых пропитывалось всё вокруг, даже губы того, кого он поцелует.

При мысли об этом губы молодого мужчины изогнулись в усмешке, а перед глазами вспыхнули воспоминания. Вот шикарная девушка ест черешню, для модельной внешности у неё совсем не модельный аппетит. Она много смеётся и болтает, этакая хохотушка, которой жить просто и всегда приятно. Он наблюдает за ней, потирая висок, изучая взглядом каждую её черту: длинные светлые волосы, точёные черты лица, изгибы фигуры, слишком глубокое

декольте, приковывающее внимание к шикарной, но не настоящей груди, платье из малинового атласа, которое открывает много тела, но, отчего-то, не выглядит вульгарно. И ещё много чего...

Она была одной из тех, кого любят мужчины и кто любит мужчин. Только мужчины в её списке объектов сердечного трепета постоянно менялись. Такие не думают о том, чтобы не показаться развратной и распущенной. Такие просто живут, как хотят, и берут от жизни всё. С такой внешностью было бы грехом не пользоваться теми благами, которые она дарит. Хотя, если присмотреться, можно было понять, что, смой с неё косметику, сними нарощенные волосы и вынь силикон, она бы сильно потеряла в своей прелести. Только лицо бы у неё и осталось. Лицо и точёная талия, кажется, она тоже была родной и натуральной.

Вот, он приближается к ней, она замолкает и отодвигает от лица руку с очередной ягодой, внимательно смотрит в его глаза. Она пьяна, а черешня никудышная закуска. Они ближе, он целует её. Её губы имеют вкус спелой черешни и шампанского, которого она выпила всего полтора бокала, но ей этого хватило, чтобы стать ещё веселее. Всего пару мгновений, умелые, чуть грубоватые движения губ и языка и губы этой дамы приобретают крепкие табачные нотки, черешня стремительно сдаёт свои позиции, но не исчезает до конца даже тогда, когда движения губ всё время сбиваются из-за стонов, а одежда уже валяется на полу, когда тела покрыты потом и испаренной и двигаются в животном ритме. Даже её пот пах черешней...

Чёрт, как же, должно быть, она обожала эту ягоду! Её тело пахло ею, благодаря лосьону, под её яркой помадой был слой смягчающего бальзама с её же нотками. И она её же и ела, так много ела...

Ах, эта спелая тёмная ягода, сок которой так притягательно смотрится на губах, так изумительно стекает по подбородку, шее, задерживаясь в ямочке между ключиц. Жаль, он так и не спросил, любила ли её его спутница всю жизнь или это было капризом одного вечера?

Сейчас в памяти не осталось ничего, кроме того самого запаха спелой черешни. Ничего, даже имени. Но, кажется, её звали Ребеккой. Иногда так бывает, что имя врежется в ткань сознания, наверное, это был тот самый случай.

В дверь постучали. Парень даже не обернулся, лишь негромко ответил:

– Войдите.

Слишком тихо, чтобы тот, кто стоял за дверью, мог услышать. Но, если он не услышит, то это его проблемы. И он услышал.

Дверь бесшумно отворилась, пропуская в просторный номер женскую фигуру. Она старалась идти плавно, но стук тонких длинных каблуков всё же раздался в комнате, отразился притихшим эхом от стен. Дойдя до границы спальни, в которой находился владелец номера, гостья остановилась. Нехорошо было бы вторгаться в личное пространство заказчика без спроса, стоило дождаться приглашения.

Остановившись на пороге спальни, чья дверь была открыта настежь, гостья замерла, ожидая каких-то действий мужчины, что стоял около окна спиной к ней. Но он никак не реагировал на присутствие женщины, словно и не заметил вовсе, что она зашла. Но он знал. Она это точно знала. Такие люди не бывают несобранными и невнимательными, к тому же, она явственно слышала негромкое, но достаточно чёткое «Войдите».

Наверное, он хочет, чтобы она подождала, верно, в этом есть для него какой-то смысл. Что ж, она может подождать. Он – клиент. Он – заказчик. Он – хозяин на сегодняшнюю ночь.

Эта причуда не входит даже в первую сотню странностей, которых она насмотрелась и о которых слышала за три года работы.

Решив остаться на месте, пока её не попросят об обратном, девушка решила потратить время с пользой и рассмотреть своего очередного клиента.

В номере была практически полная темнота, только одна одинокая лампа горела над кроватью, заливая скудный клочок стены вокруг себя тёплым и интимным оранжевым светом. На фоне окна можно было различить лишь фигуру, очертания молодого человека. Чтобы рассмотреть хоть какие-то детали, гостье пришлось послушаться собственного плана действий и шагнуть вперёд, ступая на территорию спальни, на мягкий ковёр, в котором утопали шпильки её туфель.

В это время парень, всё ещё стоявший спиной к своей гостье, едва заметно ухмыльнулся уголком губ. Он не видел, как девушка рассматривала его, какой затаенный интерес всё больше отражался в её глазах, но он это чувствовал, так остро чувствовал... Её взгляды, словно тёплые ладони, водили по спине, проникали под пиджак и футболку, касались кожи, возбуждали... Но ещё было не время оборачиваться. К чему спешить? У них ещё вся ночь впереди...

В пальцах левой руки парня продолжала тлеть сигарета – третья за последние двадцать пять минут, пальцы правой плавно перебирали по холодному подоконнику, рождая едва слышный ритм, который поглощал шумоизолирующий стеклопакет и вибрации гула ночных улиц, текущих по ту сторону окна.

Прищурившись, девушка провела взглядом по спине парня, по его руке и задержалась на кисти, на длинных пальцах, что медленно и так неумолимо, мерно выстукивали некую неведомую ей, но до боли знакомую, мелодию. Так бывает, когда слышишь песню по радио, стоя в пробке или сидя с другом в кафе, а потом и слов вспомнить не можешь, и забыть её напева тоже не получается.

Лёгкое постукивание пальцев по сигарете, парень даже не пытается стряхнуть пепел в пепельницу, он опадает на пол. Гостья внимательно и терпеливо следит за каждым движением своего клиента.

Не спеша, прикрыв глаза, молодой человек подносит сигарету к губам, глубоко затягивается. Несколько секунд он удерживает дым в лёгких, затем несколько шумно, облегчённо выдыхает и бросает взгляд на стекло, в котором отражается силуэт его гостьи. Губы трогает едва заметная усмешка.

Пора.

Новая порция пепла опадает на бежевый, почти молочный ковёр и сигарета отправляется в пепельницу дотлевать и отравлять номер и его гостей своим токсичным ароматом.

Парень упирается ладонями в подоконник, чуть опускает голову и произносит:

– Как тебя зовут?

Голос негромкий, мелодичный, бархатный. От него бросает в дрожь и по спине пробегают мурашки.

Взяв себя в руки, гостья отвечает:

– Меня будут звать так, как вам захочется.

– Забыла добавить «хозяин», – поправил её парень.

– Извините, хозяин, – тут же исправилась девушка.

– Шутка, – на губах отражается усмешка. – Сегодня я не настроен на подобные игры. Я

хочу услышать твоё настоящее имя. То, которое тебе дали родители.

– Анжелика.

– Красивое имя...

– А как мне называть вас?

По тону, по фразам, по тому неуловимому, что сквозило в каждом слове и движении ночной гостьи, было понятно, что она профессионал своего дела. Это не могло не радовать. Кому есть охота иметь дело с дилетантами?

– Обращайся ко мне на «ты», – ответил парень.

Он продолжал стоять спиной к гостье, и она всеми силами старалась заставить себя не напрягаться от той загадочности заказчика, которую напускала данная поза.

– Извини, – ответила девушка и добавила: – Как мне тебя называть?

Молодой человек помедлил какое-то время. Он прекрасно знал, что имеет полное право на промедление. Как говорится – кто платит, тот и хозяин положения. А платил он. И он будет командовать этим балом так, как ему захочется.

Несколько секунд, в которые парень будто бы вспоминал своё имя или придумывал новое, прошли, гостья терпеливо ждала ответа, не смея напомнить о себе или поторопить его. Он обернулся, наконец-то позволяя его гостье хотя бы попытаться рассмотреть своё лицо, и произнёс:

– Блейд. Меня зовут Блейд.

– Хорошо, Блейд, – кивнула девушка.

Она продолжала стоять на месте, но от того, чтобы не предаться любопытству и не начать рассматривать клиента не смогла удержаться. Анжелика сразу же отметила, что её заказчик красив собой, даже более, чем. Он был высокий и стройный, стильно одетый. Узкие чёрные джинсы подчёркивали по-модельному длинные прямые ноги, не каждый мужчина может похвастаться такими. На ногах его едва уловимо поблёскивали в тусклом свете кожаные туфли. Тёмно-серый пиджак, надетый поверх белой футболки с вырезом-лодочкой, сидел идеально и подчёркивал подкачанное тело, которое выглядело проработанным даже в одежде и в столь скудном освещении.

На указательном пальце правой руки Блейда поблёскивал массивный перстень с тёмным камнем. У него были светлые волосы, которые парень носил зализанными назад, что открывало его фактурные черты лица. Взгляд девушки цеплялся по очереди за карие омуты глаз, за скулы и подбородок, которые были словно выточены из мрамора, за губы.

– Нравится? – спросил парень. Он прекрасно видел неподдельный интерес в глазах девушки. Такое не часто увидишь в глазах проститутки.

– Да, ты очень красив, – не смутившись, ответила Анжелика.

– Подойди ко мне, – приказал Блейд.

Анжелика покорно подошла, останавливаясь на расстоянии полутора шагов от парня.

– Включи свет, – новый приказ.

Девушка кивает и послушно отходит к выключателю, щёлкает им, заливая комнату светом. Теперь Блейд мог полностью рассмотреть гостью.

С первого же взгляда было понятно, что его не обманули, говоря, что она одна из лучших. Длинные карамельные волосы были уложены лёгкими волнами и ниспадали по плечам, «случайно» падали в декольте, привлекая внимание к груди. Большие голубые глаза были обрамлены лёгким серым смоки-айс. Аккуратный носик, пухлый рот и не слишком яркая помада, что подчёркивала прелесть и сочность её губ. А фигура...

От одного взгляда на изгибы тела Анжелики, на её длинные ноги, упругую попку и шикарную грудь, что была зажата платьем-бюстье, в каждом просыпались животные инстинкты. Она была одной из тех женщин, которые сводят с ума, но умеют брать не только телом, но и умом.

Да, «поставщик» обещал, что девушка будет не только прекрасна, но и умна. Иного, пожалуй, не стоило ждать от элитного эскорта. Эти дамы должны были уметь всё: от исполнения техники минета «глубокая плотка» до разговоров на тему нестабильности политической ситуации в странах третьего мира. Ещё мужчина, с которым разговаривал Блейд по поводу девушки на ночь, сказал, что все его девочки знают несколько языков: от двух до семи, не считая родного. Неудивительно, что за стандартную ночь с такой дамой, а это примерно десять часов, клиент должен был выложить десять тысяч фунтов стерлингов. И именно столько заплатил Блейд за ночь с Анжеликой.

– Что ты пожелаешь, чтобы я сделала? – спросила девушка, выждав достаточно времени, чтобы клиент смог насмотреться на неё.

Она прекрасно знала все эти взгляды, в которых в разных пропорциях и формах плескались: похоть, желание, агрессия, страх и тому подобное. Но взгляд Блейда её немного удивлял: в нём не было почти ничего из этого списка – лишь желание и... спокойствие.

Списав всё на то, что клиент пока ещё не слишком возбуждён, Анжелика отбросила прочь ненужные мысли и напрягла слух, чтобы не пропустить ответа парня, полностью концентрируясь на нём.

– Сколько тебе лет? – вместо ответа спросил Блейд.

– Двадцать четыре, – честно ответила девушка.

Она не знала, стоит ли смотреть парню прямо в глаза или это может его разозлить, но предпочла первый вариант. Во всяком случае, если она ошибается, она сможет извиниться, а потом замолить «грех» на коленях.

– А тебе? – спросила девушка, полагая, что у них получается диалог.

– Это не важно.

– Как скажешь.

– Сколько лет ты работаешь?

Обычно, такая информация не разглашалась в виду того, что «бывалых» девушек по вызову не слишком любили, срабатывала некая брезгливость. Но Блейд с самого начала их диалога показал, что ему нужна правда, потому Анжелика решила и здесь не лукавить. Впрочем, её рабочий стаж был не таким уж и большим...

– Три года, – ответила девушка.

– В вашем бизнесе это много или мало?

– Обычно, проститутки работают, максимум, пять лет. Но в элитных агентствах, вроде нашего, которые занимаются не только телесными желаниями, бывает, что девушки работают и по пятнадцать лет.

– Ты знаешь таких?

– Лично – только одну. Ей сейчас тридцать пять. Работает пятнадцать лет.

– Это уже лишняя информация.

– Прости.

Блейд несколько минут молчал, смотря куда-то в сторону, думая, испытывая свою гостью на прочность. Ведь, что может быть тревожнее, чем тишина и неизвестность?

– Станцуй, – голос прозвучал вновь тихо, бархатно, обволакивающе.

– Ты включишь музыку?

– У тебя есть с собой телефон?

– Нет, нам запрещено брать их с собой на выезды.

– У вас очень хорошая контора, – кивнул Блейд и бросил на постель свой мобильный телефон. – Возьми мой. Включи ту песню, которая тебе нравится сейчас больше всего, с которой у тебя что-то связано и станцуй.

Анжелика кивнула и взяла аппарат. В несколько щелчков и переходов по ссылкам, девушка нашла свою любимую композицию, от которой сердце заходило трепетом и волнами дрожи. Загрузив песню, она подняла взгляд на парня, спрашивая:

– Мне раздеваться во время танца?

– Я бы сказал, если бы хотел, чтобы ты разделась, – достаточно холодно ответил Блейд. – Просто станцуй.

– Будут особые пожелания?

Парень, до этого не смотрящий на девушку, поднял взгляд, задержал его на её лице, на глазах. Этот зрительный контакт получился слишком длинным и выматывающим, но Анжелика выдержала его с достоинством. Не зря она была одной из лучших в своём деле.

Наконец-то, Блейд ответил на заданный ему вопрос:

– Станцуй для меня так, как танцевала бы для своего любимого мужчины, для своего любовника, от вида и голоса которого у тебя ёкает сердце и мокнет бельё.

– Как скажешь, – согласилась Анжелика.

«Вот именно, как я скажу», – подумал Блейд.

Он сел в кресло, раскидываясь в нём, и сказал:

– Начинай.

Коротко кивнув, Анжелика включила композицию и положила телефон на тумбочку. Музыка, полившаяся из мощных динамиков, была ритмичной и медленной, похожей на транс. Девушка начала неспешно и плавно двигаться, качая бёдрами, скользя руками по изгибам собственного тела. Музыка начала ускоряться и движения Анжелики, вместе с ней, убыстрились, стали порывистыми, почти дёрганными, если бы это происходило вне танца, но здесь, в этой комнате, под эту мелодию, всё казалось логичным и уместным.

И вот музыка резко затихает и Анжелика падает на колени рядом с постелью, прячет в ней лицо. Грудь девушки часто вздымается, от сбитого дыхания разлетаются пряди карамельных волос. После нескольких мгновений тишины музыка вновь начинает литься из динамиков, но уже тихая, едва уловимая, мелодичная, словно последние аккорды страстной ночи, когда оба любовника, уже достигнув своей высшей кульминации, отдыхают, пытаясь выровнять дыхание, обнимая возлюбленного и постепенно поддаваясь навалившейся вдруг сонливости.

«Отлично», – подумал Блейд и обратился к гостье:

– Ты неплохо двигаешься.

– Спасибо, – ответила девушка. Дыхание всё ещё было чуть сбитым. Она подняла голову. – Я семь лет профессионально занималась танцами.

– Ты очень искренняя, – после небольшой паузы произнёс парень.

Он уже не смотрел на гостью, устремив свой взгляд в сторону, и в задумчивости потирая подбородок.

– Ты сам настаивал на этом, – мягко ответила Анжелика.

– И правда...

Блейд вновь взглянул на девушку. Этот взгляд ожёг, подобно раскаленному железу. И тотчас подарил ощущение ледяного холода на коже. Ей вдруг так остро захотелось заглянуть этому парню в глаза, в самые омуты зрачков, что скользили сейчас по её ключицам и скулам в неведомом поиске чего-то.

И Блейд исполнил её странное желание, затаившееся на глубине чёрных дрожащих зрачков. Невыносимо медленно подняв голову, парень взглянул девушке прямо в глаза, прямо в душу. Этот взгляд продлился долго, слишком долго, наверное, несколько минут. И каждый в этом контакте-борьбе не сдавался: Блейд не желал сдаваться и не испытывал напряжения от контакта глазами, а Анжелика не имела права пасовать.

– Отлично...

Это было даже не шёпотом, так, звуком, движением губ. В глазах парня сверкнули искры. Он сменил положение, садясь прямо, и приказал:

– Подойди ко мне.

Плавно ступая, Анжелика вновь приблизилась к своему заказчику и хозяину на эту ночь. Она остановилась между его разведенных коленей и взглянула в глаза, затем, её взгляд соскользнул на губы парня.

Парень подался чуть вперёд, отрывая спину от спинки кресла, окончательно выпрямляя её. Он смотрел на девушку снизу, но, всё равно, по его взгляду, по тому, как он держался, было понятно, что он руководит, что он – сверху.

Не разрывая зрительного контакта, Блейд поднял руку и поманил Анжелику пальцем, приглашая склониться к нему. Когда девушка выполнила немую просьбу, он произнёс:

– Приступай к делу. И, я надеюсь, ты поцелуешь меня?

Анжелика слегка улыбнулась, демонстрируя белую полоску зубов, и медленно склонилась к парню, упираясь руками в подлокотники кресла. Приблизившись к его лицу, девушка замерла, играя, дразня. Томный взгляд из-под полуопущенных ресниц приходится прицельно в глаза Блейда, попадает в цель. О, бесспорно, она так искусно умеет играть в эти игры!

Блейд не торопит её. Его взгляд выражает полное спокойствие, контроль над ситуацией. Мышцы лица расслаблены, в глазах отражается ожидание.

Новая улыбка дрогает на пухлых, блестящих от помады губах Анжелики, она прикрывает глаза и приближается к лицу парня, прикасается к губам. Всё происходит так медленно, неторопливо: ленивые, такие умелые движения губ, лёгкое, влажное скольжение языка по нижней губе. Анжелика не спешит добавлять в поцелуй больше страсти, пока её об этом не попросят, она чувствует, что ещё не время.

Она так искусна в этих движениях, что мозг начинает медленно плавиться, таять. Блейд отвечает ей не менее умело. Кажется, будто он занимался этим всю жизнь, будто был рождён именно для этих поцелуев. Анжелика не может не отметить его умелость, это приятно удивляет девушку. Всегда приятно быть рядом с тем, кто хорош собой не только внешне, но и внутренне, кто умеет пользоваться всем тем, чем наградила его природа, доведя свои навыки до совершенства.

– Ты очень хорошо целуешься, – шепчет Анжелика в самые губы парня, на мгновение оторвавшись от них.

Блейд едва заметно ухмыляется. Бесспорно, приятно слышать подобное от той, которая познала очень многих. Приятно... но так банально.

Девушка вновь прикасается к губам Блейда, вовлекает его в тягучий поцелуй, который

становится всё более влажным, томным, горячим. Она ставит свои колени по бокам от его бёдер, седлая его, обнимает за шею, прижимая ближе, давая понять, что она готова – готова на всё, чего он пожелает. Сегодня лишь он её хозяин и повелитель.

Этот поцелуй мог бы скоро перерасти в более животную и настоящую близость, чего и ожидала Анжелика, но Блейд не позволил этому случиться так быстро.

Отстранившись, парень сказал:

– Выпей со мной.

– Выпить? – немного удивилась девушка. Она продолжила сидеть у него на коленях, но подалась назад, заглядывая в его обворожительные карие глаза.

– Да, – чуть кивнул Блейд и мягко отстранил девушку от себя за бёдра.

Ей не пришлось повторять дважды. Встав, Анжелика огляделась по сторонам и, найдя столик с початой бутылкой бренди и двумя бокалами, обратилась к парню:

– Наполнить бокалы?

– Будь добра.

Исполнив просьбу, девушка передала один бокал клиенту. Не услышав дальнейших инструкций, она встала перед парнем, держа в руке бокал, но не отпивая из него.

– Выпей, – кивнул Блейд и сам поступил так же.

Анжелика покорно сделала несколько глотков, осушая бокал наполовину. Напиток был крепким, но не противно горьким, как это бывает. Качество и цена его сквозили в каждой капле.

– Обычно, клиенты не слишком любят, когда девушки пьют, – произнесла Анжелика, поддерживая ту непринужденную беседу, начало которой положил её заказчик.

– Может быть... – ответил Блейд. Он помедлил несколько секунд, перекатывая бокал в руке, затем поднял взгляд на Анжелику. – Но мне нужен не только секс. Я хочу поговорить, – он сделал небольшой глоток, – не долго, но качественно.

– Я готова, – отозвалась Анжелика.

Она отошла к кровати и присела на неё, положила ногу на ногу, приковывая внимание к стройным бёдрам и манящим коленям. Она продолжила:

– Я владею многими темами. Что конкретно тебя интересует, Блейд?

Он помолчал несколько секунд, затем ответил:

– Расскажи мне о себе. Где родилась? Кто твои родители? Как попала в этот бизнес?

– Я родилась в Манчестере. Моя мать была учительницей иностранных языков: немецкого и итальянского, сейчас она уже на пенсии. А отец работал в банке, занимался кредитами. Сейчас он временно не работает, проблемы со здоровьем, но вскоре должен вернуться к должности.

– У тебя есть братья или сёстры?

– Только кузены и кузины, – она сделала глоток бренди. – Родных нет.

– Ты хорошо училась в школе?

– Почти отлично. У меня были проблемы с историей и географией. Но сейчас я исправила пробелы в своих знаниях.

– Как звали твоего первого парня?

Анжелика подняла на Блейда удивленный взгляд. Вопрос застал врасплох и показался несколько странным.

– В каком смысле? – уточнила девушка и вновь отпила бренди, в горле отчего-то пересохло.

– Можешь ответить про первый сексуальный опыт. Но я имел в виду того, с кем ты впервые имела романтические отношения. Или это был один и тот же парень?

– Нет, это были разные парни.

– И как их звали?

– Того, с кем я впервые встречалась и кого любила звали – Сэм. А того, с кем случился мой первый секс – Дрейк, он был немцем, приезжал к нам по обмену.

– И как так получилось, что любила ты одного, а отдалась другому?

Эти вопросы, этот взгляд, который периодически ранил прямо в сердце, подцеплял душу, заставляли чувствовать себя немного неуютно, теряться, что было непозволительным для такой, как Анжелика.

Взяв себя в руки, девушка ответила:

– Я любила Сэма, но мы очень сильно поссорились, расстались. Тогда это казалось мне катастрофой, мне было безумно больно и я была очень обижена на него и на весь мир. И тут подвернулся Дрейк, он был очень обаятелен и казался немного экзотикой, иностранец, всё-таки...

Она прикрыла глаза, припоминая, и добавила:

– Помню, что у него был такой притягательный акцент, который просто сводил девушек с ума.

Блейд понимающе кивнул, взглянул на свой бокал и, допив его содержимое, отставил на столик.

Они ещё долго говорили: о родителях, о работе, об увлечениях. С каждым словом Анжелики Блейд всё больше убеждался в том, что она – очень разносторонняя личность. И даже то, что девушка, грубо говоря, была проституткой, торговала собой, не могло её испортить.

Стрелки часов уже переместились к двум часам ночи, а бутылка Бренди опустела на две трети, когда личные, интимные разговоры иссякли, когда с ними было покончено.

Отставив бокал, Блейд поманил девушку к себе. Она давно уже этого ждала. Нет, ей не хотелось поскорее покончить с работой и покинуть этот номер и этого молодого мужчину, что было бы логичным и понятным. Наоборот, она желала познать близость с ним, потому что в нём было нечто такое, чего она никогда ранее не видела, не ощущала. Это – неуловимое и притягательное сквозило в каждом его движении, в каждом взгляде, в каждом слове. И это манило её к себе, как бабочку манит пламя.

Встав, Анжелика медленно подошла к Блейду. На губах лёгкая улыбка, глаза блестят от выпитого и от желания, которое плещется в глубине её бездонных зрачков. Она протягивает руку и Блейд подаёт ей ладонь в ответ, позволяет потянуть, поднять себя из кресла и подвести к постели.

Мягкий толчок в грудь усаживает Блейда на кровать. Он продолжает смотреть на свою ночную спутницу. Она ставит колено на кровать, оно чуть утопает в мягкой перине матраса, и приближается к его лицу, запускает пальцы в волосы, играя светлыми уложенными прядками.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – сбивающимся шёпотом шепчет девушка.

Её грудь так близко к его губам, она часто вздымается, ей тесно в платье, она манит.

– Сними бельё, – приказывает Блейд. – Сними бельё, а платье оставь.

Услышав приказ, Анжелика отступает, заводит руку за спину, не сводя взгляда с парня. Едва слышный щелчок крючков бюстгалтера, умелое движение и деталь белья отправляется

на пол. Продолжая смотреть клиенту в глаза, девушка медленно снимает трусики, задерживает тонкое, тёмно-синее кружево на изящных щиколотках и тоже отбрасывает в сторону.

– Чего ты хочешь сейчас? – спрашивает Блейд, наблюдая за движениями гостьи.

– Тебя, – томным шёпотом отвечает девушка.

Блейд едва заметно ухмыляется и откидывается назад, полуложась, опираясь на локти.

– Бери, – отвечает он. Тон дразнящий, в глазах черти, что обещают столь многое...

Не смея послушаться приказа и собственных желаний, Анжелика подходит к постели, на которой лежит парень, мягко проводит рукой по его щеке, ведёт вниз: по груди, животу, задерживается на линии ремня. Облизав пухлые губы, Анжелика целует его и, не позволив поцелую стать слишком продолжительным, переходит к шее, плечам, груди, покрывая их влажными, горячими поцелуями.

Дойдя до середины живота парня, Анжелика принялась расстегивать его штаны, делая это очень аккуратно и незаметно. Ладонь девушки легла на ширинку Блейда, отмечая его возбуждение и ту твёрдость, что ощущалась даже через плотную джинсовую ткань.

Улыбнувшись, облизав губы, девушка неспешно расстегнула его ширинку и, освободив налитый кровью член от плена ткани, поцеловала влажную головку, облизала её, а, затем, погрузила весь орган парня в рот. Размер был внушительный, и головка упиралась ей в горло, раздражая его, но Анжелика быстро справилась с неприятными ощущениями и полностью отдалась процессу, облизывая весь ствол, посасывая головку, туго обхватывая твёрдый орган губами, создавая ощущение обворожительной влажной тесноты.

Тихий стон срывается с губ Блейда. Он отстраняет девушку от себя и медленно тянет её платье вверх. Анжелика покорно поднимает руки, позволяя избавиться себя от одежды. Платье отправляется на пол, на ней остаются только туфли на высоком каблуке.

Блейд скользит взглядом по изгибам её тела, по напряженной груди с возбуждённо торчащими сосками. К взгляду присоединяются руки. Дойдя до бёдер девушки, Блейд скользит рукой ей между ног, которые она тотчас слегка разводит. На пальцах и ладони парня остаётся влажный шёлковый след. Девушка прикрывает глаза, вздыхает, её нравятся эти прикосновения, ей нравится он.

Блейд слегка ухмыляется. Бесспорно, льстит, когда тебя хочет проститутка, по-настоящему хочет. Конечно, девушка могла подготовиться, идя на вызов. Но искусственная смазка успела бы высохнуть за те часы, что они разговаривали. Не было сомнений, она хочет его, по-настоящему хочет.

Он склоняется к её груди, прикасается губами, обхватывает ими сосок, слегка прикусывая, посасывая. Стон срывается с губ Анжелики, она закрывает глаза, запуская пальцы в волосы парня, притягивая его голову ближе к себе, и разводит ноги ещё шире, это движение выдаёт её с потрохами.

Наградив поцелуями весь торс девушки, не обделив ласками ни единый сантиметр тела, Блейд берёт её за плечи и укладывает на кровать. Она пододвигается выше, ложится на подушки: они такие мягкие, пуховые...

Нависнув над девушкой, Блейд скользит взглядом по её обнаженному телу, проводит по его изгибам кончиками пальцев, заставляя её дрожать под его ласками. Рука парня скользнула в промежность Анжелики, прикоснулась к горячей влажной плоти. Несколько раз проведя по лобку девушки, по её половым губам, он мягко раздвинул их, касаясь твёрдого обжигающего клитора, лаская его круговыми движениями, давя. Анжелика закрывает глаза

и бесстыдно стонет, сгибает колени и разводит их, приглашая парня между ними.

Место указательного пальца занимает большой, а указательный скользит ниже, находя влажный вход девушки, мягко проникая в него. Анжелика выгибается, поддаваясь навстречу движениям парня.

Блейд до сих пор полностью одет, но этого его совершенно не смущает. Он продолжает ласкать девушку до тех пор, пока его пальцы не начинают блестеть от её влаги, а внутренняя поверхность её бёдер не покрывается каплями и разводами смазки.

Прикрыв глаза, Блейд шумно втянул воздух, впитывая в себя этот запах первозданного истинного возбуждения, которым истекает каждая клеточка тела его любовницы.

Продолжая ласкать Анжелику, Блейд снимает пиджак, избавляется от футболки и склоняется к лобку девушки, проводит по нему носом и, скользнув ниже, слизывает капельку густой влаги с её бедра. Новый стон срывается с губ девушки, она закрывает глаза, более не в силах заставлять себя держать их открытыми.

Расправившись с джинсами, трусами и ботинками, Блейд встал, взял из тумбочки упаковку презервативов. К шумному дыханию прибавился на мгновение шелест упаковки контрацептива.

Блейд нависает над Анжеликой, проводит ладонью по внутренней стороне её бёдер, пальцы вновь покрываются скользкой влагой. Не ложась на неё полностью, упираясь ладонями в постель около плеч девушки, парень медленно входит в неё. По слуху парня проходит электрическим током стон девушки, который вырывается из самой глубины её груди.

Дождавшись, пока Блейд почти полностью войдёт в неё, Анжелика закинула ноги ему на поясницу, сцепляя их, прижимая его к себе, приглашая познать всю её глубину, взять её целиком и полностью.

Не спеша, Блейд склоняется к её лицу и мягко, медленно целует в губы, ласкает её рот языком. Анжелика просто плавится от этих прикосновений. У неё нередко были очень искусные клиенты, которых заботило не только собственное наслаждение, но равных Блейду она вспомнить не могла, их просто не было. Каждое его движение, каждая фраза, сказанная бархатным негромким голосом, каждый взгляд, что проникал в самую суть, подобно острому лезвию ножа – всё в нём сводило с ума. Девушка на мгновение задумалась над тем, как же у такого красавца и шикарного любовника не может быть девушки, почему он пользуется услугами проституток? Но в следующую секунду эту и иные мысли выбило из головы умелым движением, заставившим девушку выгнуться дугой и громко застонать, закатывая глаза под закрытыми веками.

Её руки ложатся ему на спину. Она старается сдерживать себя, но на его коже всё равно остаются розовые следы-борозды от её ногтей. Она чувствует, как у неё внутри всё трепещет, взрывается, а ведь он в ней всего минуту. Всего минуту... А она уже готова сойти с ума и вознестись к небесам.

«Кричи», – думает Блейд и резко выходит, умело и легко переворачивает Анжелику, ставя её на четвереньки, и снова проникает в её тело.

Стон получается слишком громким, он срывается на крик и более не затихает. Ей кажется, что она вот-вот кончит, что осталось совсем немного. И этот момент слишком скоро наступает, накрывая её с головой, подобно лавине. Но Блейд не останавливается. Мерно, ритмично врываясь в дрожащую, судорожно сокращающуюся глубину девушки, он продолжает дарить ей нестерпимое наслаждение, приближая и себя к заветному финалу.

Через какое-то время Анжелика окончательно затихает, у неё более нет сил даже на то, чтобы стонать. Она просто лежит, уткнувшись лицом в подушку: по бёдрам стекает смазка, на ладонях полумесяцы от ногтей, пальцы сведены судорогой – не разогнуть.

Блейд чувствует, что его вот-вот накроет оргазм. Он сильнее стискивает зубы, чтобы не застонать, сильнее вцепляется в бёдра девушки и начинает двигаться быстрее, мощнее.

Несколько минут безумного ритма, сбитое донельзя дыхание, капельки пота, стекающие по вискам и спине, волосы, прилипшие к мокрому лбу. Он запрокидывает голову, хватая ртом воздух, закрывает глаза и, резко стиснув зубы, кончает. Блейд продолжает двигаться, вколачиваясь в тело любовницы, пока в его собственном теле не стихает последняя судорога оргазма. Затем, он резко выходит, ложится на спину, переводя дыхание.

Отдохнув всего несколько секунд, он тянется за сигаретой, закуривает. Анжелика так и продолжает стоять в той позе, в которой он её оставил, силы на то, чтобы сменить положение, у неё появляются лишь через несколько минут.

Девушка садится, смотря на парня, что не спеша курит, смотрит куда-то перед собой. В её глазах усталость, восхищение и удивление. В его глазах так и осталось спокойствие, которого Анжелике было не понять.

Докурив, Блейд раздавил сигарету в пепельнице и вновь притянул девушку к себе. Она покорно перекинула через него ногу, седлая бёдра. Её тело извивалось, подобно змее под его ладонями, а в глубине живота зарождалось новое желание.

Они окончательно устали, выдохлись только к четырём часам утра, потеряв к тому моменту счёт своим любовным схваткам.

Анжелика лежала на плече своего клиента-любовника, уже даже не пытаясь выровнять дыхание, опалая им грудь парня. Блейд снова курил, держа сигарету в пальцах левой руки, отчего появлялась угроза того, что раскаленный пепел упадёт на плечи девушки. Но этого не случилось.

Докурив, Блейд потушил окурок и отодвинул пепельницу, что источала удушливый аромат крепкого табака. Он начал мягко поглаживать любовницу по плечам, успокаивая, убаюкивая. Постепенно, его ладонь достигла горла девушки и, перемешивая это с ласками-поглаживаниями, начала сжимать: всё сильнее и сильнее.

Когда приток кислорода был окончательно остановлен, Анжелика испугано распахнула глаза, что-то прохрипела, попыталась оттолкнуть руку парня.

Блейд улыбнулся и убрал руку, позволяя Анжелике вновь вдохнуть. Он сказал:

– Мне казалось, что ты должна быть готова ко всему.

– А... – голос девушки чуть хрипел.

Она поморщилась и села, держась за горло, которое ныло после крепкого захвата.

– Я не думала, что... что ты опять захочешь.

– Захочу? – переспросил парень, оборачиваясь на девушку.

– Да, просто, обычно душат во время секса. Многих это заводит.

– Нет, я пока больше не хочу. Я просто проверял, как ты отреагируешь на это.

– Нормально, – чуть улыбнулась Анжелика, продолжая держаться за шею. – Я готова к подобным играм.

– Хорошо. Если у нас ещё останется время, мы обязательно попробуем нечто подобное.

– Я буду у тебя до десяти утра.

– Да, я знаю, – кивнул Блейд.

Он слегка нахмурился, огляделся по сторонам и снова заговорил:

– Спи, Анжелика. Думаю, ты тоже устала.

– Если честно – ужасно, – улыбнулась девушка и потянулась, зевнула.

– Тогда, ложись и отдыхай.

Парень подполз к ней и мягко надавил на плечи, укладывая на спину. Она улыбнулась и закрыла глаза, прошептала:

– Спокойной ночи, Блейд.

– И тебе, Анжелика, – кивнул парень. – Спи спокойно.

Улыбка продолжала оставаться на губах девушки даже тогда, когда сознание начало угасать, засыпать.

Выждав несколько минут, Блейд потянулся к тумбочке, бесшумно открыл нижний ящик и достал оттуда длинный острый нож. Не спеша, он сел рядом с Анжеликой, провёл взглядом по её телу, лицу.

– Спи спокойно, – шепнул он и, накрыв её губы ладонью, занёс над её грудью клинок.

Одно умелое движение и сталь протыкает плоть так же легко, как ткань. Серебро ножа окрашивается тёмно-алой кровью. Глаза девушки в шоке распахиваются, в них отражается мольба, ужас, но она не может издать ни звука, из горла вырывается лишь жалкий писк.

В её груди находится стальной клинок, что готов отнять жизнь, что высасывает её соки, подобно голодному пауку. Девушка отчаянно пытается сопротивляться, кричать, но всё тщетно. Блейд слишком хорош в своём деле. И уже второй удар ножом заставляет её замолчать, замолчать навеки.

Свет в глазах Анжелики тускнеет, гаснет. Блейд убирает ладонь с её губ: они чуть разомкнуты в крике, который так и не вырвался из её груди.

Посидев несколько секунд, парень приложил ухо к залитой кровью груди девушки, слушая сердце, что уже замолчало в рёберной клетке.

Подождав несколько минут, неспешно выкурив сигарету, Блейд встал, надел трусы и достал из сумки, что стояла под кроватью, флакон с отбеливателем. Надев резиновые перчатки, парень пошёл по номеру, методично протирая все поверхности, к которым прикасался. В последнюю очередь он вернулся к Анжелике и протёр каждый сантиметр её кожи, стёр с груди кровь, которая могла сохранить его следы.

После этого все моющие средства были тщательно упакованы в непрозрачный пакет и убраны в сумку, туда же отправились и использованные презервативы.

Ещё раз покурив – время позволяло, сейчас было только полпятого – Блейд аккуратно сложил свою одежду, тоже убрал в сумку и достал «маскарадный костюм», в котором пришёл сюда, и в котором ему предстояло покинуть стены отеля.

По «счастливой случайности» в коридорах отеля не работали камеры. В номерах их никогда не было – знаменитые постояльцы отеля, которых было много, были против «слежки». Оставался лишь молодой мужчина на стойке регистрации, который выдавал ключ «Мисс Фрибли».

Аккуратными, медленными движениями, Блейд нанёс на губы бардовую помаду, поправил белый парик и взглянул на своё отражение, отмечая необычайное сходство с реально существующей женщиной. В Лондоне Блейд снимал квартиру, а эта мисс жила в соседнем доме и постоянно гуляла от дерева к дереву со своей мерзкой маленькой собачкой, что лаяла на каждого и пыталась поймать всё, что двигалось и не двигалось.

Ещё раз поправив одежду, убедившись, что всё сидит идеально, Блейд забрал свои сумки и, бросив напоследок взгляд на уже побледневшее тело своей ночной гостьи, покинул номер,

бесшумно закрывая за собой дверь.

Дорога до выхода оказалась быстрой, ему никто не встретился. Подойдя к стойке регистрации, Блейд протянул ключи молодому мужчине в униформе.

– Уже уезжаете, мисс? – удивился работник.

– Да, – не своим, высоким голосом ответил парень.

Работник быстро забрал ключи, что-то вбил в компьютер и, вновь подняв глаза на Блейда, произнёс:

– Доброго вам дня, мисс Фрибли. Останавливайтесь у нас ещё.

– Обязательно, – чуть улыбнулся Блейд и развернулся, направляясь к выходу.

Открыв тяжёлые двери, он шагнул за порог отеля, посмотрел в ещё такое тёмное небо, втянул в лёгкие ночной воздух. За спиной осталась ещё одна отнятая жизнь, а впереди была дорога домой. Он очень соскучился по дому...

Кто?

Ангел ли демон?

Вечная тема добра и зла

В руках синяя птица, крылья-страницы

И была – не была...

Слот, Ангел ли демон©

Уже объявили окончание посадки на рейс «Лондон-Берлин». Блейд стоял в помещении для курения, делая последние глубокие затяжки, запуская в полёт по комнате витиеватые круги и змейки крепкого дыма. Он курил с шестнадцати лет и к настоящему моменту, к двадцати шести годам его зависимость от сигарет приобрела такие масштабы, что он не мог прожить без табака и одного часа. А впереди был двухчасовой перелёт...

– Уважаемые пассажиры, посадка на рейс «Лондон-Берлин» заканчивается, просьба всем пройти на посадку... – сказал механический голос по громкоговорителю.

Последний раз втянув в лёгкие едкий дым, Блейд раздавил сигарету в пепельнице и, толкнув тяжелую дверь, покинул задымленное помещение. Все те, кто тоже должен был лететь этим рейсом, уже заняли свои места, готовясь к недолгому, но изнурительному перелёту – так всегда бывает.

Быстрым шагом преодолев расстояние до коридора-рукава, что вёл к самолёту, парень показал свой билет работнику аэропорта, ответственному за это, и, услышав заученное: «Доброго пути», пошёл дальше.

Как он и думал, все уже заняли свои места, только кресло, расположенное рядом с его посадочным местом, пустовало. Сверившись с билетом, Блейд занял место у окна и, вдев в уши наушники, включил музыку, отвернулся к окну. Скоро стюардесса как обычно попросит всех отключить электронные приборы, дабы не создавать помехи в управлении летающей машиной, но кто её послушает? Эти предосторожности никого не интересуют и не заботят, каждый, кто сидит сейчас в этом салоне, уверен, что непременно сойдёт на землю, уверен, что не умрёт – не умрёт никогда. Люди так глупы и слепы в своей уверенности...

Они, люди, не думают, не подозревают о том, что их жалкую жизнь может оборвать всё, что угодно: авиакатастрофа, автомобильная авария, упавший из окна на их голову цветочный горшок или даже такая глупость и мелочь, как лужа на полу ванной, на которой они поскользнутся и размозжат голову об раковину. А ещё нельзя списывать со счетов такую очаровательную неожиданность, как встреча с не тем человеком, который, как это обыкновенно бывает, так понравится вам на первый взгляд...

Блейду досталось место в середине салона, как раз там, где из иллюминаторов видны крылья железной птицы. Но сейчас вид из окна не представлял собой совершенно ничего интересного – самолёт стоял на месте, люди сновали по салону, меняясь местами, чтобы было удобнее, переговариваясь со знакомыми и завязывая новые знакомства, что едва ли проживут дольше тех двух часов, что будет длиться полёт.

Вздыхнув, Блейд отвернулся от окна, начиная медленно, лениво оглядывать тех, кто сидел в самолёте, скользить взглядом с одного лица на другое. Вот симпатичная брюнетка,

которая что-то увлечённо рассказывает своей соседке, активно жестикулируя при этом, ей лет семнадцать, максимум. Вот зрелая женщина с кругами под глазами от недосыпа. У неё очень красивые светлые волосы. А на коленях у неё сидит двухгодовалый сын, который всё время перебирает ногами, верно, просясь на пол. По тому, как спокойно эта дама реагирует на попытки сына вырваться, становится понятно, что этот ребёнок у неё не первый. Наверное, их, детей, у неё трое или четверо – дородная фигура, большой бюст и что-то неуловимое и первозданно материнское, что отражается в её глазах, говорит о том, что она – прирожденная мать.

Женщина с ребёнком наконец-то позволяет сыну больше свободы, ссаживает его на соседнее сиденье, а Блейд идёт дальше, переводя свой взгляд на следующего человека. Им оказывается парень лет двадцати-двадцати трёх. Его длинные волосы следовало бы вымыть, они успели засалиться, на голове у него большие наушники, он едва заметно покачивает головой в такт тому, что слушает. Не слишком интересный экземпляр.

Следующим человеком, на которого Блейд обращает своё внимание, оказывается молодая женщина. У неё каштановые волосы, красивый профиль и королевская, а, скорее, просто очень напряженная осанка. Она сидит ровно, смотрит перед собой, не реагируя ни на копошение женщины, сидящей рядом с ней, ни на перемещение стюардессы, что бегаёт туда-сюда по салону. На её лице спокойствие, в глазах пустота...

Боковым зрением парень замечает, что к нему кто-то подходит. Скопив глаза, он видит женщину преклонных лет. В глаза успевают броситься только её сиреневая блузка с тёмно-серыми цветами на ней и причёска – такую носила Мэрилин Монро, только знаменитая и ныне покойная актриса завивала свои волосы на крупные бигуди, а голову этой женщины украшали очаровательные и совершенно белые от седины кудряшки.

Удовлетворившись этим беглым взглядом и теми данными, что он смог предоставить, Блейд снова отвернулся к окну. Женщина поставила свою сумку наверх и заняла своё место. Всё-таки, Блейду не придётся лететь в одиночестве, что было бы не самым худшим вариантом.

– Уважаемые пассажиры, мы готовимся к взлёту. Просим всем привести спинки своих кресел в горизонтальное положение, пристегнуть ремни и выключить все электронные приборы... – эти слова донеслись до сознания Блейда, пробившись через волны музыки, что звучали у него в ушах.

Вместо того, чтобы послушаться и отключить телефон, Блейд прибавил звук, чтобы слова стюардессы более не отвлекали его от мыслей. Он надеялся на то, чтобы ему удастся уснуть в скором времени после взлёта. Конечно, путь предстоял не долгий, но он не слишком любил дороги, потому старался путешествовать только на не слишком далёкие расстояния. Больше пяти часов в пути для него превращались в пытку, особенно, если в салоне были орущие дети или же влюбленные парочки, которые ласкались и целовались, ворковали, заполняя салон запахом секса и похоти, и всё время старались улучшить момент, чтобы уединиться в туалете.

Но здесь не было влюбленных парочек, по крайней мере, их не было в поле видимости Блейда. Орущих детишек тоже не наблюдалось: тот мальчик, который сидел недалеко, и кроме которого детей на борту не было, был, хоть и непоседлив, но не громок в выражении своих эмоций. А рядом была только эта пожилая женщина и пустое кресло, которое уже вряд ли кто-то займёт, потому что двигатели самолёта уже завели и он начал медленно разворачиваться, чтобы выехать на взлётную полосу.

– Извините?

Блейд не услышал этого обращения, но через несколько секунд почувствовал лёгкое прикосновение мягкой ладони к своей руке. Он обернулся и вынул наушники, затем, быстро выключил музыку и взглянул на свою соседку, которая попросила его внимания.

– Вы что-то хотели, миссис? – тактично спросил Блейд у пожилой дамы.

Вблизи, при детальном рассмотрении, она оказалась ещё более милой и обаятельной, чем казалась. И даже несколько выцветшие глаза и сети морщинок, что украшали её лицо, шею, руки, не могли испортить её. Наверное, в молодости она была очень красива.

– Да, – с лёгкой смущенной улыбкой кивнула женщина. – Мне немного странно и стыдно обратиться к вам с этой просьбой, но не могли бы вы подержать меня за руку, пока мы не взлетим?

Странная просьба пожилой дамы не удивила Блейда, хотя, она и была необычной. Он спросил:

– Как вас зовут, миссис?

– Роуз, – ответила женщина.

– Хорошо, Роуз. Думаю, меня это совершенно не затруднит.

– Благодарю вас, – искренне улыбнулась женщина и протянула свою тонкую аристократическую ладонь, но самостоятельно взять парня за руку не решилась, воспитание не позволяло.

Не желая смущать даму, Блейд сам взял её ладонь в свою, аккуратно и удобно устраивая на подлокотнике. В этой странной ситуации его лицо, его взгляд отражали обыкновенное спокойствие, которое успокаивающе действовало и на его соседку, давало ей понять, что ничего плохого не случилось и не случится.

– Вы боитесь летать, Роуз? – спросил Блейд, когда самолёт начал набирать скорость, разгоняясь на взлётной полосе.

– Ужасно, – вздохнула женщина. Каждое её движение выдавало напряжение.

– Не бойтесь, – мягко произнёс Блейд, чуть сильнее сжимая хрупкую ладонь женщины, демонстрируя поддержку. Он добавил: – Самолёты падают крайне редко, сомневаюсь, что это произойдёт именно с нами.

– Я знаю, – вздохнула Роуз. – Я не знаю, откуда у меня этот страх. Я начала испытывать его ещё до того, как впервые вошла на борт самолёта. Мне тогда было семнадцать, а страх поселился в моей душе в пятнадцать или даже раньше. Помню, как слушала рассказы своего отца о работе, как смотрела его фотографии с этими огромными крылатыми машинами, и всё у меня внутри замирало от ужаса, – она помолчала несколько секунд и добавила, уточняя: – Мой отец был военным пилотом.

– С вашим отцом произошла беда на службе?

– Нет-нет. Он успешно отслужил своё и ушёл на заслуженный отдых. Только однажды в его опыте было такое, что самолёт вышел из строя во время испытаний, но он смог успешно катапультироваться, только ногу повредил во время приземления, но не слишком сильно. Мне тогда было пять лет.

– Наверное, поэтому вы и боитесь. Родители для каждого человека – самое важное в мире, тем более, в детстве. Если не будет их – не будет жизни. Потому нормально, что в вашем сознании неприятный эпизод с отцом связался с опасностью полётов.

– Вы психолог? – удивлённо спросила женщина.

– Нет, – Блейд слегка улыбнулся.

– А вы могли бы стать отличным лекарем душ, – без тени иронии произнесла женщина. – Вы – очень отзывчивый человек. И очень проникновенный.

Она помолчала несколько мгновений, затем, вспомнив, спросила:

– А как вас зовут?

– Блейд, – представился парень.

– Подумайте об этом, Блейд, вы бы могли помочь очень многим, я в этом просто уверена.

Блейд едва заметно усмехнулся и отвёл взгляд. В памяти вспыхнули воспоминания и лица... многие лица тех, кому он помог найти покой.

– Роуз, – вновь вернувшись к женщине, поинтересовался парень, – почему же вы летите одна, если так боитесь этого?

Женщина вздохнула, чуть прикрыла глаза, улыбнулась. Было понятно, что она подумала о чём-то светлом и приятном для себя, дорогом.

– Я лечу в Германию, чтобы повидать сына. Я и сама урожденная немка, но с мужем мы сорок один год назад перебрались в Англию, в Лондон. Знаете, Блейд, на тот момент, в начале семидесятых, Берлин и Лондон так разительно отличались! Казалось бы – две столицы, а столько различий...

– У каждой страны свой стиль и свой вид, свой образ жизни и мысли, – ответил Блейд, – и столицы – лучшее отражение этого.

– Может быть, вы и правы, – вздохнула женщина. – Но, знаете, между Берлином, в котором я росла, который был подобием советского союза, и тем городом, который я увидела уже в девяностых, приехав туда с мужем, есть огромная разница. Жизнь до падения Берлинской стены и после, вообще, очень отличалась. Но вы, Блейд, наверняка этого не знаете.

– Я родился в восемьдесят пятом году, – ответил Блейд, – так что, да, я не могу помнить, какова была жизнь в разделённой стране.

– А в какой части страны родились вы: ФРГ или ГДР?

– В ФРГ. Мои родители жили в западной части Берлина.

– Мои родители тоже пытались несколько раз перебраться туда, но у них ничего не получилось. Потом, когда я выросла, я тоже хотела уехать, но познакомилась с будущим мужем и, вместо ФРГ, мы уехали в Лондон. Как сейчас помню это: на дворе тысячи девятьсот семидесятый год, мне двадцать три года. По миру начинает ходить эпидемия хиппи, все слушают Beatles и Rolling Stone, – женщина мечтательно улыбнулась, вспоминая молодость. – Помню, в тот день я надела новую летящую мини-юбку и белые балетки, а на улице, как назло, пошёл ливень. У меня сломался зонт, я пережидала непогоду на автобусной остановке, и меня облил проезжающий мимо автомобиль из лужи. Как же я расстроилась тогда... И тут ко мне подошёл он, – она вновь улыбнулась. – Обаятельный красавец с обворожительной улыбкой, от которой ёкало сердце. Он усадил меня на скамью, достал огромную упаковку салфеток и начал вытирать мои перепачканные в грязи ноги. Оказывается, именно ради салфеток он тогда и вышел из дома. Наверное, это и есть судьба... С того дня мы не расставались. Несмотря на то, что он заканчивал учёбу в лётной академии и у него было очень много работы по учёбе и практике, мы встречались каждый день и проводили вместе минимум три часа. А уже через семь месяцев после знакомства мы улетели в Лондон, чтобы там обосноваться и, как только распаковали чемоданы, пошли и поженились. Это было славное время.

Блейд сдержанно кивнул. Он не знал, как реагировать на откровения женщины, на столь душевный и светлый рассказ об её жизни. Он не верил в судьбу и прочее – жизнь заставила не верить – но говорить об этом и разрушать лучистую картину мира этой милой дамы не хотелось.

– А вы, Блейд, у вас есть жена? Или девушка?

Она помолчала несколько секунд, затем добавила, чуть нервничая при этом:

– Или парень. Наверное, правильно спросить и об этом?

– Нет. У меня никого нет.

– Вы одиноки?

Блейд чуть поморщился и ответил:

– Я не люблю называть это так.

– Извините.

– Ничего, Роуз.

– Значит, – после некоторого молчания вновь заговорила женщина, – вы летите в Берлин к семье?

– Да, – ответил парень. Он смотрел вперёд, и Роуз не увидела того, что отразилось в его глазах в этот момент.

Самолёт набрал предельную скорость и, чуть подскочив, оторвался от взлётной полосы, взмывая в воздух, набирая высоту. Женщина сильнее сжала ладонь Блейда своими тонкими пальцами, случайно впившись в неё аккуратными овальными ногтями.

Губы Блейда дрогнули в ответ на эту несильную боль, но он ничего не сказал по этому поводу, продолжая держать женщину за руку и смотреть вперёд.

Когда самолёт набрал нужную высоту и выровнял своё положение в воздухе, пассажирам разрешили отстегнуть ремни и начать передвигаться по салону. Роуз ослабила хватку, но окончательно руки Блейда не отпустила.

– Вы говорили, что ваш муж учился в лётной академии, – произнёс Блейд, – он работал пилотом?

– Да, – женщина улыбнулась. – Тридцать лет пролетал. На пенсию ушёл только в пятьдесят четыре года, это считается поздно в его профессии.

– Так странно, что у вас и отец, и муж были пилотами, а вы боитесь летать...

– Да, – улыбка. – Ховард, мой муж, очень умилялся моему страху и всегда-всегда крепко держал меня за руку, когда мы куда-то летели, а он был не в кресле пилота, а в салоне.

– Он был гражданским пилотом?

– Да.

– Но, что удивительно, я никогда не боялась, что с ним что-то случится в небе, оно было его стихией. Я всегда с улыбкой смотрела вслед его взлетающему самолёту, я провожала его на каждый рейс, и точно знала, что он вернётся, потому что иначе быть не может. Я им безумно гордилась.

– Почему же он не полетел с вами сейчас? – поинтересовался Блейд.

Роуз грустно улыбнулась и прикрыла глаза, в которых отразилась светлая тоска. Она ответила:

– Потому что мой дорогой Ховард покинул меня три года тому назад.

– Соболезную.

– Спасибо, – на губах женщины вновь дрогнула грустная улыбка. – Я безумно по нему скучаю, но знаю, что пока я не в силах ничего изменить. Его срок уже вышел, а мой ещё идёт.

Роуз помолчала несколько секунд и добавила:

– Знаете, Блейд, с тех пор, как Ховарда не стало, я очень полюбила летать. Нет, я всё ещё дико боюсь этого. Но здесь, в небе, я ощущаю себя немного ближе к нему, ведь я уверена, что он на небесах. Такой, как он, просто не может попасть в иное место.

Блейд вопросительно поднял бровь и взглянул на соседку. Рай, ад, это всё так... мимо него, так чуждо ему. Он не верил ни в бога, ни в дьявола – только в собственные силы, иначе как-то не получалось...

Но озвучивать своё несогласие парень и теперь не стал. Эта женщина не за тем разговаривала с ним, чтобы он причинял ей боль и обижал её.

– В чём дело, Блейд? Почему вы вдруг замолчали? – участливо поинтересовалась Роуз.

Парень посмотрел на неё, скользнув взглядом по кудряшкам волос, по-старчески тонким губам, по шёлковому банту на вороте блузки.

– Я просто задумался, – ответил Блейд. – Рай, ад и прочее – это такие философские темы, над которыми можно думать бесконечно и спорить до потери сознания. Но лично я не верю в это.

– Наверное, это право каждого: верить или не верить, – вздохнула Роуз. – К тому же, Блейд, вы ещё очень молоды, чтобы задумываться над этим. Это приходит с опытом. Простите, если я вас обидела своими словами.

– Вы меня не обидели, – ответил парень.

Он отвернулся к окну, скользя взглядом по молочно-белым облакам по ту сторону стекла, и добавил:

– Всё приходит с опытом...

К тому моменту, когда Блейд оказался на улице, где располагался его дом, на город уже опустилась ночь. Небеса затянули грязно-серые тучи, что поливали тротуары и дома, редких прохожих мерзкой холодной моросью. Определённо, в Лондоне, который парень покинул, погода была намного более приятной. А говорят ещё, что Лондон – город туманов и дождей, сейчас это определение скорее было справедливо для его родного Берлина, который был опутан туманными объятиями промозглой ночи и неприятно-ледяные руки которой проникали под воротник лёгкого пальто и охладили кожу, заставляли её покрываться мурашками.

От этого мелкого дождя причёска испортилась, и пряди волос начали налипать на лоб, липнуть к вискам. Периодически Блейду приходилось утирать лицо рукавом светло-серого пальто, чтобы капли холодной воды не попадали в глаза, портя зрение. В такую погоду даже не покуришь, а парню очень хотелось это сделать, потому что последнюю сигарету он выкурил более двух часов тому назад – из-за неприятной погоды в городе были жуткие пробки, не позволившие Блейду быстро попасть домой. Ему даже пришлось выйти не в своём квартале и продолжать путь пешком, чтобы более не стоять на месте, томясь в душной машине и слушая пронзительные гудки соседних автомобилей.

Поправив воротник, подняв его, парень ускорил шаг. Ему очень хотелось наконец-то попасть домой, отогреться, покурить и...

Блейд слегка мотнул головой, запрещая себе думать об «и». Он всегда так поступал, когда отлучался из дома, потому что, не поступай он так, он бы не нашёл себе места и покоя, всё время, двадцать четыре часа в сутки думая о том, кого он оставил. А это было бы слишком мучительным. Ему и так хватало проблем в жизни. Благо, самоконтроль у Блейда мастерски срабатывал даже в том, что касалось мыслей, которые большинство людей не умеют контролировать и подчинять своей воле.

Дойдя до забора, ограждающего его дом от улицы, парень запустил руку в карман пальто, нащупывая там холодные и, почему-то, влажные ключи. Чёртов дождь пробрался даже в карман, а ведь он был не таким уж и сильным – всего лишь неприятная морось, не больше.

Отперев дверь, и тотчас закрыв её за собой, чтобы территорию его «крепости» не пересёк чужой, Блейд быстро преодолел расстояние до крыльца и вставил ключ в дверной замок, дважды повернул, отпирая дом и, наконец-то, переступая его порог.

Дом встретил парня тишиной и темнотой. В принципе, ничего необычного. Вздохнув, Блейд положил ключи на тумбочку, что стояла прямо около входной двери, и снял влажное пальто. Избавившись от верхней одежды, парень обернулся, чуть прищуриваясь, проводя взглядом по интерьеру достаточно просторной гостиной. Того света, что проникал в окна с улицы, было катастрофически мало, но его хватило для того, чтобы различить знакомую фигуру, лежащую, свернувшись калачиком, на диване.

Губы Блейда тронула лёгкая, почти незаметная улыбка. Он оставил свой миниатюрный чёрный чемодан, снял грязную после улицы обувь и направился на кухню, чтобы покурить и съесть или выпить чего-нибудь горячего, ему это сейчас было просто необходимо – болезнь совершенно не входила в планы парня.

Но не успел он дойти до кухни, когда его окликнули:

– Блейд, это ты?

– Да, – негромко ответил блондин, останавливаясь и оборачиваясь.

Человек на диване сел, свет фонаря, проникающий в окно, расположенное позади дивана, выхватил из темноты бледное лицо и растрепанную тёмную шевелюру, которая после недолгого сна на диване выглядела совершенно непослушной.

– Почему ты не спишь? – спросил Блейд, временно откладывая свои планы.

Он пересёк гостиную и подошёл к дивану, на котором сидело единственное живое существо, которое Блейд любил, к которому спешил, единственный родной человек, который у него был во всём мире. Этим человеком был его младший брат – Майкл, Мекки – как иногда ласково называл его Блейд. У них была разница в возрасте в семь лет, и Майклу было всего девятнадцать. И вот уже как четырнадцать лет Блейд был ему и отцом, и матерью – всем и всеми.

Майкл нахмурился и опустил взгляд, поёрзал, после чего ответил:

– Я хотел дождаться тебя.

– Ты же не знал, когда я вернусь?

– Не знал, – согласился Майкл. – Но я всегда чувствую, когда ты должен прийти.

Это было правдой. Всякий раз, когда Блейд уезжал куда-то, Майкл преданно ждал брата, как собачка, ожидая его возвращения и почти всегда идеально чувствуя тот момент, когда брат должен переступить порог их дома. Правда, были и другие случаи, когда предчувствие немного подводило Майкла или Блейд неожиданно менял свои планы и задерживался на дольше, чем планировал. Тогда Майкл мог ждать его прихода по несколько дней, смотря на дверь, даже не принимая пищу.

Блейд не пытался ругать брата, кричать на него, пытаться объяснить ему, насколько его поведение глупо. Он всегда знал, что его брат – особенный. И с этим просто нужно было смириться и жить.

– Надеюсь, – произнёс Блейд, смотря на брата, который смотрел вниз, ковырял обивку дивана, – ты меня не несколько дней ждал?

– Нет. Сегодня меня предчувствие не подвело.

Блейд вздохнул и сел рядом с братом, обнял его за плечи. Майкл уткнулся носом ему в плечо.

– Иди спать, – сказал Блейд.

– Я ещё не хочу, – поморщился Майкл, затем, добавил: – Точнее, хочу. Но не сейчас.

Он поднял голову и посмотрел на Блейда.

– Я хочу побыть с тобой, – добавил младший.

– Хорошо, – кивнул Блейд.

Парень нахмурился и огляделся по сторонам, вздохнул. Он добавил:

– Только я хочу поесть, выпить кофе или чего-нибудь покрепче. Так что, сидеть здесь, на диване, я не стану.

– Я пойду с тобой на кухню, – с готовностью ответил Майкл и встал.

Постояв несколько секунд, он взял Блейда за руку, несильно, но требовательно тянул его на себя. Парни переместились на кухню. Блейд наконец-то включил свет, от которого они оба поморщились, он показался слишком ярким.

Майкл занял место за столом, внимательно и с интересом разглядывая спину старшего брата, следя за его движениями. Блейд открыл холодильник и, пробежавшись взглядом по его содержимому, пытался придумать, что можно по-быстрому приготовить. Поскольку

заниматься сотворением кулинарных шедевров Блейду не хотелось, он просто взял из морозильной камеры упаковку полуфабриката-лазаньи и бросил его в духовой шкаф. Но перед тем, как включить плиту, парень обернулся к брату, спрашивая:

– Майкл, ты хочешь есть?

– Да.

Кивнув, Блейд достал ещё одну упаковку быстрой еды из морозильника и отправил к первой, включил духовой шкаф, выставляя нужную температуру.

Присоединившись к брату за столом, Блейд достал из кармана тёмных джинсов пачку сигарет, которая тоже была чуть влажной, и, достав из неё одну сигарету, бросил на стол. Зажав в зубах сигарету, парень нашёл в другом кармане штанов зажигалку. Щелчок, вспыхнувший на мгновение огонёк, и по кухне поползли змейки крепкого дыма.

Сделав три глубокие затяжки, Блейд обернулся, ища пепельницу, которая, как всегда, куда-то запропастилась. Сколько бы пепельниц не покупал парень и не расставлял по дому, их всегда не оказывалось рядом, когда они были нужны.

– Ты не видел пепельницу, которая стояла здесь? – спросил Блейд, указывая на место, где она раньше стояла.

– На втором этаже есть, – ответил Майкл, смотря на брата. Его взгляд был очень пристальным.

Он помолчал несколько секунд, затем спросил:

– Принести?

– Я сам могу, – вздохнул Блейд и собирался встать, но брат перебил его, останавливая:

– Не надо, я принесу. Я знаю, где она.

Младший быстро скрылся из виду. Духовой шкаф за спиной Блейда запищал, извещая о том, что следует сбавить температуру, если он не хочет, чтобы ужин сгорел. Сделав это, парень вернулся за стол и к почти докуренной сигарете, пепел от которой уже усыпал половину стола. Блейд ужасно не любил подобного в своём доме.

Блондин обернулся, ища взглядом тряпку, чтобы убрать пепел.

– Вот, – послышалось сверху.

Вернувшись в исходное положение, Блейд увидел брата и пепельницу, которую он услужливо принёс и поставил перед ним.

– Спасибо, – кивнул блондин.

Майкл снова сел, подпёр голову руками и вновь уставился на старшего брата. Блейда никогда не напрягали эти взгляды, хотя, вполне могли бы, он с детства привык к этому и всегда безумно любил брата, несмотря на то, что, порой, с ним было совсем тяжело найти общий язык.

И причиной некоторых трудностей, которые испытывал Блейд со своим младшим братом, был неутешительный диагноз, впервые выставленный ему в трёхлетнем возрасте и окончательно подтвержденный, когда Майклу было четыре. И диагноз этот – аутизм. И пусть парень страдал лёгкой или, иначе – высокофункциональной формой данного недуга, которая исключала умственную отсталость, он испытывал огромные трудности в социализации и был совершенно неприспособленным к жизни.

С горем пополам Майклу удалось окончить школу, и то, заслуга в этом была скорее Блейда, нежели самого Майкла. Пусть младший и не был, грубо говоря, тупым, но то, что он совершенно не умел вести себя среди других людей и, откровенно говоря, боялся их, терялся в обществе, принесло свои плоды – о дальнейшем его обучении не могло идти и речи. Также

обстояли дела и с работой – Майкл ничего не умел и шансов на то, что что-то изменится, было катастрофически мало.

Пусть Майкла и старались лечить, адаптировать, но он всё равно не признавал никого, кроме своего старшего брата, кроме Блейда. Он практически не разговаривал с другими людьми даже, если к нему обращались. Даже родители мальчика испытывали огромные трудности во взаимодействии с ним. В конце концов, отец братьев смирился с тем, что один из его сыновей – особенный и таковым и останется, как говорится, махнул на это дело рукой, продолжая его любить, но не надеясь на то, что он сможет измениться. И только один Блейд всегда носился с братом, всегда верил в него, всегда старался вывести его на новый уровень. Удивительно, как ребёнок может всё это понимать, как он может носиться со своим странным и не таким братом, но Блейд делал это, всегда делал. И, верно, именно благодаря его усилиям Майкл заговорил. Потому что, начав осваивать речь очень рано, в семимесячном возрасте, потом мальчик вдруг замолчал – замолчал почти на три года, начав вновь пытаться разговаривать только в три с половиной года.

Вспомнив о детстве, об отце, Блейд невольно вспомнил и их мачеху, которая слишком быстро ворвалась в их жизнь, придя на смену сгоревшей от онкологии матери. При мыслях об этой женщине рука Блейда невольно сжалась с такой силой, что зажигалка, которую он держал в ладони, треснула. Хорошо, хоть, что не взорвалась.

– Блейд, что случилось? – участливо спросил Майкл, встревожено смотря на брата.

– Ничего, – ответил блондин.

Усилием воли разжав кулак, он бросил треснувшую и уже бесполезную вещь на стол. Поменяв положение, Майкл пересел поближе к Блейду, взял его напряжённую ладонь в свои.

– У тебя руки холодные, – произнёс брюнет.

– На улице холодно, – вздохнул Блейд и чуть прикрыл глаза. – Никак не могу согреться.

Майкл кивнул и потёр руку брата, после чего наклонился и подышал на неё, грея. Блейд слегка улыбнулся, это всегда так умиляло, не могло не умилять. Поведение Майкла, вообще, подходило скорее для ребёнка, нежели для взрослого парня.

– Нужно сварить кофе, – вздохнул Блейд.

Он заставил себя открыть глаза. Отчего-то, недолгая дорога домой оказалась безумно выматывающей, и парень ужасно устал, жутко хотел лечь и забыться, отдохнуть.

– Сварить тебе кофе? – спросил младший, заглядывая Блейду в глаза.

Блейд поджал губы. В такие моменты, когда вокруг никого не было, когда были только они вдвоём, Майкл казался таким нормальным, таким обычным, что его диагноз начинал казаться глупой шуткой или же страшным сном, но, стоило им выйти куда-то, оказаться в обществе других людей, как брюнет менялся до неузнаваемости. С одной стороны Блейда радовало то, что его брат мог нормально общаться хотя бы с ним, но, с другой, его больно резало по сердцу тем фактом, что лишь он может увидеть настоящего Майкла.

– Спасибо, я сам, – ответил Блейд.

Высвободив ладонь из рук брата, он подошёл к кофеварке, заправил её и включил, машина тихо загудела.

Сигналы готовности кофе и ужина прозвучали, практически, одновременно. Налив себе кофе в большую кружку, Блейд достал их ужин и, разложил пищу по тарелкам, поставил одну перед братом.

– Пахнет вкусно, – произнёс Майкл, принявшись.

– Упаковка обещает, что вкусно должно быть и на вкус, – ответил Блейд, нарезаая

лазанью и отправляя горячий кусочек в рот.

Он помолчал несколько секунд, затем добавил:

– Нужно будет на завтрак приготовить что-нибудь нормальное и полноценное, – он чуть поморщился. – Сейчас я не в состоянии долго готовить, но и питаться полуфабрикатами постоянно не хочется.

– Ты опять уедешь? – спросил брюнет, поднимая на брата взгляд.

– С чего ты взял?

– Ты всегда запасаешься полуфабрикатами, когда уезжаешь.

Блейд вопросительно посмотрел на брата, затем вновь опустил взгляд в тарелку. Он ответил:

– Нет, я не уеду, по крайней мере, в ближайшее время.

– Я не люблю, когда ты уезжаешь, – произнёс Майкл и потянулся рукой через стол, беря Блейда за руку.

– Я знаю, – вздохнул блондин. Ему сейчас не хотелось смотреть брату в глаза, благо, он этого не требовал. – Но иначе нельзя.

Майкл продолжал держать Блейда за руку, перебирая его пальцы. Одной рукой есть было неудобно, но блондин до последнего старался не говорить об этом.

– Ладно, – вздохнул Майкл и отпустил руку брата. – Ешь, не буду тебе мешать.

– И тебе тоже следует заняться этим же, – подметил Блейд. Он указал на брата вилкой и добавил: – Ты совсем худой.

– Ты тоже не толстый.

– Не толстый, – согласился блондин и отправил в рот новый кусочек пищи. – Но у меня есть мышцы, причём, отлично развитые.

Блейд не лукавил, при своей природной худобе он имел потрясающий рельеф тела, которое вполне могло помочь ему стать моделью, если бы парень не избрал для себя иной путь, если бы, с малых лет, у него не отбилась желание думать о подобных глупостях.

– Да, у тебя красивое тело, – согласился брюнет.

Он поморщился и добавил:

– Но, ты же знаешь, я не люблю спорт. Это совсем не моё.

– Помню, – кивнул Блейд, невольно вспоминая уроки физкультуры младшего брата и то множество перепалок и драк, в которые ему пришлось вступить, чтобы его защитить от одноклассников, которые не понимали его особенностей и страхов.

– Ты же не хочешь, чтобы всё опять было, как в школе? – спросил Майкл.

– Как в школе уже не будет, – ответил Блейд. – Сейчас, чтобы держать себя в форме, тебе нет необходимости выходить из дома – у нас есть множество тренажёров.

– Я подумаю над этим, – улыбнулся младший.

– Подумай, – кивнул Блейд. – Можем заниматься вместе.

– И тогда ты не будешь уезжать?

Внутри у блондина всё неприятно сжалось от этих слов. Он не рассказывал брату о причинах своих отъездов и отлучек, прекрасно понимая, что это совсем не та информация, которую ему стоит знать, совсем не те факты, что вознесут его в глазах Майкла. Но и отказаться от этого парень не мог. Потому Блейд просто молчал об истинных причинах своих путешествий и просто ставил брата перед фактом, полагая, что так он сможет уберечь его от лишних потрясений.

Когда еда закончилась, а чашка с кофе опустела, братья переместились в спальню

Блейда. С собой блондин прихватил бутылку бренди. Напиваться он не собирался, но выпить бокал для того, чтобы расслабиться, ему было просто необходимо.

Блейд не спеша попивал бренди, Майкл лежал у него на плече, смотря телевизор. Не отрывая взгляда от экрана, брюнет положил ладонь брату на живот, начал неспешно выводить на тонкой ткани футболки витиеватые узоры, что отдавались ощущениям тепла на коже.

Поморщившись, Блейд втянул живот, «уходя» от прикосновений. Майкл выбрал для «рисования» слишком неудачную часть тела – низ живота, где прикосновения отзывались в теле соответствующей реакцией. А это было бы очень неуместно.

– Не надо, – попросил блондин, беря брата за запястье и мягко отстраняя его руку.

– Почему? – непонимающе спросил Майкл и снова вернул руку на прежнее место.

Объяснить это сложно, но попытаться было необходимо. Блейд ответил:

– Потому что, Мекки, такие поглаживания возбуждают. А, я думаю, нам обоим это не надо? – он посмотрел на брата.

– Это считается плохо? – спросил Майкл, он сел и взглянул на Блейда.

– Ты о чём?

– Ни о чём, – мотнул головой брюнет и улыбнулся.

Он склонился к брату и поцеловал в щёку. Блейд уже давно привык к подобным проявлениям любви от младшего.

Вздыхнув, блондин встал и подошёл к окну, открыл его. Сунув в рот сигарету, он взял зажигалку, валяющуюся на подоконнике – как удачно он её здесь забыл – и подкурил, затягиваясь крепким дымом и медленно выдыхая его в прохладный ночной воздух.

Сзади незаметно подошёл Майкл и обнял Блейда со спины, прижимаясь всем телом.

– Я тебя очень люблю, знай об этом, – произнёс блондин после некоторого молчания.

Майкл угукнул ему куда-то в низ шеи. Блейд добавил:

– Но сейчас я хочу лечь спать. Я жутко устал.

– Я побуду с тобой, пока ты куришь, потом пойду к себе, – отозвался младший.

– Хорошо.

Докурив, Блейд привычно слишком сильно раздавил окурок в пепельнице, пальцы обожгло искрами, отчего парень поморщился.

– Всё? – спросил Майкл.

– Всё, – кивнул Блейд.

Брюнет отлип от него, позволяя Блейду развернуться к себе лицом. Он сказал:

– Спокойной ночи?

Услышав отчётливо вопросительные нотки в словах брата, Блейд усмехнулся и покачал головой, после чего ответил:

– Ты сомневаешься в том, что ляжешь спать? – он продолжал слегка улыбаться и смотреть на брата.

– Нет. Я не уверен в том, что ты ляжешь.

– Я же сказал, что устал?

– Да, – он кивнул. – Но ты часто засиживаешься за полночь даже тогда, когда очень устаёшь.

– Сегодня так не будет, – вздохнул Блейд.

Он помолчал несколько секунд, резко нахмурился, вспоминая об одной вещи.

– Чёрт, сколько времени? – произнёс блондин.

Он достал телефон и, узнав, который сейчас час, добавил:

– Нужно позвонить Лили, чтобы она завтра пришла и убралась.

– Я сегодня немного убрался...

– Молодец, – кивнул Блейд. – Но я хочу, чтобы в нашем доме была идеальная чистота.

– Может быть, мы справимся сами?

– Мне казалось, что ты нормально относишься к ней? Или что-то изменилось?

– Нет, всё нормально... – не слишком уверенно ответил Майкл.

– Тогда, я звоню ей и прошу, чтобы она завтра приехала.

– Я помню, как мы убирались дома, когда были маленькими, – немного помолчав,

произнёс Майкл. – Точнее, ты убирал, а я пытался тебе помогать...

Блейд напряжённо взглянул на брата. Ему не хотелось, чтобы Майкл помнил о том, что было в детстве. Хватало того, что об этом помнил сам Блейд.

– Не думаю, что нам будет удобно поддерживать наш большой дом в чистоте. У меня нет на это ни времени, ни сил, ни желания.

– А я?

– А ты найди себе занятие поинтереснее.

Блейд нахмурился и обернулся, ища телефон, потом вспомнил, что он положил его в карман. Достав аппарат, парень нашёл номер домработницы, но набирать не стал. Он поднял глаза на брата и произнёс:

– Иди спать, Майкл. Уже поздно.

Брюнет кивнул, постоял несколько минут, словно обдумывая что-то, затем шагнул к Блейду и поцеловал в щёку, в уголок губ. Он сказал:

– Спокойной ночи, Блейд.

– И тебе, Майкл, – кивнул блондин.

Брюнет покинул спальню, отправляясь к себе, а Блейд наконец-то набрал номер домработницы.

– Да, Блейд? – ответил женский голос на том конце связи.

– Здравствуй, Лили, – поздоровался парень и сразу перешёл к делу: – Мне нужно, чтобы ты завтра убралась.

– Во сколько приехать? – вздохнула женщина.

Лили была всего на четыре года старше самого Блейда, но, почему-то, она воспринималась именно, как женщина. Язык не поворачивался назвать её девушкой. Возможно, тому причиной была серьёзность в её глазах, которая редко бывает у девушек, у молодёжи. А, возможно, причиной этого было её лицо – бывают такие лица, которые смотрятся удивительно взрослыми. Такие могут и в семнадцать лет смотреться, как полноценный взрослый человек с богатым жизненным опытом.

– Я очень устал, так что, думаю, раньше десяти не проснусь, – ответил Блейд.

Он несколько секунд подумал и добавил:

– Приезжай в одиннадцать.

– Я давно уже говорила, чтобы ты дал мне ключи от дома. Тогда бы я могла спокойно приезжать пораньше и убираться, пока ты и Майкл спите.

– Нет, – отрезал Блейд. – Я никому не даю ключи от дома. Это не обсуждается.

Женщина на том конце связи вздохнула. Несмотря на то, что она убиралась в доме Блейда уже четыре года, она так и не сумела удостоиться должного доверия. Она же не знала о том, что этот парень не доверяет никому. Не знала, но догадывалась, потому не настаивала

на том, чтобы он ей доверял.

– Хорошо, – ответила Лили. – Я приеду в одиннадцать.

– Хорошо, – кивнул Блейд. – Тогда, до встречи.

Отклонив вызов, парень вновь подошёл к окну и закурил. Щурясь, он вглядывался в ночной пейзаж за окном, картину пустынной улицы, что блестела в свете фонарей от дождя.

Докурив, Блейд пошёл в ванную, чтобы принять душ и немного освежиться перед сном. Вернувшись в спальню в одном полотенце, Блейд поставил окно на режим проветривания и лёг в кровать. Ни пижамных штанов, которые парень имел, но не любил, ни трусов блондин надевать не стал.

Забравшись под одеяло, парень стянул полотенце и бросил на пол. Всё равно, завтра Лили всё уберёт, можно немного расслабиться.

Вздыхнув, он прикрыл глаза и попытался настроиться на сон, отвлечься от мыслей, которые всегда так некстати посещают поздним вечером и перед сном, когда они так неуместны, когда хочется отдохнуть и забыться.

Сон, вообще, является отличным средством, чтобы сбежать из реальности, выпасть из неё хотя бы на несколько часов. Но Блейд давно уже усвоил, что здоровый и дарящий успокоение сон – не его история.

И сейчас парень был почти полностью уверен в том, что, заснув, вновь увидит очередной кошмар, который заставит его желать скорее проснуться – проснуться в холодном поту. И от этих кошмаров было никуда не сбежать, не деться. Всякий раз, ложась спать, Блейд верил в том, что его сон будет спокойным и лишённым кошмаров. Но веры этой не хватало даже на пять минут, потому что опыт был сильнее надежды. И, пусть некоторые ночи парень проводил в спокойствии, но в большинстве случаев он видел, вновь видел те картины, которые хотелось выгрызть из памяти и вымести за пределы сознания поганой метлой.

Блейда разбудил телефонный звонок, который своей ненавязчивой трелью проник в сознание, разрушая сон и возвращая парня в реальность. Настроение сразу же несколько испортилось, потому что сегодня ночью был именно тот редкий случай, когда парень спал спокойно, без кошмаров, а у него так вероломно отняли эту благодать.

Перевернувшись, Блейд поморщился – свет из не зашторенного окна бил по глазам, резал их. Его лицо было чуть помятым после сна, хранило следы от складок на подушке, а всегда тщательно уложенная причёска растрепалась и теперь его густые светлые волосы торчали во все стороны, падали чуть вьющимися прядями на лицо.

Не испытывая особой теплоты к тому, кто потревожил его сон, изначально настроившись на неприятный и быстрый разговор, Блейд взял телефон и, не взглянув на номер звонящего, ответил на вызов.

– Алло?

Парень плюхнулся обратно в кровать и прикрыл глаза. На том конце связи ответил женский голос:

– Здравствуй, Блейд. Ты спишь?

– Правильнее сказать – спал, – ответил парень, продолжая лежать с закрытыми глазами, наслаждаясь остатками-следами сна, которые ещё хранило сознание и расслабленное тело. – В чём дело?

– Я уже полчаса стою под дверью. Ты откроешь мне или мне приехать позже?

– А который сейчас час?

– Одиннадцать тридцать пять.

Помолчав несколько секунд, Блейд вздохнул и ответил:

– Открою. Подожди минуту...

Не дождавшись ответа домработницы, парень отклонил вызов, не очень аккуратно бросил телефон на прикроватную тумбочку и выбрался из постели. Лучи яркого, слишком яркого после вчерашнего дождя солнца осветили его обнажённое тело, обтекая его фигуру, рельеф каждой мышцы. В столь ярком природном свете светлые волосы парня сверкали, почти светились, создавая подобие нимба над его головой. Дьявол, вообще, крайне разносторонняя личность, он одинаково искусно умеет носить на своей голове и рога, и нимб.

Достав из шкафа тёмно-серые спортивные штаны, Блейд надел их, игнорируя бельё. Захлопнув дверцу шкафа, парень покинул спальню, спускаясь по лестнице. Спустившись в гостиную, он взглянул на пустой диван, затем, перевёл взгляд на кухню, которая не была огорожена дверью и потому тоже хорошо просматривалась. Ни в гостиной, ни на кухне Майкла не оказалась. Значит, парень либо спал, либо находился сейчас в своей спальне, занимаясь своими делами. Вмешиваться в дела младшего Блейд не желал и, оставив мысли о брате, направился к входной двери, открыл её.

На пороге стояла Лили. Несмотря на то, что женщина достаточно долго ждала под дверью, в её глазах не было злости и раздражения.

– Доброе утро, – сказала домработница.

– Доброе, – кивнул Блейд, отходя в сторону и пропуская женщину в дом.

Закрыв за гостьей дверь, парень взъерошил волосы, затем, пригладил их. Сцепив руки

на затылке, он какое-то время наблюдал за Лили, которая, поставив свои сумки на диван, разбирала свой рабочий инвентарь.

В скором времени потеряв интерес к действиям женщины, Блейд переместился на кухню. Включив кофеварку, он сел за стол, крутя в руках пока ещё пустую чашку. Мерный гул кофейного аппарата разбавлял тишину утреннего дома. Несмотря на достаточно продолжительный сон, Блейд ощущал сонливость и некоторую усталость. Наверное, ему не хватило того самого часа или двух, которые у него отняла Лили, придя в оговоренное время, которое совершенно пропустил парень.

Разобрав свои вещи, Лили пришла на кухню. Взгляд женщины зацепился на грязную посуду, что стояла на кухонной тумбочке – Блейд вчера поленился отправить её в посудомоечную машину. Убрав посуду, домработница повернулась к парню. Какое-то время она рассматривала его: прямые плечи с красивым некрупным рельефом мышц, спину с крыльями лопаток, идеальной чуть загорелой кожей и ненавязчивым пунктиром позвоночника. Дойдя взглядом до поясицы парня, кромки штанов, она подняла глаза и спросила:

– Приготовить завтрак?

– Не откажусь, – не оборачиваясь, ответил Блейд, продолжая крутить в руках пустую чашку.

За его спиной пропищала кофеварка, но парень не сразу отреагировал на это. Немного медлительно встав, Блейд наполнил кружку кофе и вернулся за стол. Вытянув одну ногу под столом, он подул на обжигающий чёрный напиток и пригубил его, губы обожгло жаром.

Отставив чашку, из которой пока ещё было невозможно пить, парень несколько секунд посидел, несильно постукивая пальцами по столешнице, затем обернулся на Лили, которая продолжала стоять около посудомоечной машины.

– Кажется, ты предложила мне завтрак? – спросил парень.

– Да, – ответила женщина.

– И почему же ты не приступаешь?

– Жду твоих пожеланий, – вздохнула домработница. – Я помню, что ты бываешь очень привередлив.

– Не сегодня, – нахмурился Блейд и отвернулся, провёл пальцами по боку чашки, словно надеясь на то, что за те полминуты, что они разговаривали, кофе мог успеть остыть.

– И, всё-таки, чего ты хочешь? – поинтересовалась женщина.

Блейд вздохнул и ответил:

– Приготовь омлет и тосты. И добавь в омлет шпинат, – он неопределённо указал в сторону холодильника, – думаю, он должен быть ещё свежим.

Кивнув, Лили приступила к приготовлению завтрака для своего странного работодателя. Женщина не могла объяснить себе, почему она считала этого парня странным, но думать о нём иначе не получалось. Было в этом человеке нечто такое, что наводило вокруг него флер загадки, была в нём какая-то тайна.

«Человек-загадка, – думала Лили, нарезаая зелень, мерно стуча ножом по разделочной доске. – Четыре года у него работаю, а так толком ничего и не узнала о нём: ни о прошлом, ни о семье. Знаю лишь, что у него есть брат, Майкл, и то, его я вижу крайне редко».

В скором времени с подготовкой продуктов было покончено, и женщина отправила будущий омлет в сковороду, сбавила температуру и накрыла блюдо крышкой. Вымыв руки, она вновь повернулась к Блейду, который продолжал сидеть к ней спиной. Всё, что

изменилось в этой картине, было наполовину опустевшей чашкой с кофе.

Почувствовав взгляд Лили, Блейд обратился к ней:

– Принеси мой ноутбук. Он в моей спальне в верхнем ящике тумбочки.

Зачем-то кивнув, вместо ответа – Блейд всё равно не мог видеть этого – Лили удалилась.

Посидев какое-то время, парень встал, подходя к плите и открывая крышку сковороды, оценивая её содержимое.

– Не волнуйся, не сгорит, – сказала слишком быстро вернувшаяся Лили. – Я контролирую время приготовления.

Она положила ноутбук на стол и подошла к парню, прикоснулась к его руке и попыталась заглянуть ему в глаза. Блейд проигнорировал и её прикосновение, и её попытку словить его взгляд. Безразлично отвернувшись, парень вернулся за стол и открыл крышку ноутбука, включил его. Компьютер включился быстро и Блейд, зайдя на нужный ему сайт, начал пробегать глазами по электронным строкам в поиске интересных его акций.

Узнав, что одна из его акций заметно упала в цене, обвалилась, парень вышел из интернета и закрыл крышку компьютера. Игра на фондовой бирже была лишь одним из занятий, за счёт которых жил Блейд, потому его несильно огорчила потеря средств в данной сфере.

– А Майкл будет завтракать с тобой? – спросила Лили, проверяя лопаткой готовность омлета.

– Не знаю.

– Я готовлю порцию на двоих.

– Я не знаю, проснулся ли он уже, – уточнил Блейд.

– Может быть, стоит его позвать? Я могу сходить к нему.

– Не нужно. Он всегда спускается к завтраку самостоятельно.

Лили помолчала несколько секунд, затем произнесла:

– Иногда мне кажется, что он не очень любит меня...

– Тебе кажется, – ответил Блейд и отпил кофе.

– Может быть... – вздохнула женщина и добавила: – Всё-таки, мне кажется, стоит его позвать.

– Лили, давай, мы как-нибудь разберёмся сами, без твоей инициативы? – несколько грубо ответил Блейд.

Парень обернулся через плечо и одарил женщину жёстким взглядом чуть прищуренных карих глаз. Не то, чтобы Лили стусевалась, как это часто бывает под прицельным взглядом, но и спорить и настаивать она не желала. С Блейдом, вообще, было катастрофически сложно спорить, потому что все доводы оппонента разбивались об его спокойный тон и твёрдое и такое сухое: «Не важно».

– Как хочешь, – пожала плечами Лили, отворачиваясь и стараясь не подать виду, что слова парня задела её.

В скором времени завтрак был готов и домработница, переложив часть его в тарелку, поставила её перед Блейдом.

– Приятного аппетита, – пожелала женщина.

– Спасибо, – достаточно сухо ответил блондин и, взяв вилку, приступил к трапезе.

– В каких комнатах мне нужно убраться? – вновь обратилась к парню Лили через какое-то время.

– Во всех. Только к Майклу не заходи без разрешения. Я сам спрошу у него, можно ли

тебе обратиться?

– Думаешь, он будет сидеть в спальне так долго?

Блейд проигнорировал вопрос женщины, поджимая губы. Он точно знал о том, что его брат может сидеть в своей комнате, никуда не выходя, и сутки, и двое...

Но в этот раз Блейд ошибся, и Майкл решил покинуть своё убежище раньше ужина. Когда на пороге кухни появилась его растрепанная после сна фигура, Блейд поднял взгляд и произнёс:

– Доброе утро, Майкл. Садись завтракать. Лили приготовила завтрак на двоих.

Брюнет не ответил, продолжая стоять на пороге комнаты и несколько напряжённо, диковато смотреть на домработницу, которая продолжала заниматься отмыванием той посуды, с которой не справилась посудомоечная машина.

Отставив очередную тарелку, женщина обернулась. Улыбнувшись Майклу, она поздоровалась:

– Привет, Майкл.

На её обращение парень тоже не отреагировал. Кажется, сегодня ему было хуже, чем вчера. Это ещё больше испортило и без того не слишком радужное настроение Блейда.

Отложив вилку и нож, блондин встал и подошёл к брату. Заключение его в уютные объятия, он едва слышно шепнул ему в самое ухо, чтобы не услышала Лили:

– Как ты себя чувствуешь? Тебе не плохо?

Майкл несильно мотнул головой. От души Блейда немного отлегло. Он вновь обратился к брату:

– Ты хочешь есть? Пожалуйста, Майкл, отвечай мне.

Это было так странно – упрашивать девятнадцатилетнего парня сказать хоть слово, но так бывало нередко. Блейд уже давно перестал обращать внимания на это и считать подобные ситуации хоть сколько-нибудь необычными.

– Да, – тихо-тихо ответил Майкл.

– Ты не хочешь есть при Лили?

– Нет...

– Нет – не хочешь?

– Нет – она меня не смущает, – голос тихий, слова на выдохе щекочут плечо Блейда.

Осторожно освободив брата из объятий, блондин взял его за руку и подвёл к столу, усадил за него. Несмотря на то, что брюнет сказал, что домработница его не смущает, Блейду показалось, что это не так и он решил перестраховаться. После того, как она поставила порцию завтрака и перед Майклом, Блейд обратился к ней:

– Лили, иди и уберись сейчас в комнате Майкла, – он поднял глаза на брата, обращаясь уже к нему: – Мекки, ты не против?

– Нет, – негромко ответил брюнет, смотря в тарелку и ковыряясь в её содержимом вилкой.

– Иди, – твёрдо добавил Блейд, бегло взглянув на Лили.

Сняв фартук, женщина покинула кухню. На её лице всё же отразилось некоторое недовольство ситуацией. Иногда ей казалось, что она – почти член этой семьи, а иногда она думала, что она совершенно посторонняя здесь и, вообще, её приравнивают в этом доме к предмету интерьера. Кто же она на самом деле – ей так и не удалось понять. И едва ли когда-нибудь удастся, потому что Блейд никогда не говорил ей – «нет», но и «да» не срывалось с его губ.

– Знаешь, Лили сказала, что ей кажется, что ты её не любишь. Это так? – спросил Блейд после долгого молчания, когда завтрак почти закончился.

– Нет. Я привык к ней. Просто....

Брюнет заметно напрягся и мотнул головой, добавил:

– Не важно...

– Важно, Майкл. Не бери пример с меня, – чуть улыбнувшись, ответил Блейд, смотря на брата.

– По-моему, ты – очень хороший пример, – возразил младший. – Ты – самый лучший брат, которого только можно пожелать.

«Самый лучший брат, – мысленно повторил за Майклом Блейд. – Хорошо, что ты не знаешь о том, что кроется на обратной стороне моей луны...».

Какое-то время парни вновь ели молча. Затем Майкл произнёс слова, заставившие холодок пробежать по телу Блейда.

– Я даже представить себе не могу, что было бы со мной, не будь у меня тебя. Меня бы просто не было, – он помолчал немного, нахмурился и добавил: – Думаешь, я ничего не помню? Я всё помню, Блейд. У меня очень хорошая память. И, пусть многие и считали и считают меня тупым, но...

– Это не так, – твёрдо ответил Блейд, заканчивая за брата его высказывание.

Он отложил столовые приборы, оставляя немного недоеденный завтрак. Аппетит резко пропал.

– Ты никогда не был тупым и не будешь. Запомни это, Мекки. А те, кто говорят, что ты какой-то не такой, сами являются ненормальными.

Блондин поднял на брата глаза, в которых скользнула грусть. Он невольно вновь вспомнил, детство, подростничество, школьные годы и те трудности, с которыми ежедневно сталкивался его младший брат. Он вспомнил те десятки, сотни конфликтов с его одноклассниками и учителями, которые, верно, считали Блейда неадекватным из-за того, с каким безумным рвением и агрессией он защищал брата. Но он иначе не мог. Он поступал так с самого детства, и будет поступать до тех пор, пока его жизнь не оборвётся. И, хотя бы поэтому, он понимал, что должен жить, и никогда не позволял себе даже на мгновение задуматься о смерти. Он должен быть сильным, он должен справиться – справиться со всем, даже с самым ужасающим дерьмом, которое может обрушиться на их головы.

– Ты не против прогуляться сегодня? – спросил Майкл, поднимая на брата взгляд.

– Прогуляться? – переспросил Блейд.

Он отставил в сторону тарелку и вернулся к недопитому и уже холодному кофе.

– Да, – кивнул младший. – Те пять дней, которые тебя не было, я не выходил из дома. Мне бы хотелось подышать свежим воздухом. Можем сходить в парк и... купить продуктов.

– Хорошо, – кивнул Блейд и мягко улыбнулся, не обнажая зубов. – Давай погуляем. Только не сразу после завтрака, мне нужно ещё принять душ.

– Мне тоже, – кивнул младший.

– Тогда, думаю, часа в два мы выберемся из дома, – подытожил всё вышесказанное Блейд и встал, убирая тарелку в посудомоечную машину.

Как парни и предполагали, из дома они вышли после обеда. Только не в два часа, как говорил Блейд, а в полтретьего. Пешком идти до парка, посещением которого загорелся Майкл, было неудобно, потому Блейд взял машину. Но уже через полчаса парень пожалел о своём выборе, потому что они попали в пробку и встали на сорок минут. В какой-то

момент блондин даже подумал о том, чтобы бросить машину и поехать на метро, но от этого шага его отговорил брат, убедив, что и в пробке можно неплохо провести время.

Блейду такая перспектива не казалась заманчивой, но он решил уступить, потому что это время он решил посветить брату, провести с ним и сделать всё, чтобы он остался доволен. Так что, если Майкл желал торчать в машине, слушая автомобильные гудки и приглушённое стёклами недовольство водителей, Блейд тоже был не против.

Блондин, вообще, удивлялся брату в этот момент: его не напрягало ни присутствие многих людей вблизи него, ни множество шумов и звуков, которые способны пошатнуть сознание и психику даже полностью здорового человека, ни тот факт, что небо затянуло облаками, что вполне могло сулить дождь.

Но дождя не случилось. Наконец-то выбравшись из затора на дороге, братья добрались до парка. Из-за угрозы дождя и дневного времени, в которое большинство людей заняты на работе, в парке было немногочленно. Это было братьям только на руку. Другие люди, в принципе, мало интересовали Блейда, если только они не являлись инструментом достижения некой цели, способом исполнения желания. В те же моменты, когда рядом с ним был Майкл, блондин, вообще, переставал обращать внимания на всех тех, кто мог находиться рядом. Не обращал внимания, но всё видел и замечал – удивительное сочетание – потому что жизнь его научила, что, если ты не будешь начеку, то тебе будет намного проще причинить вред.

В общей сложности, братья провели в парке два часа и, кто знает, сколько бы ещё продлилась их прогулка, если бы не начался дождь, который очень скоро перерос в ливень. Они, как и те немногие, кто тоже гулял здесь, бросились к выходу, к тем местам, которые могли защитить их от холодной воды, стрелами падающей с небес.

– Теперь в магазин? – спросил Майкл, когда они сели в машину и вновь двинулись в путь.

– М? – Блейд повернулся к брату.

Дождевая вода, что потоками стекала по лобовому стеклу и с которой почти не справлялись дворники, сильно портила видимость и вынуждала проявлять большую концентрацию на дороге, чем обычно. Из-за этого блондин не расслышал вопроса брата.

– Ты что-то сказал, Майкл? – уточнил Блейд. – Повтори, пожалуйста.

– Я спросил – поедem ли мы сейчас в магазин?

– А ты хочешь? – спросил блондин и взглянул в окно, за которым простирались мокрые улицы города, с которых хотелось убраться побыстрее и подальше.

– Я думал, что это было бы неплохо, – пожал плечами Майкл.

– Если ты волнуешься о том, что у нас нет еды, то это – не проблема, – следя за дорогой, насколько это было возможно, ответил Блейд. – Когда вернёмся, я могу послать Лили в магазин.

– Давай, сами?

– Давай, – вздохнул блондин и на мгновение прикрыл глаза, большего он себе позволить не мог.

Настроение, которое с самого утра было так себе, упало ещё ниже. Отчего-то, парень чувствовал себя сегодня крайне паршиво. Хотелось домой, на диван: включить что-нибудь незамысловатое и выпить в хлам, чтобы потом отключиться пораньше и проспать до обеда следующего дня.

Когда они добрались до супермаркета и, оставив машину, пересекли его порог, Блейд

остановился и внимательно, чуть напряжённо посмотрел на брата. В магазине туда-сюда сновали сотни людей, которые были похожи на беспокойных муравьёв, блондин волновался, как Майкл может отреагировать на это. Иногда брюнет практически не терялся в людных местах, и только несколько бегущий взгляд мог выдать то, что что-то не так. Но, в иных случаях, бывало так, что у парня начиналась настоящая истерика, и он полностью терял контакт с реальностью.

Логичнее и проще было бы полностью изолировать Майкла от посещения людных мест, от посторонних людей, это бы избавило Блейда от многих проблем и страхов. Но, в таком случае, он бы самолично поставил крест на развитии брата, на его адаптации, навеки оставляя его похожим на дикого зверька, которого бросили посреди оживлённого шоссе.

– Пошли, – мягко произнёс Блейд, беря брата за руку и ведя вперёд. – Если почувствуешь себя нехорошо, сразу скажи мне об этом. Договорились?

Майкл взглянул на брата. В его глазах читалась какая-то не острая, но такая сильная боль, тоска. Он тоже страдал от своей особенности, страдал, верно, больше тех, кому они приносили неудобства. Те – другие могли избавиться от него, свести их контакт на нет, он же был вынужден жить с этим – жить всегда, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году. Он жил так всю жизнь и, пусть это не каждый мог заметить, отчаянно пытался хоть как-то адаптироваться к этому миру, сделать хоть что-то, что приблизит его к тем другим и недоступным – нормальным.

Заметив эту боль во взгляде и ту горькую влагу, что увлажнила глаза брата, Блейд взял его лицо в ладони, провёл большими пальцами по скулам, словно стирая дорожки слёз, которые ещё не пролились за глазной край, и внимательно посмотрел ему в глаза.

– Всё в порядке? – спросил Блейд.

– Да, – слегка кивнул Майкл.

– Может быть, нам лучше поехать домой?

– Нет, – младший помотал головой и высвободился из рук брата. – Я хочу сделать это. Мне не плохо.

– Хорошо, – кивнул Блейд.

Взяв тележку, они зашли в продуктовый зал. Майкл с интересом разглядывал продукты на полках, выбирая то, чего ему хотелось. Блейд занимался тем же, но интереса и энтузиазма это в нём вызывало куда меньше.

В какой-то момент блондин, увлечшись выбором алкоголя, не заметил, как брат отошёл от него. Когда он спохватился, Майкла уже не было на ряду с алкогольной продукцией. Бросив бутылку бренди в тележку так, что она зазвенела и едва не разбилась, Блейд поспешил на поиски брата.

Он нашёлся на соседнем ряду. И не один, с ним разговаривала какая-то женщина. Аккуратно встав так, чтобы видеть Майкла, но не вмешиваться в его личное пространство, в его дела, Блейд стал наблюдать за его беседой с незнакомкой. Брюнет выглядел растеряно, но не испугано, это очень радовало. Он даже пытался улыбаться, отвечая что-то, немного неопределённо указывая то в одну, то в другую сторону.

Незнакомка оставила Майкла минут через пять, пройдя мимо Блейда и скрываясь за поворотом. Брюнет, наконец-то заметив старшего брата, подошёл к нему.

Через полтора часа они наконец-то вернулись домой. Переступив порог дома, Блейд сразу же отметил, что Лили ещё не ушла, её сумки продолжали стоять на диване. Впрочем, ничего удивительного в этом не было – чтобы вылизать весь дом, как это любил Блейд,

требовался ни один час. А Лили всегда была несколько медлительной и основательной в уборке.

– Блейд, Майкл, это вы? – крикнула со второго этажа Лили и через несколько секунд появилась на лестнице.

– Думаешь, это может быть кто-то другой? – вопросом на вопрос ответил Блейд, снимая пальто и вешая его на вешалку.

Женщина не ответила. Что на это можно было ответить?

– Приготовить ужин? – спросила домработница после долгой паузы.

– Да, – ответил Блейд.

Он прошёл к дивану и, сев, закинув ноги на журнальный столик, закурил. Сделав три глубокие затяжки, парень добавил:

– Приготовь стейк.

Домработница послушно перешла на кухню, достала кусок телятины и отправила его в микроволновую печь, чтобы разморозился.

– Я так понимаю, ты хочешь ужинать в ближайшее время? – спросила женщина, оборачиваясь на парня, который продолжал сидеть в гостиной и курить уже вторую сигарету.

– Да, Лили, ты правильно думаешь, – не взглянув в сторону домработницы, ответил блондин.

– А Майкл?

– А где он? – вспомнив про брата, который опять куда-то запропастился, Блейд огляделся по сторонам, ища его.

– Вы меня искали? – брюнет вышел из ванной комнаты и вопросительно взглянул на брата и прислугу.

– Что-то я тебя сегодня целый день теряю, – усмехнувшись, ответил Блейд. Он покачал головой и спросил: – Ты будешь ужинать со мной?

– А когда будем ужинать?

– Надеюсь, что скоро, – хмыкнул блондин.

Полагая, что сейчас ей стоит отчитаться насчёт ужина и времени, которое потребуется на его приготовление, Лили произнесла:

– Ужин будет готов через минут сорок.

– Сорок... – повторил за женщиной Майкл и нахмурился, недолго размышляя над чем-то. Парень добавил: – Да, я буду ужинать. Я пока не слишком голоден, но, думаю, через сорок минут могу и проголодаться.

Брюнет подошёл к дивану и сел рядом с братом, положил голову ему на плечо, но почти сразу же убрал. Взглянув на домработницу, парень попросил:

– Лили, можешь принести мне воды? Я так устал...

В подтверждение своих слов, Майкл широко зевнул и вытянул уставшие после долгой прогулки ноги. Женщина быстро сбегала за водой и, передав брюнету стакан, вернулась на кухню. Как раз, к этому моменту пропищала микроволновая печь, извещая о том, что мясо разморожено.

Только начав подготавливать мясо к жарке, Лили вспомнила, что забыла спросить, чего хочет на ужин Майкл.

– Майкл? – крикнула женщина. – Что ты хочешь на ужин?

– Не кричи, – несколько грубо одёрнул домработницу Блейд.

– Извини, – уже нормальным тоном ответила женщина и подошла к братьям, вновь

обращаясь к младшему: – Майкл, что тебе приготовить?

Брюнет поднял на неё глаза, но с ответом не спешил. Лили уже успела подумать, что он ей вообще не собирается отвечать, но Майкл, подумав, ответил:

– Я хочу рагу или что-то типа этого.

– С мясом?

– Да, – кивнул Майкл и подсел ближе к Блейду, взял его за руку и снова положил голову на плечо.

– Я сейчас посмотрю, какие вы купили овощи, и предложу тебе варианты рагу, которые я могу приготовить, – ответила Лили и вернулась на кухню.

Когда с обсуждением ужина было покончено, домработница окончательно ушла на кухню и погрузилась в приготовление того, что пожелали братья. Сами же парни смотрели в это время телевизор.

Ужин прошёл гладко и как-то незаметно: Лили вернулась к уборке, Блейд и Майкл болтали. Но слишком долго такая идиллия не продлилась – Майкл, очередной раз широко зевнув, сказал, что устал и хочет отдохнуть, вздремнуть. Его не смущало то, что сейчас было только начало девятого.

Когда брат ушёл, Блейд потёр виски и переносицу, прикрыл ладонями глаза, давя на тонкую кожу век пальцами. Нужно было заняться рабочими вопросами, просмотреть почту, ответить нужным людям, но сил и желания на это не было. Хотелось... А ничего не хотелось – только напиться и заснуть.

Но делать было нечего – когда-то же нужно было заниматься тем, что их кормит. Взяв бутылку бренди и бокал, Блейд не спеша пошёл в свой кабинет.

*Всё не так,
Как писали в детских книгах,
Всё лишь ложь,
Что рисовали нам в мультфильмах.
Не уснуть – всё виновато наше время
И поздно уже выбраться из плена.*

*Жаль, что любовь не актуальна
Прости, но это реальность.
Origami, Искренняя©*

Блейд сидел в своём кабинете, разбираясь с рабочими вопросами. Бегло просмотрев очередной электронный документ, парень вывел его в печать и, взяв распечатки, пересел на диван. Не смотря, он дотянулся до бокала с бренди, который стоял на низком стеклянном журнальном столике.

Сделав глоток, блондин пробежался глазами по уже материальному документу. Это такая рутина – эти отчёты и таблицы с детальным рассмотрением прибыли, убытков и так далее. Но иначе никак – если не держать свои дела в порядке и под контролем, если пускать их на самотёк и в вольный творческий полёт, то они очень скоро окажутся на улице.

Шутка. К двадцати шести годам, благодаря незаурядному уму, чутью и умению в нужные моменты рисковать, Блейд уже имел на своём счёте вполне приличное состояние, которое не позволит ему с Майклом остаться на улице в голоде и холоде. Даже, если он потерпит фиаско в одной из сфер своей занятости, останутся другие, а шансов на то, что Блейд потеряет всё и сразу, было катастрофически мало, потому что так просто не бывает. Нельзя просто так взять и в одночасье потерять всё. Нельзя, если держишь всё в своих руках и сам строишь свою жизнь. Уже нельзя...

А когда-то давно, в детстве, Блейд сумел потерять всё и сразу, в один вечер. И потери эти были намного важнее, чем финансовые убытки или даже полное банкротство. Потому что деньги можно вновь заработать, вновь скопить, вновь начать с нуля даже тогда, когда от тебя отвернулся весь мир и ты сидишь под проливным дождём, не имея даже такой банальной и обыденной вещи, как спальное место. А есть то – другое, что тоже можно потрогать, осязать, но что никогда не получится вернуть, будь ты хоть олигарх, хоть нищий, хоть гений, хоть тупица.

И вещь эта носит привычное и такое скромное, не навязчивое имя – другой человек: человек тёплый и родной. И, также, эта вещь именуется – домом, родительским домом, в который можно вернуться и в буйные шестнадцать после бессонной ночи, и в загруженные работой и идеями двадцать пять, когда повсюду дедлайн, и в зрелые сорок, когда у тебя уже самого есть дети. В это место можно вернуться в любую погоду и в любом настроении, просто сказать: «Мама, папа, я дома!» и сразу станет немного теплее и проблемы отойдут на второй план, потому что рядом с тобой родители, на столе горячий ароматный чай, а вокруг тебя те стены, которые лечат не хуже самого дорогого лекарства.

Вернуться... Было бы, куда возвращаться... Были бы те самые стены и те самые лучшие

люди, а не пепелище и пустота, на чёрно-сером фоне которой курсивом по небу жизнь пишет слово: «Никогда».

Мотнув головой и нахмурившись, Блейд силой заставил себя отвернуться от мыслей и воспоминаний, тех дум, которые не имели никакого смысла и ценности, потому что ни черта они уже не могли изменить. Продолжая чуть хмуриться, держать брови напряжённо сведенными, отчего между ними образовалась складочка, блондин вернулся к просмотру рабочих документов.

Наверное, от этого вполне можно было отказаться, нанять того человека, который бы за определённое вознаграждение занимался разбором его бумаг и решением рабочих вопросов. Но Блейд не привык доверять никому, кроме себя и потому всякий раз тянул с этим делом, отказываясь от него, вновь вспоминал и снова решал для себя, что не стоит этого делать.

Единственным посторонним, кому доверял блондин, была Лили. И то, доверие его выражалось не в искренности и открытости, а в том, что он позволял женщине переступить порог его дома и даже самостоятельно, без его присмотра перемещаться по нему. Никто другой такой почести не мог удостоиться. Впрочем, никто и не пытался. Разве что девушка, которую Блейд нанял убираться до Лили. Она была молоденькой, говорливой и очень хотела сблизиться, сдружиться со своим холодным работодателем. Указывать на её фундаментальные ошибки парень не стал, а просто выгнал без объяснения причин. Можно сказать, что ей повезло...

Через полтора часа с рабочими вопросами было покончено, по крайней мере, на сегодня. Убрав все бумаги в стол, Блейд вернулся на диван, раскинулся на нём, вытягивая длинные ноги, запрокидывая голову и закрывая глаза. Спать не хотелось – хотелось напиться и забыться. Точно, он же как раз планировал заняться этим. Удивительно, что он не выпил всю бутылку за время разбора рабочих бумаг, а заправил себя лишь одним бокалом.

Желая исправить эту оплошность, Блейд потянулся к бутылке, что стояла на столике. Чтобы не сшибить её, глаза пришлось открыть. Наполнив бокал, парень сделал глоток прямо из бутылки, словно так могло быть вкуснее или крепче и, неплотно закрутив пробку, вернул бутылку на прежнее место.

Через какое-то время, когда в крови Блейда уже повысился градус, а голова приятно расслабилась, в дверь постучали и через несколько секунд открыли. Это была Лили. Заглянув в помещение, женщина сказала:

– Я закончила с уборкой, – Блейд промолчал в ответ. Лили продолжила: – Надеюсь, ты не против, что я у вас поужинала?

– Не против, – бесцветно ответил блондин, даже не смотря на домработницу.

– Просто, не хотелось ехать через весь город, потом готовить... Так бы я села ужинать только к полуночи.

– Да, наверное, это поздно, – так же безразлично ответил парень.

Лили постояла примерно минуту, ничего не говоря, смотря на работодателя, который, в свою очередь, смотрел куда-то в сторону, в стену. Наконец-то, она спросила:

– Я могу ехать домой?

Медленно повернувшись к женщине, Блейд смерил её непонятым взглядом, по которому, как обычно, Лили ничего не сумела понять. Парень ответил:

– Ты спешишь домой?

– Не очень. А в чём дело? Ты хочешь, чтобы я ещё что-то сделала? Вроде бы, комнаты

в доме закончились...

Блейд вновь не стал спешить с ответом. Одарив женщину ещё одним непонятым, проникновенным взглядом, парень вздохнул и спросил:

– Выпьешь со мной?

Лили вопросительно изогнула бровь. Это не было первым разом, когда парень предлагал ей подобное, чего только стоили те попойки, когда она только начала работать на него. Порой, они напивались настолько, что наутро женщина не могла вспомнить, что было вчера. Но сейчас она была удивлена потому, что примерно тогда же, когда она только начинала работать на него, подобные «дружеские» посиделки и закончились. Наверное, тогда, в двадцать два, когда Блейд только вернулся на родину, ему нужен был кто-то, кто просто будет пить вместе с ним и не задавать лишних вопросов. Теперь же, когда он повзрослел, он ещё больше закрылся от мира, заткнул даже ту маленькую щель, через которую в его душу мог проникнуть свет и свежее дыхание жизни.

Но, как видно, сейчас его вновь что-то заботило, что-то было не так, иначе бы он не предложил Лили такое.

Не ответив, женщина подошла к дивану, на котором лежал парень. Блейд убрал ноги, чтобы она смогла сесть и, без лишних слов, наполнил бокал и передал его домработнице.

Сделав два глотка и поморщившись от крепости напитка, Лили спросила:

– У тебя что-то случилось, Блейд?

– С чего ты взяла? – он взглянул на женщину, слегка выгибая в вопросе бровь.

– Просто, ты очень давно не просил меня выпить с тобой.

Обычно, Лили не отличалась патологической любовью к спиртному, но сейчас она выпила порцию бренди практически залпом и сразу же вновь наполнила бокал, пригубила напиток. Она добавила:

– Вот я и подумала, что у тебя снова что-то случилось...

– А с чего ты взяла, что у меня тогда что-то было не так? – тон холодный, звучный, взгляд тяжёлый, гнетущий. – Просто, иногда мне надоедает пить в одиночестве, – он сделал глоток и добавил уже мягче: – Вот, например, сейчас надоело.

– Я рада, если это так, но...

– Если ты планируешь устраивать мне сеанс психоанализа или просто беседовать со мной по душам, то, будь добра, уберись к чёрту из моего дома.

– Почему ты так груб?

Лили подседа ближе к парню и взяла его за руку, пытаясь заглянуть ему в глаза. Блейд медленно повернулся, положил ладонь на затылок женщины и притянул к себе, чуть сжимая её светлые волосы, заставляя смотреть в глаза.

– Потому что я не желаю, чтобы ты лезла ко мне в душу.

– Ты мне настолько не доверяешь? – голос женщины чуть дрогнул.

Такая близость её странного хозяина, такой его пристальный жёсткий взгляд прицельно в глаза заставляли слегка цепенеть, теряться, пусть Лили и была не из робкого десятка. Блейд практически не моргал, смотря ей в глаза, что вводило женщину в некое подобие транса. Слишком его глаза были тёмными сейчас, слишком близко находились...

– Я просто хотела помочь... – Лили хотела произнести это нормальным тоном, но получился шёпот.

– Если ты хочешь мне помочь, – спокойно ответил парень, – придумай способ получше, чем пустая болтовня.

Он отпустил её и откинулся на спинку дивана, кладя левую руку на его спинку. Взяв бокал, Блейд сразу же осушил его наполовину.

Немного помявшись, подумав, Лили под села ближе к блондину, касаясь его бедра своим, и положила ладонь ему на колено.

– И что может тебе помочь? – спросила женщина, смотря на парня из-под полуопущенных ресниц.

Блейд повернулся к ней, как обычно, медля с ответом, смотря на неё, скользя взглядом по чертам лица: густоватым бровям, ровному, но широкому носу, ярким губам с чуть смазанным естественным контуром. Парень протянул руку и прикоснулся к вьющимся волосам Лили, убрал прядь, которая стремилась попасть в рот, с лица.

Негромко сглотнув, женщина прикрыла глаза и потянулась вперёд. Она поняла, что может помочь. Прикоснувшись к губам Блейда, она начала неспешно целовать его, касаться языком его губ.

Парень ответил на поцелуй, быстро перехватывая инициативу, но не делая поцелуй грубым. Он был жёстким, но не пугал, не заставлял желать отступить, потому что Блейд обладал истинным умением держать власть в своих руках так, что у партнёра в душе зарождался не протест, а желание отдаваться снова: ещё и ещё.

Поняв, что Блейд не оттолкнёт её, Лили сменила своё положение, садясь к нему на колени, углубляя поцелуй и добавляя в него больше страсти, желания. Поцелуи становились всё более горячими и безумно влажными, чуть чмокающими, заполняющими острыми звуками кабинет.

Оторвавшись от губ парня, женщина перешла на его шею, целуя тёплую кожу, под которой билась кровь, несильно прикусывая, скользя по ней языком. Когда Лили дошла до ключиц Блейда, парень отстранил её и стянул с себя мешающую футболку. Избавившись от ненужной вещи, блондин вновь притянул женщину к себе, властно прижимая её к своей груди и бёдрам, давая почувствовать то, как его тело откликается на недолгую, но приятную ласку.

Прикусив мочку уха Лили и нежную кожу прямо под ним, оставив на белой коже шеи следы от зубов, которые наполнились багрянцем, Блейд спустился к её ключицам, которые были оголены достаточно большим декольте, к груди, что часто вздымалась под тканью трёхцветного платья. Оторвавшись на мгновение от тела женщины, взглянув ей в глаза, Блейд положил ладонь ей на левую грудь, сжимая почти до боли, почти до страха, но такого приятного и нужного в этот момент. А, затем, едва уловимо погладил её через платье, обводя пальцами ареол и очень скоро добиваясь того, что бусинки сосков начали заметно проступать даже через одежду.

Не отводя взгляда от лица Лили, продолжая этот томительный, гипнотизирующий контакт глазами, Блейд взялся за застёжку её платья, потянул собачку молнии вниз, оголяя грудь женщины, прикрытую лишь тонким тёмным бюстгалтером. Медленно, невыносимо медленно приблизившись к лицу Лили, парень поцеловал её, прикусил нижнюю губу, вырывая из её груди болезненный, но полный удовольствия и предвкушения стон.

Покрывая поцелуями шею женщины, Блейд спустил с её плеч платье и бретели бюстгалтера, потянул чашки вниз, оголяя её небольшую, но красивую грудь с маленькими розовыми сосками. Сжав комок розовой плоти пальцами, парень задрал платье Лили, оголяя бёдра и немного морщась от того, что она оказалась в колготках, это было неудобно.

Не желая больше медлить, не видя в этом смысла и потребности, потому что

узнаваемый запах секса заполнил комнату, Блейд столкнул Лили со своих колен и сказал:

– Раздевайся, – тон приказной, но это не задевает, его просто невозможно послушаться.

Кивнув, Лили не слушающимися пальцами начала стягивать с себя одежду. Тонкий капрон колготок пострадал из-за её не слишком осторожных и точных движений и отправился на пол, укрыв его тонкой паутиной.

Блейд не смотрел на то, как Лили раздевалась. Его не слишком интересовало её тело, пусть оно и было привлекательным, а, оказавшись освобожденным от одежд, обещало и вовсе стать потрясающим. Эта женщина обладала тем редким типом фигуры, когда всё тело является невероятно приятным на ощупь, мягким, но, в то же время, лишенным неровностей и проблемных мест. Таких хотелось заключать в свои объятия снова и снова, чтобы почувствовать эту мягкость, насладиться тем удовольствием и удивительным уютом, которые способно подарить такое тело.

Но Блейд насмотрелся за свою жизнь на столь многих обворожительных дам, которым прямая дорога была на подиумы и обложки глянцевого журналов, что его практически перестала интересовать женская нагота. Она не вызывала в нём трепета и интереса, которые присущи большинству представителей мужского пола. У него не возникало желания узнать, что кроется у дамы под одеждой, заглянуть, так сказать, за занавес тайны. Ему это было не нужно. Он знал, что, если он того пожелает, практически любая разденется и упадёт в его объятия, сражённая магнетическим обаянием парня или же подкупленная кругленькой суммой, потому что, как бы это мерзко не звучало, но всё и все в этом мире продаются, нужно лишь назвать нужное количество нулей.

Скользнув взглядом по ровному, молочному телу Лили, по её округлым бёдрам, очаровательной впадинке пупка и сомкнутым ногам, между которыми, верно, было сейчас так жарко и влажно, блондин расстегнул свои штаны и спустил их до колен вместе с трусами.

Женщина чуть прикрыла глаза, разглядывая практически полную наготу хозяина, его впечатляющее возбуждение, и подошла к парню, поставила колено на диван.

Подняв на Лили взгляд, неотрывно смотря ей в глаза, Блейд провёл кончиками пальцев по её бедру вверх. Дёрнув женщину на себя, парень вновь усадил её на свои бёдра. Дотянувшись до ящика стола, он достал презерватив и, быстро надев его, без лишних нежностей прижал Лили к себе, почти грубо врываясь в её тело сразу на всю длину.

Женщина охнула от неожиданности, прикрыла глаза и уже в следующую секунду застонала, выгибаясь в спине, потому что Блейд, не давая ей возможности привыкнуть, что-то сказать, начал двигаться, избирая для себя быстрый и резкий темп, который сулил скорейшую разрядку.

Лили запрокинула голову, чуть откидываясь назад, если бы Блейд не держал её, она бы точно упала. Она была сверху, но парень не давал ей ни малейшей возможности на инициативу, на движение и управление процессом. Он врывался в её тело мерно, быстро, несколько грубо, давая понять, что, несмотря на то, что в данный момент она – его любовница, он по-прежнему остаётся начальником, а она лишь подчиненной, прислугой.

Переместив одну руку Лили на бедро, сжав его так сильно, что на светлой коже остались следы от его пальцев, Блейд прижал её к себе ещё сильнее, ближе, углубляя и без того почти невыносимое проникновение, ещё более ускоряя свои движения.

Пошлые хлопки кожи о кожу заполнили помещение, удивительно звучно звуча в его стенах. В открытое окно врывался прохладный ночной ветер, но, несмотря на это, в комнате

было жарко.

Не открывая глаз, Блейд ритмично врывался в тело Лили. При каждом мощном толчке её бёдра подлетали вверх и вновь возвращались на место силой земного притяжения и сильной рукой блондина. Она выгибала спину, наслаждаясь каждым движением и этим потрясающим ощущением, когда ты находишься в руках кого-то сильного и властного, кто способен подчинить. Кто уже это сделал.

Прикусив губу, Лили завела руку за спину, опираясь ладонью на колено Блейда, откидываясь назад. Её светлые волосы метались по покрасневшим от сумасшедшего ритма плечам, щекотали нежную кожу между лопаток. От природы очень яркие губы женщины стали просто алыми от того количества укусов, которыми она же сама их и наградила, пытаясь сдержать слишком яркие эмоции, всё-таки, они были в доме не одни.

Крепко держа Лили уже двумя руками за бёдра, врываясь в её тело невыносимо глубокими толчками, Блейд пытался полностью раствориться в их близости, которая, несмотря на контакт тел, не обеспечивал контакта душ, не подводила их друг к другу ближе ни на шаг. В голове парня стучал сбитый пульс, который создавал ощущение бесконечного низкого гула, бил по нервам.

Парень чувствовал, что осталось немного. Это радовало. Потому что этот спонтанный секс был лишь способом лишней раз провалиться в яркий, но такой недолгий оргазм. И смысла тянуть, оттягивать этот момент, чтобы подольше насладиться процессом и близостью другого человека, который так искренне открывается перед тобой, отдаётся тебе без остатка, желая получить хоть крупицу твоего тепла в ответ, не было.

Почувствовав, как в крови закипает удовольствие, ощутив это предельное напряжение возбуждения и желания, которое бывает перед самым концом, Блейд стиснул зубы, предупреждая любые звуки, которые могут вырваться из его горла, и через несколько толчков кончил.

Всё было, как обычно: нарастание напряжения, предельное закипание крови и резкая разрядка, которая застилает глаза чёрным пологом и на доли секунды выбрасывает из реальности, погружая в некое подобие коматозного сна, когда ты не ощущаешь ни своего тела, ни мыслей, ты лишь знаешь, что ты есть.

Но, обыкновенно, это быстро проходит, как прошло и сейчас. Чуть помутнённое алкоголем сознание сбросило с себя покрывало расслабленной темноты, подавая сигнал открыть глаза.

Не получив разрядки, до которой не хватило совсем чуть-чуть, Лили хотела исправить ситуацию, продолжить их слишком внезапно оборвавшийся секс. Она всем своим возбужденным нутром чувствовала практически не ослабшую твёрдость члена Блейда и желала воспользоваться этим, наградить и себя, и парня большим удовольствием. Но Блейд не позволил ей этого.

Почти брезгливо столкнув домработницу со своих коленей, проигнорировав её непонимающий взгляд, блондин дотянулся до пачки сигарет и закурил.

– А как же я? – спросила Лили.

Блейд пожал плечами и ответил на выдохе, отчего змейки сизого дыма поползли из его рта:

– У меня нет настроения, чтобы сейчас продолжать.

Немного помолчав и глубоко затянувшись, парень добавил:

– Если хочешь, оставайся на ночь. Может быть, исправим несправедливость.

Потушив сигарету, Блейд встал и натянул обратно трусы и штаны. Взяв новую сигарету, не оборачиваясь на женщину, парень произнёс:

– Только придумай, что скажешь мужу. Не хочу, чтобы вы после этого развелись.

– А зачем придумывать? – удивилась Лили. – Скажу почти правду – у тебя было очень грязно, и ты попросил меня остаться на ночь, чтобы с утра пораньше продолжить. Насколько я помню, такое бывало.

– Как хочешь, – без интереса ответил блондин.

Бросив недокурную сигарету тлеть в пепельнице, Блейд взял свой бокал и залпом допил его содержимое, после чего направился к двери. Обернувшись на пороге, парень спросил:

– Ты остаёшься?

– Да, – кивнула Лили.

Сейчас, когда всё встало на свои места, когда Блейд вновь стал холодным и стальным, недоступным, а их контакт в очередной раз погиб в зародыше, женщина начала чувствовать себя немного неловко из-за своей наготы. А неразряженное возбуждение, почти достигшее своего пика, продолжало крутить низ живота и заставлять думать о себе ежесекундно. Сжав колени и положив руку на бёдра, прикрывая лобок, Лили отвела взгляд и прикусила губу.

Наверное, стоило что-то сказать, но Блейд предпочёл этого не делать. Не проронив больше ни слова, парень покинул кабинет, несильно хлопнув дверью.

Открыв глаза, Лили поняла, что задремала, а, на самом деле, проспала почти три часа. Женщина не совсем понимала, зачем она осталась на ночь в доме своего начальника. Раньше она не раз ночевала в этом доме, но раньше было по-другому. Никогда ранее Лили не позволяла себе перейти ту черту, что отделяет рабочие, отстранённо-дружеские отношения от омута страсти, в который женщина бросилась с головой несколько часов назад.

Зачем это было нужно? Зачем и кому? Лили не могла себе этого объяснить, не могла понять. Нуждалась ли она в этой близости? Нет, вряд ли. Пусть её муж и прилично уступал Блейду в плане красоты и физических данных, но он её полностью устраивал и удовлетворял... почти всегда. Она не была уверена, что любит супруга, но он был ей дорог и приятен, с ним было хорошо. А безумства любви и запалы страсти лучше оставить для буйных шестнадцати лет, когда голову сносят гормоны и кажется, будто ты мир ещё не видел такой любви, как у вас.

Лили же было тридцать. А даже в свои шестнадцать она не пыталась сбежать из дома с едва знакомым парнем, который видится единственной судьбой. Сейчас не стоило этого делать и подавно. Да и желания не возникало.

Их с Блейдом близость не заложила в душе лживое зерно влюблённости, по сути, этот спонтанный секс и не был никому нужен. Никому... Или, всё-таки, был?

Сев на диване, на котором и заснула, Лили спустила ноги на пол. Она думала о том, насколько могут измениться их с Блейдом отношения после проведённого вместе вечера? И очень надеялась на то, что они смогут избежать той неловкости, что непременно возникает в подобных ситуациях. Точнее, надеялась Лили только за себя, потому что в Блейде была уверена. Этот парень точно не станет прятать глаза после того, как переспал с женщиной. Не станет, потому что не испытывает стыда. Он не брал её насильно, он даже не просил её об этом. Она сама предложила ему себя. Предложила и отдала. А он, всего-навсего, великодушно принял дар в свои руки, развернул обёртку и, галантно воспользовавшись им разок-другой, вернул дарителю, потому что ему такой подарок ни к чему.

И обижаться на это было бы глупым даже для того, кто впервые столкнулся с этим странным молодым человеком, потому что, в отличие от многих тех, кто любит и умеет говорить красивые слова, вливать в уши мёд обещаний, которые обращаются ядом, Блейд никогда, никому и ничего не обещал. Не обещал любви до гроба, не обещал быть рядом. Но, в то же время, Блейд и не произносил вслух того, что пути его и его очередной любовницы разойдутся на рассвете или раньше, в зависимости от ситуации. Пойти с ним, остаться рядом означало подписаться на ночь, лишённую всяких рамок, условностей и временных перспектив. А в «контракте» многих были дописаны мельчайшим шрифтом слова о смертельном приговоре, рядом с которыми ни о чём не подозревающие леди ставили свою аккуратную, красивую подпись.

Для Лили, которая знала Блейда уже не первый год, обида, и вовсе, была бы подсудным делом, потому что она, как никто другой, знала о том, что с этим парнем нет завтра и нет вчера – есть только сегодня. И то, не целый день, а лишь те несколько часов, которые парень готов с тобой разделить.

Вздохнув, Лили встала и, поправив трусики, направилась к двери. Ей хотелось в туалет, а ещё на языке был достаточно отвратительный вкус распада алкоголя, от которого хотелось хотя бы попытаться избавиться. Может быть, чистить зубы в начале четвёртого утра было не лучшей идеей, но это было лучше, нежели мучиться этим кисло-горьким привкусом до утра, а наутро стараться не открывать рот, чтобы не дышать на Блейда или же Майкла, если последний, конечно, решит покинуть комнату.

Блейд ничего не говорил ей насчёт того, где ей спать. Парень, вообще, так и не вернулся к ней, уйдя сразу же после их близости. Наверное, это было достаточно ярким доказательством того, что он не желает продолжения «бала» и что Лили лучше всего вызвать такси и поехать домой, а уже утром вернуться за своей машиной.

Наверное, так было бы правильно поступить – сбежать, испариться, исчезнуть, как и положено делать несостоявшейся Золушке, но Лили решила остаться до утра. Если Блейда эта ситуация не смущает, то и её она смущать не станет. Она уже давно не девочка, чтобы строить воздушные замки из розовых иллюзий.

«Было и было, – думала Лили, практически вслепую добираясь до ванной комнаты. Свет она предпочла не включать, чтобы не потревожить хозяев дома. – Буду считать, что это было просто помощью с моей стороны. Что-то, вроде дружеского разговора по душам, только без слов».

– И без души, – шепнул пьяноватый внутренний голос, мерзко щекоча своим дыханием уши сознания и прозрачно и бестактно намекая на Блейда.

– Очень умно, – прошептала женщина, бросая беглый взгляд в тёмное зеркало и засовывая в рот зубную щётку.

«Он лучше многих, на кого я могла бы работать, – мысленно продолжила дискуссию с самой собой Лили. – Он не заставляет меня быть в доме двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, вызывает, чаще всего, раз или два в неделю. Платит много. Уж точно больше того, чего я заслуживаю своими редкими уборками. Никогда не кричит на меня, как часто поступают хозяева с прислугой, максимум, может повысить тон. И он никогда ко мне не приставал, хотя, сексуальных услуг тоже зачастую требуют от домработниц. Блейд же даже ни разу не взглянул на меня в подобном смысле. А сегодня ночью... – она оборвала мысль, замедляя движения руки в задумчивости. – Сегодня ночью было то, что никому, по сути, не было нужно и о чём никто из нас не вспомнит».

Какое-то время голос мыслей молчал, но молчать вечно он не смог, произнося, рождая размышление в голове женщины:

«А что, если он вспомнит? Что, если он потребует предложения? – Лили поморщилась и чуть мотнула головой. – Нет, бред. Зачем Блейду это? А, если так случится, придётся объяснить ему, что это было ошибкой. Приятной, но ошибкой. И я не намерена продолжать...».

– Можно подумать, – шепнул внутренний голос, – ты бы отказалась от того, чтобы стать его спутницей?

«Может быть...», – мысленно ответила домработница, толком не понимая, что она подразумевает под этими словами.

Сплюнув зубную пасту, женщина набрала в рот воды, энергично полоща его. Выплюнув воду, она разогнулась, натываясь взглядом на едва различимые черты своего лица в отражении зеркала и...

Подскочив от испуга, Лили резко обернулась, инстинктивно отходя назад, вжимаясь

в умывальник. Пальцы её левой руки судорожно сжали край раковины. Несколько секунд смотря на человека перед ней круглыми от шока глазами, Лили спросила:

– Блейд?

Она сглотнула ком, вставший от испуга посреди горла, и добавила:

– Что ты здесь делаешь?

– У меня к тебе тот же вопрос, – в своей обычной манере ответил парень, продолжая стоять ближе приличного, внимательно смотря в лицо женщины.

Лили почти не видела глаз парня из-за темноты, которая густым и неосязаемым туманом окутывала их, но она чувствовала его взгляд.

– Я... – удивляя саму себя, Лили немного растерялась, потерялась в словах.

Указав рукой назад, на раковину, женщина сказала:

– Я зубы почистить хотела.

– В четыре часа ночи?

– Да.

Помолчав секунды две, домработница добавила:

– Или мне нельзя было покинуть кабинет без тебя?

– Почему же нельзя? – спокойно ответил Блейд. – Можно. Ты же и так не раз уже ходила по моему дому без моего присмотра. Но я не понимаю, почему ты не пошла спать в спальню?

– Эм...

Как правильно ответить на этот вопрос Лили не знала, но игнорировать его не стоило. Блейд этого не любил. Собравшись с мыслями, женщина продолжила:

– Я думала, что ты вернёшься, и как-то не заметила, как задремала.

– А я должен был вернуться?

– Ну, ты сказал, Блейд, что...

– Я сказал: «Может быть», – не грубо, но сухо и холодно перебил женщину парень. – А подобный ответ априори не может означать точное обещание сделать что-то или же не делать.

– Ты злишься на меня, Блейд?

– Да, Лили, – в тоне дребезжало неприкрытое раздражение. – Мне не нравится, что ты вновь пытаешься меня расспрашивать. Оставь это.

– Я просто пытаюсь быть внимательной.

– Будь лучше тактичной. Это качество я ценю в людях намного больше, чем фальшивую внимательность и глупую общительность.

– Ты не в духе? – спросила Лили.

Женщина начала теряться, у неё по спине то и дело проходил непонятный ей холодок. Ей хотелось заглянуть блондину в глаза, увидеть в них ответ на вопросы, которые зарождали в душе страх, но темнота не позволяла ей рассмотреть ни единой буквы правды во взгляде парня. Всем, что ей удавалось улавливать в этой тьме, было блеском глаз Блейда.

– Не в духе? – парень шагнул вперёд, заставляя домработницу вновь прижаться к умывальнику, вжаться в него.

Он положил одну руку на край раковины, таким образом, блокируя Лили с одной стороны, закрывая ей путь к отступлению.

– С чего бы мне быть не в духе? – добавил Блейд, слишком близко склоняясь к лицу домработницы, опаяя дыханием её скулу.

– Я не знаю, – пытаюсь говорить спокойно, ответила Лили. – Но я могу с тобой

поговорить о том, что тебя тревожит. Блейд, ты же знаешь, что мы дру...

Женщина оборвалась на полуслове и испуганно распахнула глаза, в которых застыл шок, немое удивление. Секунду назад, пытаясь убедить парня в том, что он может ей доверять, Лили попыталась взять его за руку. Но мысль потерялась, оборвалась, а слова разлетелись на буквы, потому что рука её наткнулась не на тёплую ладонь парня, а на холодный металл ножа, который он сжимал в ней.

– В чём дело, Лили? – спросил Блейд, прекрасно видя шок, застывший на лице женщины.

Взяв себя в руки, убеждая себя, что не стоит бояться, что бояться глупо, потому что перед ней не безумный незнакомец, а её, пусть странный, но такой знакомый и почти близкий хозяин, Лили ответила:

– Блейд, зачем тебе нож?

Усмехнувшись, парень чуть отошёл, чтобы они могли видеть не только лица друг друга, и произнёс:

– У меня в спальне ящик стола заклинил, нужно было чем-то подковырнуть, чтобы вытащить его.

– А почему ты не взял ножницы?

– Ножницы лежали в ящике, – ухмыльнувшись, ответил парень.

Он поднял нож, демонстрируя его Лили, которая рефлексивно отодвинулась от пусть кухонного, но оружия. Продолжая чуть улыбаться уголком рта, Блейд добавил:

– И нож значительно длиннее ножниц, им намного удобнее работать.

– Ты уже проснулся? – спросил Блейд, зайдя на кухню и обнаружив там брата. – Не рановато?

– Мне не спалось, – вздохнул Майкл, чуть съезжая на стуле вниз и вытягивая под столом ноги.

– И в чём причина твоего плохого самочувствия? – поинтересовался блондин, подходя к столу и тоже сядя, внимательно, выжидающе смотря на брата.

– Разве я сказал, что я нехорошо себя чувствую?

– Обычно, людям не спится, когда их что-то тревожит: тело, душа... разное.

Блейд слегка потянулся, разминая затёкшие за время сна мышцы, и положил на стол сцепленные в замке руки. Он вопросительно поднял бровь и взглянул на Майкла.

– Так, почему ты не спишь в такую рань? – вновь спросил Блейд.

– Сейчас десять утра, – ответил брюнет, не смотря на брата, сжимая в ладонях почти пустую чашку с остывшим чаем. – Это не такая уж и рань.

Блейд ничего не ответил, прикрывая глаза. Он отвернулся от брата, пробегаясь неспешным взглядом по интерьеру кухни, который вновь блестел и сверкал чистотой благодаря усилиям Лили. Вздохнув, он произнёс:

– Наверное, ты прав. С учётом того, что вчера ты лёг спать, когда ещё не было и девяти вечера, меня не должно удивлять то, что ты не спишь сейчас.

Блейд слегка усмехнулся, продолжая смотреть в сторону. Ответа от Майкла не последовало. Он только пожал плечами, чего не увидел блондин.

Посидев в тишине какое-то время, Блейд мягко отнял у Майкла чашку с чаем и сделал глоток, после чего сразу же поморщился. Он встал и выплюнул в раковину чай, после чего отправил и содержимое чашки туда же.

– Ты почему пьёшь такую гадость? – спросил блондин.

– Это не гадость, – негромко ответил Майкл. – Это – чай. Просто, он перестоял. Я заварил его ночью, но так и не выпил.

– А новый заварить не судьба? – несколько раздражённо спросил Блейд, сверля взглядом спину младшего брата, но почти сразу же остыл и, взяв себя в руки, добавил: – Хочешь, я сделаю новый?

– Я сам могу, – отозвался Майкл, не оборачиваясь. – Я сейчас посижу немного и сделаю.

– Давай я, – настаивал Блейд. Он открыл шкафчик и взял упаковку кофе. – Всё равно, я сейчас буду кофе себе варить.

– Тогда, я не против.

Блейд кивнул и приступил к приготовлению вышеуказанных напитков. Быстро заправив кофеварку, парень переключился на чай. Пока кипятился чайник, он пытался отмыть от тёмных чайных следов чашку, из которой пил Майкл. С некоторым удивлением блондин отметил, что это – его любимая кружка: снаружи почти чёрная, с металлическим отблеском, а внутри снежно-белая.

Решив ничего не спрашивать об этом у брата, Блейд просто поменял кружки, забрав свою себе, а Майклу оставляя ту, которая ему нравится... по крайней мере, раньше нравилась. Как только чайник щёлкнул, извещая о том, что вода достигла необходимой для заваривания температуры, блондин налил кипятка в чашку брата и сразу же поставил её

перед ним, после чего вернулся к кофе.

Бодрящий аромат чёрного напитка вмиг заполнил кухню, и даже открытое окно не могло ослабить этого идеально-утреннего запаха. Взяв свою кружку, Блейд вернулся за стол. Вытянув одну ногу под столом, а вторую подогнув под стул, парень взял чашку с кофе и поднёс к губам, пробуя напиток на вкус. Губы и кончик языка привычно обожгло. Удивительно, что почти каждое утро Блейд совершал эту ошибку – пытался отпить только что заваренный кофе, зная, что его температура невыносима для мягких тканей тела. В этом странном утреннем ритуале проявлялась его тихая, но патологически сильная упорность, с которой он шёл к достижению каждой своей цели. И, верно, скорее он однажды выпьет кипятка, чем откажется от этой своей привычки.

– Обжог язык? – поинтересовался Майкл, заметив, как Блейд морщится после маленького глотка.

– Нет, – слегка нахмурившись, ответил блондин. Он поставил чашку на стол и добавил: – Я уже привык.

– А зачем ты так делаешь, если знаешь, что кофе очень горячий? – так по-детски спросил брюнет, поворачиваясь к брату, склоняя голову набок и смотря на него.

– Не важно, – чуть нахмурившись, ответил Блейд. – Я просто так делаю. И всё.

– Это глупо...

– Согласен. Некоторые поступки могут казаться глупыми, если не знать их подтекста, их истинных мотивов.

– И в чём твой мотив?

Блейд ответил не сразу, словно слова брата донеслись до его слуха с большим опозданием. Он нахмурился и мотнул головой, затем улыбнулся, отвечая младшему:

– Не важно. Это совсем не тот случай, когда за действием кроются скрытые мотивы, – Блейд погладил Майкла по растрёпанным тёмным волосам. – Как я уже сказал – мне просто нравится так сделать, – он вновь улыбнулся и взял чашку, поднося её к губам. – Можешь считать, что я настолько упрямый, что надеюсь однажды победить кипятком.

Несколько секунд посидев, брюнет потянулся к чашке брата и, забрав её, сделал маленький глоток, всеми силами стараясь не слишком сильно морщиться – Блейд пил очень крепкий кофе. Всё время, пока Майкл сражался с собой и с бодрящим напитком, блондин внимательно следил за ним с лёгкой улыбкой на губах.

– И как? – спросил Блейд, когда Майкл вернул ему чашку. Он сделал глоток и вновь взглянул на младшего.

– Горько, – ответил Майкл, хмурясь. – Из-за этой горечи я и не люблю кофе.

– А тебе и не нужно его пить, – пожал плечами Блейд, одним чудом не расплескав чёрный напиток в своей чашке. – Тебе не нужно никуда торопиться с утра, так что, ты вполне можешь позволить себе высыпаться и не заправляться кофе.

– А ты не можешь?

Блейд вопросительно посмотрел на брата, не до конца понимая, что он подразумевает под своим вопросом. Вроде бы, смысл лежал на поверхности, но из-за интонации казалось, что за этими простыми словами кроется куда более глубокий посыл, чем может показаться. Так часто получалось: нередко Майкл говорил нечто с не той интонацией, словно не зная, путая её. А иногда бывало, что он действительно вкладывал в простые обыденные слова второй, потаенный смысл и указывал на это интонационно. Почему брат просто не мог взять и сказать всё прямым текстом Блейд не знал. Верно, во всём виноваты аутичные

особенности построения психики и, в особенности, речевых центров.

– Что ты имеешь в виду? – спросил блондин.

– Я имею в виду, что ты ведь тоже не должен ходить на работу по утрам?

– Не должен, – кивнул Блейд.

– Вот, я об этом и говорю – почему ты не можешь спать долго, если тебе не нужно рано вставать?

– То, что мне не нужно спешить в восемь утра в офис, ещё не говорит о том, что я могу спать до обеда, – ответил блондин и отпил кофе.

Майкл внимательно проследил за действием брата, словно он делал нечто особенное, необычное.

– Ты удовлетворён ответом? – спросил Блейд, смотря на брюнета.

Майкл кивнул и спросил:

– Можно я сегодня буду спать с тобой?

Блейд, потянувшийся за сигаретами, остановился и вновь взглянул на брата.

– Зачем? – спросил блондин и сразу же добавил: – Тебе было страшно спать этой ночью?

– Нет, – покачал головой Майкл.

Он подсел ближе и протянул руку, но не взял руки брата, а лишь провёл кончиками пальцев по его ладони, запястью. Вздохнув, брюнет добавил:

– Я просто хочу поспать с тобой. Разве это плохо?

– Нет, это не плохо, – ответил блондин и чуть нахмурил брови. – Это странно. Мекки, ты уже большой мальчик, а спят со старшими, обычно, только маленькие дети.

– Обычно спят с родителями, а не со старшими братьями, – слишком серьёзно ответил Майкл. – Но мама со мной никогда не спала.

Блейд поджал губы и опустил взгляд. Вновь это отвратительное чувство горечи за брата, вновь эта наивная надежда на то, что он ничего не помнит, которая раз за разом разбивается вдребезги о сухие, слишком спокойно произнесённые факты.

Их мать умерла, когда Блейду было семь лет, а Майклу всего семь месяцев. И блондин всегда надеялся на то, что брат не помнит родительницу. Надеялся и втайне завидовал ему в этом, потому что так – без памяти о потерянном самом важном человеке, намного проще и легче. Трудно скучать по абстрактному понятию «Мама» и невозможно горько тосковать по реально существующей, живой матери, которая ушла и уже никогда не вернётся.

– Это неправда, – ответил Блейд, обнимая ладонями чашку, сжимая её. – Мама спала с тобой до трёх месяцев очень часто...

«А потом с ней спали провода капельниц, страх за нас и желание выжить, а, после, аппарат жизнеобеспечения...», – мысленно закончил Блейд своё высказывание.

– Это так странно, что я её совсем не помню, – произнёс Майкл.

– Это нормально, – холодным тоном ответил Блейд и встал, вновь включая кофеварку. – Ты был совсем маленький, когда она... – она запнулся. – Когда она ушла.

– Я тоже хочу верить в то, что умершие не исчезают навсегда и бесследно, а просто уходят. Это значит, что мы ещё обязательно встретимся, – таким светлым тоном произнёс брюнет, оборачиваясь на брата, который стоял к нему спиной, дожидаясь, когда сварится новая порция кофе.

– Да, – ответил Блейд, – я тоже.

Ответ прозвучал бесчувственно. Это было даже не ложью, это было – противоположностью правды. Блейд, в отличие от брата, хорошо помнил мать: её

улыбающееся лицо, прямые тёмные волосы, лучистые голубые глаза – прямо как у Майкла – и невероятно мягкие и тёплые руки, которыми она прижимала его к груди и обещала, что всё непременно будет хорошо, что монстры существуют только в наших головах. Помнил её приятный голос и мелодичные, ненавязчивые колыбельные, которые мама пела ему перед сном, чтобы монстры точно не нашли его.

В одном она была права, и Блейд убедился в этом на своём опыте – монстров нет нигде, помимо человеческих душ. Люди – и есть единственные монстры, которые ходят по этой земле. А вампиры, оборотни и прочая нечисть – лишь сказки и мифы, призванные отвести внимание от реальных ужасов.

Беззвучно усмехнувшись, Блейд вновь наполнил свою кружку до краёв, удваивая и без того горячую крепость кофе. Проходя мимо брата, блондин вновь потрепал его по густой, как и у него самого, шевелюре и занял свой стул. Подув на кофе, который дышал жаром, он отставил чашку и подтянул ноги к животу, тоже устраивая их на стуле, взглянул на брата.

– А ты помнишь маму? – после достаточно долгой паузы, что повисла в воздухе после сухого ответа Блейда, спросил Майкл.

Брюнет немного помедлил и поднял глаза на брата.

– Да, помню, – кивнул блондин. Он взглянул на кружку с кофе, провёл по её тёплому боку указательным пальцем. – Может быть, не идеально – слишком много лет прошло, но я её помню.

– Жаль, что у нас не осталось ни единой её фотографии, – вздохнул Майкл, опуская плечи и складывая ноги по-турецки, обнимая ладонями чашку с уже приятно-тёплым чаем.

– А ты её не помнишь? Я имею в виду – фотографии? У нас их было много...

Блейд невольно перенёсся мыслями в те времена, когда у них ещё была неполная, но, всё же, семья, когда он не был тем единственным, кто обязан тащить всё на себе, когда по его психике ещё не прошла уродливая и ужасающе глубокая трещина... Он вспомнил, как каждым утром, спускаясь по лестнице, касался кончиками пальцев одной из фотографий, на которой был запечатлён он, его мать и Майкл, точнее, на существование последнего указывал лишь округлившийся живот миссис Билоу. И, пусть отца и не было на этом снимке, но это фото хранило и его дух, его настроение, потому что именно он снимал тогда своих самых любимых людей, улыбаясь при этом во весь рот и думая, что так будет всегда. Но надежда рухнула всего спустя каких-то полгода, когда у Сьюзен – так звали мать Блейда и Майкла – нашли рак четвёртой степени...

И семья, и врачи удивлялись тому, как они смогли не заметить столь крупной опухоли с многочисленными метастазами у беременной женщины, которая ответственно проходила каждое предписанное ей обследование. Наверное, это и есть тот самый фатум, злой рок, про который говорят все и который все клянут. Тогда, в детстве, Блейд тоже так думал. А уже потом, повзрослев, потеряв свои розовые очки, он понял, что никакая это не судьба, а всего лишь очередная человеческая, врачебная ошибка, которая обернулась страшной трагедией.

Впрочем, найди эскулапы онкологию у Сьюзен раньше, это всё равно бы обернулось болью и горем для их семьи. Потому что, по словам врачей, опухоль появилась у неё совсем недавно, вероятнее всего, незадолго до второй беременности или даже вначале её. А, узнай женщина о своём диагнозе, она бы встала перед страшным выбором: погубить себя, сохранив жизнь своему ребёнку, жизни, что зародилась внутри неё, либо убить эту жизнь, своего сына страшной химиотерапией, но спасти себя.

Если брать в расчёт эту информацию, то можно было даже порадоваться за то, что

Сьюзен ничего не знала и смогла прожить это время – последнее время своей жизни в счастье и мечтах о счастливом будущем, которому не суждено было наступить.

Но Блейд об этом не думал. Трудно думать в позитивном ключе о том, что погубило самого важного человека в жизни любого – мать. Блейд, вообще, не любил думать о том, что могло бы быть, но не случилось, о том, как было бы, не произойди в их жизни того или иного. Это было. И от этого уже никуда не деться. Потому единственным, что оставалось парню, было памятью и тихой ненавистью к людям в белых халатах, которые прилежно врачуют тех, у кого есть деньги и бросают на погибель других, у кого нет гроша за душой. Почти три года назад Блейд собственными глазами видел подобное. Тогда, осенью 2009 года, он лежал в больнице. С ним не было ничего страшного или особенного – всего лишь вывих бедренного сустава после неудачного прыжка. Но уже тогда у него были деньги, большие деньги, которых он не скрывал, и потому вокруг него вился лучший врачебный состав и персонал – в основном красавицы медсёстры, одетые так, словно их главная цель в больнице – лечить мужчин, страдающий проблемами с эрекцией. Такие могли возбудить и восьмидесятилетнего. А руки...

Блейд брезгливо скривил губы, вспоминая такие тёплые и ухоженные руки молоденьких медсестёр, которые осматривали его, помогали встать и так далее.

А ещё он вспомнил пожилую женщину в поношенной одежде, которой не то, что не помогли, ей даже не предоставили место в самой обычной палате и провели до дверей со словами: «Ничем не можем вам помочь». Блондину так запала в душу эта картина, что через пять дней, выписавшись из больницы, он попытался разыскать ту женщину. Но нашёл он лишь информацию о ней и выписку из заключения врачей: «Скончалась 26 сентября приблизительно в 07:40 утра» – это случилось спустя три дня после того, как её выставили за двери больницы. А ещё через три дня не стало того самого доктора, который отдал распоряжение насчёт той пожилой леди, глупая смерть...

– О чём ты задумался, Блейд? – спросил Майкл, поднеся чашку к губам и спрятав за ней пол лица.

– Нужно завтрак приготовить, – продолжая смотреть куда-то перед собой, ответил блондин.

Он подул на кофе и сделал глоток, напиток был всё ещё горячим, но уже не обжигающим. Поставив чашку на стол, Блейд встал и подошёл к плите.

– А я хотел сам завтрак приготовить... – негромко произнёс Майкл.

– Сам? – блондин повернулся и присел на край кухонной тумбочки.

– Да, – кивнул брюнэт. – Могу и для тебя приготовить. Конечно, если ты не желаешь на завтрак каких-нибудь особых изысков... Боюсь, с этим я не справлюсь.

– Брось, ты вполне сносно готовишь.

– А сколько раз я сжигал еду?

– Не сжигал дом – это уже отлично, – уверенно ответил блондин и спрыгнул с тумбочки.

Взяв пепельницу, он вновь вернулся за стол. Выудив из кармана серых джинсов пачку сигарет, в которой как раз оставалась последняя, блондин подкурил и, шумно выдохнув горькое облако дыма, сказал брату:

– Да, Мекки, приготовь завтрак, если хочешь, – он сделал новую глубокую затяжку и добавил: – Мне дико хочется курить. Боюсь, если я буду готовить с сигаретой в зубах, то завтрак мой вновь будет полон пепла.

Кивнув, Майкл встал и переместился к холодильнику, открыв его, он спросил:

– А чего ты хочешь?

– Насколько я помню, продуктов у нас навалом, но, пожалуй, я обойдусь чем-нибудь простеньким... – он сделал быструю затяжку и стряхнул с сигареты пепел, но вновь попал мимо пепельницы. – Приготовь мне яичницу.

– Ты просишь её, потому что готовлю я, и ты не хочешь меня утруждать? – спросил брюнет, оборачиваясь и смотря на спину брата.

– Нет, – новая затяжка и снова порция пепла оседает на поверхность стола, пролетая мимо пепельницы. – Я просто хочу её.

– Честно?

– Мекки, в чём дело? – несколько жёстко спросил блондин, оглядываясь через плечо, цепляясь взглядом насыщенно-карих глаз за растерянное, но уверенное лицо брата – странное сочетание...

Брюнет не ответил. Какое-то время он стоял, продолжая смотреть на Блейда, слегка хмурясь при этом. Блондин терпеливо ждал, когда брат «отомрёт» и снизойдёт до него с ответом. Как же иногда это доставало и бесило. И, кажется, сегодня был как раз такой случай...

– В чём? – после достаточно долго молчания спросил Майкл, смотря на брата чуть исподлобья.

– Это я тебя спрашиваю, – стараясь держать себя в руках и не накричать на брата, ответил Блейд.

Брюнет опять не ответил. Но, в этот раз, он не стал застыть на месте, а вернулся к не начатому приготовлению завтрака, достал яйца, включил плиту. Какое-то время блондин смотрел на брата, но потом отвернулся, возвращаясь к кофе и сигарете, от которой остался один фильтр, да ползатяжки. Пиканье электрической плиты и лёгкие шорохи, которые бывают слышны, когда человек ходит, говорили о том, что Майкл сейчас находится в адекватной реальности и в своём уме. А когда слух Блейда уловил треск разбивающейся скорлупы яиц, он и вовсе расслабился.

Раздавив, в конце концов, окурок, оставив попытки выжать из него ещё хоть что-то, блондин встал из-за стола и обернулся на брата, говоря ему:

– Я сейчас наверх схожу за сигаретами.

– Хорошо, – ответил Майкл, не оборачиваясь и продолжая колдовать над сковородой.

Что он там делал с учётом того, что Блейд запросил для себя самое простое в приготовлении блюдо, было не понятно. Постояв так ещё несколько секунд, смотря на увлечённого делом Майкла, блондин покинул кухню, быстро пересекая гостиную и преодолевая лестницу.

В итоге, за сигаретами парню даже не пришлось заходить в спальню – новая пачка нашлась на тумбочке в коридоре. Забрав пачку сигарет, подбросив её и сжав в ладони, Блейд быстро спустился по лестнице и вернулся на кухню. Он задержался на пороге, немного удивляясь тому, что его завтрак уже готов и даже переложён в тарелку, которую Майкл поставил на стол. Никаких намёков на завтрак для брата Блейд не заметил. Он спросил:

– Майкл, а ты завтракать будешь?

– М? – брюнет поднял взгляд, слегка прикусывая губу.

Запоздало кивнув, Майкл ответил:

– Да, буду.

– И где твоя еда? – спросил Блейд, садясь за стол и беря вилку и нож. – Или у нас

взаимообмен: ты мне завтрак, я – тебе?

– Нет, – брюнет пожал плечами и обернулся на шкафчик, в котором хранились крупы, хлопья и так далее, в общем, вся сухая еда. – Я буду на завтрак хлопья.

– А мы покупали молоко? – спросил Блейд и потёр нос, он оглянулся через плечо на брата.

– Да, я вчера взял, когда мы шли на кассу.

– Наверное, я не заметил, – отрезав кусочек яичницы, блондин отправил его в рот.

Взяв хлопья и молоко, глубокую тарелку и большую ложку, Майкл тоже сел за стол напротив Блейда. «Приготовив» свой нехитрый завтрак, брюнет приступил к трапезе.

– Приятного аппетита, – произнёс Блейд.

– И тебе.

Ели парни, в основном, молча, перекидывались лишь редкими фразами. Им не нужно было пытаться наговориться впрок, как это часто бывает, у них были почти двадцать четыре часа в сутки, в которые они могли не отходить друг от друга. Не отходить... пока Блейд вновь не решит исчезнуть на день-другой, оставив брата в замешательстве, неведении и ожидании.

Когда еда закончилась, Блейд забрал тарелки и отправил их в посудомоечную машину. Не сядясь, блондин взял чашку с почти холодным кофе, сделал глоток. Из-за низкой температуры и простоя напиток горчил ещё больше, чем обычно, и даже Блейду казался не слишком приятным.

– Блейд? – произнёс Майкл, крутя в руках чашку с глотком чая на дне. – А Лили ещё спит?

– Лили? – удивился Блейд. – С чего ты взял?

– Просто, она же оставалась у нас на ночь, и я не видел, чтобы она уезжала.

– Она уехала рано, – Блейд оставил чашку на тумбочке и подошёл к столу, взял сигареты, очередной за утро раз закуривая.

– Я тоже проснулся рано, – настаивал на своём Майкл. – Но её не видел.

– Сомневаюсь, что ты проснулся настолько рано, – спокойно ответил Блейд, выдыхая в сторону тугую струю дыма. – Она уехала около семи утра.

– Кажется, в это время я уже не спал...

– Ты хочешь сказать, что сидел здесь с семи утра? Четыре часа? Мекки, не многовато ли?

– Нет, я не сидел здесь всё время, – Майкл мотнул головой. – Я проснулся, спустился, немного порисовал в гостиной, потом задремал на диване. Снова проснулся около девяти.

– Вот, – кивнул Блейд.

Забыв про пепельницу, парень стукнул по сигарете и стряхнул пепел прямо на пол. Он добавил:

– Ты просто спал, когда она уходила, вот и не услышал.

Несколько секунд Майкл молчал, не смотря на брата, сжимая в руках чашку. Затем, он спросил:

– А почему Лили осталась у нас ночевать?

– Она вчера поздно закончила с уборкой и не хотела ехать в столь поздний час через весь город. Я разрешил ей остаться. В конце концов, она уже не раз ночевала у нас.

Немного помолчав, Майкл вновь задал вопрос:

– А когда Лили приедет снова?

– Не знаю, – пожал плечами Блейд и бросил зажигалку на стол. – Позвоню ей, когда

снова наберётся мусора и грязи. Думаю, как обычно, через неделю-две.

Брюнет немного непонятно кивнул, продолжая смотреть вниз и нервно сжимать в руках чашку – даже костяшки пальцев побелели. Несколько секунд пронаблюдав за братом, Блейд вздохнул и сел рядом с ним, силой отцепил одну его руку от кружки и взял в свою ладонь.

– В чём дело, Мекки? – мягко спросил блондин, смотря на профиль брата. – Что-то произошло?

– Нет, ничего...

Блейд бросил взгляд на ладонь брата, которую он держал в своих руках, перебрал напряжённые прохладные пальцы и произнёс:

– Майкл, ты же знаешь, что можешь рассказать мне всё. Абсолютно всё. Я всё пойму и точно не отвернусь от тебя, – Блейд говорил это, внимательно смотря на брата: на его прямой аккуратный нос, напряжённые брови и губы, не моргающие голубые глаза.

Удивительно, как они могут быть родными братьями с такой разной внешностью: Майкл был голубоглазым брюнетом, а Блейд кареглазым блондином. Наверное, они по частицам впитали в себя от каждого из родителей. Майкл был очень похож на мать: глаза, цвет волос. А Блейд вобрал в себя черты нескольких членов семьи: отца, который тоже был кареглазым, и дедушки по папиной линии, который был единственным блондином в семье. Потом единственным стал Блейд, потому что дедушка умер ещё до его рождения.

Удобнее и сильнее взяв ладонь брата, сев так, чтобы лучше видеть лицо брата, Блейд спросил:

– Майкл, ты принимал сегодня лекарства?

– Нет.

– Нужно принять, – вздохнул Блейд и чуть прикрыл глаза. – Я сейчас принесу...

– Не нужно, – остановил брата Майкл, подскочив следом за ним и сильно сжав его ладонь.

– Пошли со мной, – сказал блондин, смотря на брата.

Майкл был не таким высоким, как сам Блейд, и каким-то невероятно хрупким из-за постоянных пропусков приёмов пищи. За тем, чтобы парень питался три раза в день, уследить было просто невозможно! Блейд не мог понять для себя, как так можно – просто забыть, что нужно поесть? Но с Майклом это случалось постоянно. А Блейд, пусть он и не был занят на нормированной графиком работе, не мог находиться с братом ежеминутно. У него тоже были свои дела: рабочие и те, о которых никому, в том числе и брату, знать не стоило...

Они простояли так примерно полминуты, смотря друг на друга, не говоря ни слова. Блейд не хотел торопить брата, а сам Майкл, как видно, не горел желанием прерывать этот момент, этот контакт.

Сплотнув, брюнет сделал шаг вперёд, прижимаясь к Блейду, обнимая его и утыкаясь лицом в плечо, в основание шеи. Его дыхание щекотало кожу и ещё больше нагревало её. Потёршись носом о плечо брата, Майкл поднял голову, найдя взглядом спокойные тёмные глаза блондина. Вновь приблизившись к Блейду, Майкл провёл кончиком носа по щеке старшего, потёрся об неё своей щекой. Щёки и подбородок Блейда были чуть колючими от отросшей за два дня щетины, лицо же Майкла было совершенно гладким, как у ребёнка, почему-то, он ещё не начал бриться, хотя было уже пора.

Блейд мягко отстранил от себя брата и провёл кончиками пальцев по его щеке, смотря при этом в глаза. Майкл слегка улыбнулся и вновь потянулся к брату, поцеловал его в щёку,

потом ещё раз, и ещё, пока не дошёл до губ.

Блондин резко открыл глаза, смотря на лицо брата перед собой, на его закрытые веки, большего Блейд не мог видеть, потому что Майкл был сейчас ближе, чем близко – он целовал его. И, пусть это и не было совсем полноценным поцелуем взапрос, но, всё же, для братского чмока в губы этот поцелуй был слишком тесным и долгим.

Осторожно подавшись назад, Блейд отстранился от Майкла, серьёзно посмотрел на него. Младший в недоумении распахнул глаза, смотря на блондина.

– Майкл, не нужно так делать, – стараясь говорить максимально мягко, произнёс Блейд. – Не нужно меня целовать.

– Разве это плохо?

– Это неправильно.

– Но люди же целуются? – продолжал не понимать Майкл. – Почему нам нельзя?

– Потому что они – просто люди. А мы – братья.

– Но мы ведь любим друг друга и нам тоже приятно находиться друг с другом?

Майкл смотрел на брата сейчас таким детским взглядом, что Блейду казалось, будто он разговаривает с пятилетним ребёнком, с которым ещё не провели беседу про особенности взаимоотношений полов, а не со своим девятнадцатилетним братом.

– Любим, – согласился Блейд. – Но это совершенно иная любовь. Не нужно путать.

– Родственникам нельзя вступать в близкие контакты?

– Нельзя.

– Но мы ведь обнимаемся? Разве это не считается близким контактом?

– Нет, это другое.

– В чём разница? Почему кто-то сказал, что нельзя делать одного, но можно другое? – Майкл повысил тон.

– Потому что нельзя, – твёрдо отрезал Блейд.

Он взъерошил волосы, затем пригладил их и добавил:

– Если мы будем с тобой целоваться, то это будет не проявлением любви, а инцестом. А инцест считается извращением и подсудным делом. Думаю, нам обоим этого не нужно?

Майкл нахмурился и надул губы, опустил взгляд. Через несколько секунд он вновь посмотрел на Блейда – в его глазах затаилась обида и непонимание, но он не стал их озвучивать. Он сказал:

– Как скажешь.

– Это не я сказал.

– Не важно.

Блейд горько усмехнулся. В самом деле, это, столь любимое им: «Не важно», било по сердцу и зарождало в душе ощущение ненужности, отстранённости. Верно, он делал очень больно этим постоянным уходом от ответа Майклу и другим людям. И, если на весь остальной мир блондину было наплевать, то брата он любил и не желал делать ему больно. Собственно, из этих соображений он и уходил от ответа, умалчивал многое – круг замкнулся...

«Боль всегда порождает лишь боль», – подумал блондин и прижал брата на несколько мгновений к себе, словно стараясь защитить его от всего мира, поцеловал его в щёку.

– Пошли, – произнёс Блейд, беря брата за руку и уводя из кухни.

– Ты не веришь, что я выпью таблетки самостоятельно? – немного язвительно спросил Майкл, бросая взгляд на брата.

– Верю.

– Это хорошо. Как-никак, с детства их пью, по идее, должен был привыкнуть...

– Не злись на меня, Майкл, – серьёзно произнёс Блейд, останавливаясь на лестнице и смотря на продолжающего подниматься брата. – Я не сказал и не сделал тебе ничего плохого.

– Я знаю, – ответил младший.

По его тону было слышно, что это совершенно не то, что он хотел ответить.

– Я сейчас приму лекарства и буду у себя в комнате, – добавил брэнет. Он обернулся. – И я не злюсь на тебя, Блейд.

Блондин кивнул, Майкл скрылся в своей комнате. Постояв немного, Блейд вздохнул и продолжил путь, зашёл в свою спальню, аккуратно и бесшумно прикрывая за собой дверь.

Проведя взглядом по комнате, парень подошёл к окну и одним точным движением раздвинул тяжёлые тёмно-синие шторы. В глаза тотчас ударил солнечный свет. Блейд прищурился и ухмыльнулся, смотря на идущих там, на улице, прохожих, на автомобиль, который проехал мимо их дома и, не успев проскочить на жёлтый цвет, встал на светофоре.

Посмотрев в окно совсем недолго, блондин опустил взгляд, цепляясь им за нож, который так и остался лежать здесь, на прикроватной тумбочке после сегодняшней ночи.

Взяв кухонный клинок в руки, парень покрутил его в руках, рассматривая своё отражение в его сверкающей металлической глади, слегка щурясь от света, который он отражал. Положив палец на кончик ножа, Блейд надавил и сразу же отдернул руку. Этот нож был отличного качества: острый, длинный и широкий – почти настоящий клинок. Жаль, что теперь его придётся выбросить...

*Теперь мы топим этот корабль
В этот полночный час.
Как долго ты сможешь задерживать дыхание?
Мы плывем на звук песни сирен,
Что поют для разбитых сердец,
И мы подпеваем им.
Delain, Lullaby©*

– Чёрт, – выругался Блейд, подойдя к своему любимому круглосуточному магазинчику, в котором он, обычно, по ночам закупался сигаретами, алкоголем и, редко, продуктами.

Три дня назад здесь произошла жуткая авария: микроавтобус на полном ходу влетел в здание, снеся двери магазина, стену и разрушив добрую половину его интерьера. Как раз эти несколько дней Блейд не помещал своё излюбленное место и потому вывеска: «На ремонте» и тот факт, что магазин закрыт на приличный срок, застигли парня врасплох.

Раздражённо выдохнув, блондин сунул руки в карманы, нащупывая там пачку сигарет, и пошёл прочь. В пачке осталось всего пятнадцать сигарет, дома не было ни одной новой упаковки, и Блейд волновался, что ему может не хватить до утра, когда откроются супермаркеты.

Поправив воротник светлого пальто, под который проникали капли усиливающегося дождя, парень развернулся и пошёл прочь, вновь сворачивая к небольшому тенистому скверу-парку, который, несмотря на свой небольшой размер, походил на лес, до того в нём было много раскидистых деревьев. Блейд всегда сокращал путь через это тёмное местечко, что могло быть опасным в полночный час, когда он отправлялся в этот магазин.

Зайдя на территорию сквера, парень остановился, сжимая в руке зонт, всматриваясь в темноту. Дождь уже почти превратился в отвратительно-ледяной ливень, но, отчего-то, Блейд медлил с тем, чтобы открыть зонт и попытаться спрятаться от холодных водных стрел, срывающихся с неба.

Вздохнув, блондин продолжил путь, углубляясь в темноту парка, идя не прямыми, а изломано-непонятными, одному ему известными тропинками. Всякий раз, бывая здесь, Блейд вспоминал те многие истории и поверья, которые в один голос твердили добропорядочным гражданам – не суйтесь в час ночной в парки, скверы и леса, не суйтесь, если не хотите, чтобы вас никто потом не нашёл...

Хмыкнув себе под нос, блондин окончательно поднял воротник пальто, что уже совершенно не спасало от дождя, и ускорил шаг, сворачивая и пересекая территорию небольшого сквера по диагонали, направляясь к тому месту, где оставил автомобиль. Он всегда оставлял машину не около магазина и даже не рядом с парком – он оставлял свой автомобиль в небольшом и абсолютно тёмном закоулке, про который никто не знал и который и он сам обнаружил совершенно случайно. Благодаря этой привычке парню предстояло пройти не триста метров, а в два раза больше. С учётом холодного ливня этот факт не радовал.

Вновь свернув, выйдя на главную дорогу, основной артерией пролегающую через тело парка, блондин жжал в карманах кулаки и ускорил шаг, погружаясь в свои размышления.

Но очень скоро нечто привлекло его внимание, заставляя притормозить и начать присматриваться, вглядываться в темноту, в которой, в неясном свете мокрого дрожащего фонаря, угадывалась фигура человека.

Человек этот сидел на спинке лавки, беспардонно поставив ноги на сиденье, и пытался курить, пряча сигарету от дождя в ладони, всеми силами пытаясь уберечь дымящую палочку от смертоносной для неё влаги. Рядом с ним стояла початая бутылка какого-то крепкого алкоголя с сорванной этикеткой.

Постояв несколько секунд, Блейд уверенным шагом двинулся к этому человеку. Подойдя к нему, блондин без лишних слов открыл зонт и накрыл им промокшую насквозь, чуть дрожащую фигуру. Из-за длинных светлых волос, торчащих из-под лёгкой фиолетовой шапочки, и позы было сложно угадать, к какому полу принадлежал этот человек.

Сидящий, почувствовав, что дождь перестал литься ему на голову, и, заметив боковым зрением чье-то присутствие, повернулся к Блейду, вопросительно, немного испуганно смотря на него.

– Покури спокойно, – с лёгкой улыбкой произнёс блондин. – Или тебе удобно курить под проливным дождём?

– Нет, неудобно, – ответил человек, кажется, это всё-таки был парень. – Спасибо.

Он снова посмотрел вперёд и всхлипнул, не то от простуды, которая уже могла успеть поселиться в его теле из-за переохлаждения, не то из-за того, что он плакал.

Вновь скосив глаза на Блейда и поняв, что он не собирается уходить, парень протянул руку и произнёс:

– Давайте зонт мне, я сам подержу.

– Обращайся ко мне на «ты», – усмехнувшись, произнёс Блейд и передал парню зонт, после чего сел рядом с ним, вытягивая ноги.

Он несколько секунд помолчал, затем добавил:

– Меня зовут Блейд.

– Бони, – кивнув, представился парень и обхватил дрожащими губами фильтр сигареты, пытаясь сделать нормальную затяжку, но сигарета уже была слишком влажной.

Нахмурившись, Бони выбросил недокурную сигарету и достал из пачки новую, немного неловко пытаясь управиться с зонтом и зажигалкой одновременно. С секунду посмотрев на мытарства парня, Блейд забрал у него зонт, освобождая одну руку, и вновь вернул только после того, как он подкурил.

– Спасибо, – поблагодарил он Блейда.

– Не за что, – пожал плечами Блейд.

Чуть-чуть помолчав, он спросил:

– Интересное имя – Бони. А как будет полностью?

– Бонифаций, – слегка поморщившись, ответил новый знакомый. – Я знаю, что оно странное, просто, мои родители...

– Это очень красивое имя, – перебил парня Блейд, не давая ему начать оправдываться.

– Спасибо, – в который раз произнёс Бони и наконец-то улыбнулся. Это было хорошим знаком. – Это всё мои родители... У меня отец – историк, а мама – художница. Вот и придумали назвать меня так, чтобы это имя и в истории было, и маминым необычным стандартам соответствовало.

– Бонифаций... – повторил за парнем Блейд, чуть щурясь, смотря в темноту. – И кто же носил такое имя в истории?

– Святой Бонифаций, – вздохнул Бони. – Он был архиепископом, миссионером и реформатором церкви. Известен, как Апостол всех немцев.

– Ммм, – с уважением кивнул Блейд. – Так ты у нас носишь великое имя?

– Мне больше нравится просто «Бони», потому что «Бонифаций» – слишком сложно и пафосно. И моей маме тоже нравится сокращенная форма, только она добавляла в него ещё одну «н», но так уже получается женское имя...

– Какая, однако, у тебя интересная судьба и семья, – улыбнувшись, взглянув на собеседника, произнёс Блейд. – Наверное, это очень интересно – быть сыном художницы, творческой личности?

– Да, это интересно, – кивнул Бони. – Когда твой родитель – свободный художник, это автоматически освобождает тебя от многих неприятностей традиционного воспитания.

– А твой отец?

– Он тоже не был приверженцем консерватизма. Так что, они нашли друг друга.

Бони помолчал немного, затем добавил:

– Папа даже нормально отнёсся к тому, что мама четыре года назад сказала, что у неё творческий кризис, оставила дома все телефоны и прочие средства связи и уехала на Гавайи, чтобы там, сидя на берегу океана, восстановить связь с космосом и смочь вновь творить.

Блейд поднял брови, вопросительно смотря на парня. Он спросил:

– И как, прошёл творческий кризис?

– Не знаю, – Бони пожал плечами. – Она ещё не вернулась.

– У тебя удивительная семья, – сказал Блейд и достал сигарету, подсаживаясь ближе к новому знакомому, чтобы тоже укрыться от дождя.

– Да, есть немного... – улыбнувшись, ответил Бони. – Только мой старший брат, как это принято говорить, нормальный. Даже слишком нормальный, из-за это, собственно, мы и не общаемся.

– Почему?

– Он не может принять то, что хоть чуточку отличается от среднего стандарта, – несколько уклончиво ответил Бони. – Он и с мамой по этому поводу часто ссорился, и с папой. А со мной... – парень закатил глаза и тяжело вздохнул. – Я не могу вспомнить и дня, когда бы мы не ссорились и когда бы он не пытался меня перевоспитать.

– И как же он пытался тебя перевоспитать? – спросил Блейд, внимательно, изучающе смотря на профиль собеседника. – Или тебе неприятно об этом говорить?

– Нет, всё нормально. Он орал на меня, всё время говорил, какой я не такой и какая у нас чокнутая семья, часто бил. Но этого уже давно нет. Он переехал, когда мне было пятнадцать. С тех пор я его больше не видел, только несколько раз разговаривал по телефону.

– А сколько тебе сейчас лет?

– Двадцать.

– И ты не видел брата уже пять лет?

– Да, не видел, – вздохнул Бони и поёжился, шмыгнув носом и утёр его рукавом лёгкой курточки. – Но это меня не слишком расстраивает. Мы никогда не были близки.

Выронив сигарету и не заметив этого, Бони закрыл покрасневшие глаза и с силой потёр их кулаками.

– Ты так заболеешь, – произнёс Блейд, касаясь бедра парня, обращая на себя внимание. – Почему ты не идёшь домой?

– Мне некуда идти, – всхлипнул Бони и снова закрыл глаза, потёр их. – Меня выгнали

из дома.

– Родители?

– Нет, – парень помотал головой. – Мой парень.

Блейд вопросительно изогнул бровь. Бони продолжал:

– Мы с ним встречаемся уже два года, год живём вместе, – он снова всхлипнул. – Сегодня вечером он пришёл ужасно пьяный, мы как-то незаметно начали ссориться, а потом он просто наорал на меня и вышвырнул из квартиры, сказав, что больше не хочет меня видеть. Даже вещи в окно выкинул. Не все, но, всё же...

Бони опустил взгляд и начал нервно перебирать пальцами, заламывая их.

– Наверное, не стоило мне этого говорить... – произнёс новый знакомый, смотря куда-то вниз, сугуля плечи.

– Почему?

– Многие люди начинали относиться ко мне плохо, узнав о моей ориентации.

– Поэтому вы ссорились с братом?

Бони немного непонимающе посмотрел на Блейда, затем кивнул:

– Да, из-за этого. Он не принимал этого и считал отклонением.

– Да, некоторые так думают...

Бони неровно улыбнулся, не обнажая зубов, и потянулся к бутылке, кажется, виски. Припав к горлышку, парень сделал несколько жадных глотков и закашлялся, едва не подавился. Как видно, ему не каждый день приходилось напиваться.

Утерев рукавом губы, Бони спросил:

– А что ты об этом думаешь?

– О гаях?

– Да, – кивнул парень. – Как ты к ним относишься?

– Я к ним не отношусь, – невероятно обаятельным, бархатным голосом ответил Блейд, продолжая внимательно, но ненавязчиво смотреть на своего всё больше хмелеющего собеседника.

– Жаль, – вздохнул Бони и прикрыл глаза.

Запоздало спохватившись, поняв, что сказал, парень попытался оправдаться:

– Ты... Ты не подумай ничего, – он активно жестикулировал, выдавая с потрохами своё волнение. – Я просто... просто...

Блейд снисходительно улыбнулся потугам парня, который никак не мог совладать со своими мыслями и языком. Решив ему помочь, блондин поднял руку, прерывая этим жестом его сбитую объяснительную тираду, и сказал:

– Не нужно так пугаться своих же слов.

– Мне просто очень бы не хотелось, чтобы ты мне врезал за них, – немного напряжённо смотря на Блейда, ответил Бони. Глаза парня из-за спиртного блестели и начинали чуть-чуть косить.

– Не врежу, – слегка улыбнулся Блейд. – Даже, если я не отношусь к сексуальным меньшинствам, это не значит, что я их ненавижу или презираю.

– Это хорошо, – улыбнулся Бони, немного расслабляясь.

Он вновь приложился к бутылке виски, делая быстрые, большие глотки.

– Тебе не кажется, что напиваться ночью в парке, когда тебе некуда идти, опасно и недальновидно? – спросил Блейд, внимательно смотря на парня.

– Наверное, – пожал плечами Бони. – Но... какая разница? – он повернулся к Блейду

корпусом, смотря на него пьяным взглядом. — Так мне хотя бы не настолько паршиво. Знаешь, Блейд, это очень больно, когда тебя, как котёнка, вышвыривают на улицу под проливной дождь.

— Да, это неприятно, — ответил Блейд.

Немного помолчав, он предложил:

— Если ты не хочешь возвращаться к родителям, можешь переночевать у меня. Я уверен, что твой парень наутро протрезвеет и поймёт, какую допустил ошибку, и вы помиритесь.

Сказав это, Блейд вопросительно взглянул на нового знакомого. Бони ответил:

— Я не могу вернуться к родителям. Мой отец сейчас не в Германии, а у меня нет ключей, я оставил их, когда переезжал.

Он немного помолчал, слегка хмурясь, что выглядело так забавно на пьяном лице. Вдруг посветлев, парень спросил:

— Правда, можно переночевать у тебя? — он слегка замялся и добавил уже более спокойным тоном: — Это тебя не стеснит?

— Совершенно нет, — спокойно ответил Блейд.

Похлопав себя по карманам, парень встал и взглянул на собеседника, спрашивая:

— Так, что? Ты идёшь? Если нет, то я посижу с тобой ещё немного, но вскоре поеду домой. Уже поздно, да и холодно, сам понимаешь.

Бони думал всего секунду-две, затем, он кивнул и ответил:

— Я поеду, если ты, конечно, не против.

— Я уже сказал, что не против.

Благодарно кивнув и улыбнувшись, Бони встал. Забрав у него зонт, Блейд повёл их к выходу из сквера. В какой-то момент новый знакомый споткнулся и едва не упал, чудом успев схватиться за крепкую руку Блейда. Он виновато поднял на спасителя глаза, продолжая крепко сжимать его руку, но понимая, что лучше перестать это делать. Блейд же, в свою очередь, отнёсся к этому совершенно спокойно. Даже не взглянув на смущенного парнишку, он сказал:

— Ты уже достаточно пьян. Так что, лучше держись за меня. Не хотелось бы встретить рассвет в травматологии.

— Мне казалось, что ты будешь против, — невнятно пробормотал Бони, пряча взгляд, но продолжая держаться за Блейда и покорно идти туда, куда он его вёл.

— Ты опять про свою ориентацию?

— Да...

— Я же сказал, что меня это совершенно не волнует.

— Приятно слышать, — ответил Бони и немного растеряно улыбнулся.

— Насколько я понимаю, тебе чаще всего встречались совершенно нетерпимые люди? — поинтересовался Блейд, бросая на парня беглый взгляд.

— Да, — вздохнул Бони. — Казалось бы, государство у нас толерантное, современное, а люди в нём... — он вновь вздохнул и прикрыл глаза, так и не заканчивая свою мысль.

— Да, тебе не повезло, Бони, — непонятным тоном ответил Блейд, прищуриваясь и вглядываясь в темноту улицы, ища взглядом свой автомобиль.

— Ты живёшь близко? — спросил через какое-то время Бони.

— Нет, далеко, — покачал головой Блейд и добавил: — Но я на машине, так что, идти пешком за тридевять земель нам не придётся.

— Это хорошо, — улыбнулся Бони и сразу же вздохнул, прикрыл глаза. — Я ужасно устал

и замёрз.

– Да, – кивнул Блейд, – ссоры и нервы ужасно выматывают.

Оставшееся время до машины парни шли молча и только тогда, когда Блейд высвободил свою руку и направился к водительской дверце, Бони спросил:

– А почему ты оставил машину здесь, а не на улице?

– Негативный опыт, – соврал парень, отключая сигнализацию и открывая водительскую дверцу. – Несколько раз мою машину безбожно царапали, задевали, когда я оставлял её на улице. А я очень люблю свой автомобиль.

В речи Блейда не было ни слова правды: его машину ни разу никто не задевал и особой любви к ней он, также, не испытывал, потому что этот автомобиль был лишь одним из многих. Он мог себе позволить менять машины так часто, как ему захочется.

Кивнув, Бони тоже подошёл к автомобилю и сел на пассажирское сиденье спереди. Заняв своё место, Блейд пристегнулся и бесшумно выехал на проезжую часть. До их с Майклом дома ехать было совсем немного, минут десять от силы, но парень не собирался приводить чужого в дом к брату и потому направлялся в своё собственное жильё – дом далеко за городом, который он называл рабочим, которого не было ни на одной карте или навигаторе, потому что ещё несколько лет назад там был только голый участок земли, который Блейд выкупил и застроил в обход городских властей. Этот дом был идеальным местом для того, кто желал сбежать от всех и спрятаться на день-другой, просто отдохнуть в тишине. На десятки километров в округе не было ни единой живой души, ни единой постройки, а сам дом стоял не около дороги, а в стороне, благодаря чему, если не знать про него, то его было практически невозможно найти случайным образом.

Приближаясь к черте города, Блейд постепенно прибавлял скорость, чтобы вскоре, проехав знак: «Вы покидаете Берлин, доброго вам пути!», сорваться за сто километров в час и унести вдаль и в темноту, под пологом которой, где-то далеко-далеко, скрывалось его тайное убежище наподобие тех, которые строят дети на деревьях. Только его «домик на дереве» был из камня и стоил около двухсот тысяч евро.

– Чёрт, – выругался Бони, крутясь и ища нечто. – Кажется, я бутылку оставил на лавке...

– Я тебе обязательно налью чего-нибудь, когда мы приедем, – ответил Блейд, следя за пустынной мокрой дорогой. – У меня достаточно алкоголя, причём, не такого, как пил ты, а качественного.

– У меня не было денег на дорогой виски.

– И ты решил, что это повод, чтобы травить себя, – кивнул Блейд.

– А ты пьёшь только дорогой алкоголь?

– Исключительно, – ответил Блейд, мягко выворачивая руль и сворачивая с главного шоссе.

– Обычно, ценителями элитных спиртных напитков становятся с возрастом, а ты на вид не на много старше меня.

– Мне двадцать шесть лет, – ответил Блейд, слегка щурясь, вглядываясь в темноту, стараясь не пропустить очередной важный поворот.

Отправляясь в «свое убежище», парень принципиально не пользовался навигаторами, всегда ища путь по памяти. Это было достаточно логичным – если ты не хочешь, чтобы кто-либо знал о каком-то месте, нужно сохранить его втайне даже от электроники в собственной машине, потому что, зачастую, техника становится врагом человека и безбожно предаёт его.

Когда они подъезжали к дому, Бони уже клевал носом, дремал. Панорама густого

ночного леса, мерно проносящегося за окном, на всех действовала умиротворяюще и успокаивающе. На всех, кроме Блейда, который привык к тому, что в те моменты, когда он приезжает сюда, ему стоит оставаться бодрым, потому что спать ему придётся лечь не скоро.

Подъехав к высоким воротам, Блейд нажал кнопку автоматического открытия и проехал через раздвинувшиеся двери, которые спустя минуту закрылись вновь. Как только автомобиль въехал на территорию дома, датчики движения сработали, включая уличный свет, подсвечивая огромный особняк, делая его похожим на волшебный замок. Да, верно, те люди, которые строили его, проделали потрясающую и сложнейшую работу.

Отстегнув ремень безопасности, Блейд тронул своего спутника за руку и вышел из машины. Бони, мигом проснувшись и попрощавшись с сонливостью, поспешил последовать примеру хозяина дома.

– У тебя просто огромный дом, – с восхищением произнёс Бони, когда они зашли внутрь, оказываясь в гостиной. – Как видно, ты намного богаче, чем я думал.

Дом внутри казался ещё больше, просторнее, чем снаружи. В нём было очень много света и металлических элементов интерьера, что создавало эффект некой фантастичности, принадлежности к другому миру.

– Я не миллиардер, – усмехнулся Блейд, снимая пальто и беря пепельницу, что стояла на столике около входной двери. – Но денег у меня достаточно.

Блейд отправил гостя в душ и выдал ему сухую одежду, чтобы он переоделся. Сам он пропустил посещение ванной и обошёлся просто переодеванием в сухие вещи. Взяв бутылку бренди и два бокала, парень расположился в одной из спален, дожидаясь своего гостя.

Бони не заставил себя долго ждать, совсем скоро появляясь на пороге комнаты. Несмотря на горячий душ и сухую одежду, парень всё равно мёрз и, потому, с разрешения Блейда, накинул на плечи одеяло, устраиваясь в нём, как в коконе.

– Как и обещал, – сказал Блейд, передавая гостю полный бокал с бренди.

– Спасибо, – кивнул Бони и сделал маленький глоток, после чего залпом осушил бокал, ненадолго задерживая последний, не лезущий в горло глоток во рту.

Он протянул пустой бокал хозяину дома. Блейд усмехнулся и покачал головой, после чего вновь наполнил бокал гостя.

– Ты так хочешь напиться? – спросил Блейд, с лёгкой ухмылкой смотря на гостя.

– Не только, – ответил Бони и вновь пригубил бренди. – Мне очень холодно, никак не могу согреться.

– Я могу приготовить тебе чай или кофе, – предложил Блейд, смотря на гостя, который крутил в руках бокал с крепким спиртным.

– Не надо, – покачал головой Бони. – Ты прав, – он вздохнул и сделал три больших глотка, – я хочу напиться. Так проще.

– Как хочешь, – пожал плечами Блейд и прилёг на высокие подушки.

Найдя пульт, он включил телевизор, начиная переключать каналы, ища что-нибудь интересное. Бони несколько минут сидел, наблюдая за Блейдом, и, всё-таки, решился и подсел ближе к нему, тоже прилег, только набок, чтобы видеть его.

– Ты не против? – спросил Бони, имея в виду свою близость к нему.

– Нет, – спокойно ответил Блейд.

Вновь переключив канал и остановив свой выбор на каком-то триллере, он добавил:

– Если тебе так холодно, я могу тебя обнять. Или дать ещё одно одеяло.

– Лучше обнять, – слишком честно ответил Бони и подлез ещё ближе к Блейду,

устраиваясь у него под боком.

Он устроил свою голову на плече Блейда и добавил, смотря грустным взглядом в экран телевизора:

– Мне просто очень нужно снова почувствовать себя нужным...

– Может быть, тебе лучше больше не пить? – поинтересовался Блейд, скашивая глаза на парня. – Ещё немного и тебя понесёт.

– Ты боишься этого? – спросил Бони, поднимая голову и смотря на Блейда таким взглядом, от которого у любого бы душа взвыла и свернулась в трубочку. У любого, но не у Блейда.

Но показать пареньку то, что он так надеялся найти в нём, в его глазах, он был совершенно не против. В конце концов, не зря же говорят – кто ищет, тот всегда найдёт...

– Боюсь? – усмехнулся Блейд и, прикрыв глаза, покачал головой.

Открыв глаза, он вновь взглянул на гостя, добавляя:

– Я ничего не боюсь.

– Разве можно ничего не бояться? – удивился Бони. Он снова припал губами к стеклу бокала, втягивая в себя мулящий сознание алкоголь.

– Можно, – спокойно ответил Блейд и тоже взял бокал, сделал два глотка, после чего вернул его на тумбочку. – Я очень хорошо умею справляться со своими страхами.

– А как тебе это удаётся? – продолжал сыпать вопросами захмелевший Бони.

Он сел и придвинулся ещё ближе, касаясь своим коленом бедра Блейда. Взглянув на парня, выдержав недолгую паузу, Блейд ответил:

– Просто я знаю одну нехитрую, но очень важную истину...

– Какую?

Усмехнувшись, прикрыв глаза, Блейд ответил:

– Эта истина в том, что страхи существуют лишь в нашей голове.

– Но ведь мы всегда боимся чего-то внешнего по отношению к нам? – не понял Бони, он слегка нахмурился.

– Ты прав, – согласился Блейд. – Но, чего стоит пугающий нас объект, если мы перестанем его бояться?

Бони завис на какое-то время, переваривая информацию, которая порождала так много размышлений и могла в корне изменить привычную картину мира. Блейд терпеливо ждал, пока парнишка подумает. Ждал и неспешно потягивал виски.

Услышав крик в телевизоре, Блейд нахмурился и перевёл взгляд на экран. Узнав фильм, который он уже смотрел, парень переключил канал. Подумав, Бони не стал ничего говорить касательно этой сложной темы и, сделав глоток бренди, вновь устроился на плече Блейда.

– Ты тёплый, – произнёс Бони, проводя щекой по плечу Блейда, которое было горячим даже через ткань серой футболки.

– Мне часто об этом говорят.

– Даже горячий... – парнишка вновь потёрся об плечо Блейда щекой, забываясь и забывая о том, что это действие может быть не очень уместным и что оно может быть неправильно расценено.

– А ты уже совсем пьяный... – прошептал самому себе Блейд, смотря куда-то перед собой.

Выйдя из минутного транса, парень обратился к гостю:

– Тебе всё ещё холодно?

– Да, – кивнул Бони.

На самом деле, он уже почти согрелся, но что-то заставило его соврать. Наверное, в нём говорил крепкий алкоголь и нервное перенапряжение из-за пережитого в прошедший вечер.

Улыбнувшись уголком рта, Блейд завёл одну руку Бони за спину и, отодвинув одеяло, провел по его спине, после чего забрался под его майку, проводя ладонью уже по голой коже.

Бони вздрогнул. Эта реакция была столь яркой и выраженной, что Блейд не смог пропустить её мимо внимания. Остановив движения руки, он вопросительно взглянул на гостя.

– Я сделал тебе больно? – тактично спросил Блейд.

Бони вновь вздрогнул, но уже слабее, и помотал головой, отвечая:

– Нет-нет. Пожалуйста, продолжай...

– Тогда, постарайся не дёргаться.

Бони виновато улыбнулся и снова лёг так, чтобы Блейду было удобно. Глядя парня по спине одной рукой, второй Блейд продолжил переключать каналы, ища хоть что-нибудь интересное.

– Подожди... – остановил Блейда гость. В этот момент он как раз включил канал с эротикой.

– Будем это смотреть? – поинтересовался Блейд, скашивая глаза на Бони.

Парнишка не ответил, с каким-то странным интересом наблюдая за происходящим на экране.

– А ты часто смотришь подобное? – вдруг спросил Бони.

Этот вопрос был странным и удивил Блейда. Вопросительно взглянув на гостя, он ответил:

– Нет.

Немного помолчав, он добавил:

– Я предпочитаю делать, а не наблюдать.

Кивнув, Бони вновь замолчал на какое-то время, внимательно наблюдая за развратными и будоражащими действиями героев незамысловатого кино. Когда комнату заполнили характерные звуки и стоны, парень вновь обратился к Блейду:

– А ты когда-нибудь смотрел кино про однополые пары? – прикусив губу, он добавил: – Про двух мужчин?

Блейд вопросительно посмотрел на гостя. Едва слышно хмыкнув, он ответил:

– Нет, не возникало желания.

– Здесь ты тоже хочешь делать, а не наблюдать? – протараторил Бони, смотря на Блейда пьяными, широко распахнутыми глазами.

– Что ты имеешь в виду?

– Хочешь попробовать? – выпалил Бони прежде, чем Блейд успел договорить, заглушая последние буквы его слов.

Секунду посидев, Бони потянулся вперёд, прикрывая глаза и касаясь губ Блейда своими губами, мягко, немного испугано целуя его и быстро отстраняясь, заглядывая парню в глаза. Блейд ничего не говорил, молча смотря на гостя, и по его взгляду было непонятно, как он относится к тому, что только что произошло.

Молчание затягивалось, становилось напряжённым. Бони успел трижды проклясть себя за инициативу, но что-то сказать, нарушить тишину и попытаться оправдаться он не решался. Потому парень просто смотрел на Блейда бегающими глазами и теребил в пальцах край

одеяла, которое уже почти сползло с него.

Наконец-то прекратив эту пытку молчанием и неизвестностью, Блейд невыносимо медленно приоткрыл рот и негромко произнёс:

– Можно попробовать... – на губах скользнула дьявольская улыбка.

Пропустив темноту и сталь, дрогнувшую на губах и в голосе Блейда, Бони отпустил страх и вновь потянулся к парню, припадая к его губам поцелуем, который очень скоро стал глубоким, безумно влажным и горячим.

Взяв Бони за плечи, Блейд повалил его на спину и подмял под себя, одной рукой оглаживая его бок, а второй отодвигая мешающееся одеяло в сторону. Парнишка отзвучиво выгибался под руками Блейда и самозабвенно, отчаянно целовал его, целовал так, что начинали болеть губы. Но остановиться он не мог – лишь человек может стать лекарством от боли, подаренной другим человеком. И Бони отчаянно желал этого лечения, желал забыться. А алкоголь, текущий в его крови, сводил и без того сомнительные шансы подумать и остановиться к нулю, уничтожал их и сравнивал с землёй.

Когда Блейду наконец-то удалось полностью освободить Бони от плена одеяла, он задрал его майку и провёл влажной дорожкой поцелуев от низа живота до груди, после чего положил ладони ему на бока и, сильно давя, повёл вверх, оставляя красноватые следы от своих пальцев на его светлой коже.

Парнишка выгнулся и закрыл глаза, запрокидывая голову, открывая тонкую шею, в которую тут же впился жёстким поцелуем Блейд, оставляя на коже ярко-красный засос и следы от зубов. Елозя под Блейдом, Бони согнул ноги в коленях и развёл их, подаваясь бёдрами вверх, прижимаясь к неожиданному любовнику.

– И, всё-таки, ты безумно пьян, – ухмыльнувшись, прошептал Блейд.

– Что? – не расслышав, переспросил Бони.

Он открыл глаза и пытался сфокусировать взгляд на лице любовника.

– Ничего, – продолжая держать губы изогнутыми в злобешей ухмылке, ответил Блейд и вновь припал губами к телу парня, достаточно сильно прикусывая кожу на его груди, рёбрах.

Бони снова выгнулся, подаваясь бёдрами вверх, и застонал, когда Блейд накрыл ладонью его ширинку, ощутимо сильно сжимая его член через ткань джинсов. Он открыл рот, чтобы схватить достаточную порцию кислорода и что-то сказать, попросить о большем, но не успел произнести ни звука, потому что Блейд рывком перевернул его и, стянув с него футболку, поставил на четвереньки.

Это было слишком быстро и немного неожиданно и заставило Бони немного растеряться, но уже в следующую секунду он позабыл про свои страхи и сомнения, потому что на его спину легли умопомрачительно тёплые и умелые руки, оглаживая кожу, даря наслаждение и расслабляя. На несколько мгновений задержав ладони на пояснице парня, нежно и медленно поглаживая чувствительную кожу, Блейд скользнул руками дальше, проводя рукой по попе Бони, а, затем, резко и слишком сильно сжимая его левую ягодицу.

Поднявшись к голове Бони, Блейд скользнул рукой ему под живот, расстегивая ремень и ширинку, приспуская его джинсы. Прикусив кожу под самым ухом парня, он сказал:

– Надеюсь, ты уже готов, потому что я не люблю долгих прелюдий.

Бони не ответил, только лишь промычал что-то невнятное, по чему угадывалось согласие. Усмехнувшись парню в затылок, Блейд стянул с него джинсы и трусы, роняя его при этом. Бони затуманенным взглядом наблюдал за тем, как Блейд раздевался. А, когда

на парне не осталось ничего, парнишка пододвинулся к подушкам и лёг на спину, через несколько секунд подтягивая колени к груди, открываясь.

Достав презерватив и надев его, Блейд подполз к Бони, проводя пальцев по его ноге от щиколотки и до острой коленки. Он спросил:

– У тебя достаточно опыта?

– Д-да, – запинаясь из-за сбитого дыхания, ответил гость.

– Хорошо, – кивнул Блейд. – Потому что смазки у меня нет.

Бони сглотнул, наблюдая за любовником. Блейд сплюнул на ладонь и провёл ею между ягодиц парня, нашёл колечко мышц и, помассировав его немного, вставил один и почти сразу же второй палец. Вскоре к двум пальцам добавился и третий, а сама подготовка не продлилась долго. Уже через две минуты, когда сфинктер парня немного расслабился, перестал быть таким тугим, а сам Бони уже начал задыхаться от стонов и желания, Блейд вынул из него пальцы и, резко перевернув парня, вошёл в него.

Бони широко распахнул глаза и затих, даже дышать перестал, потому что Блейд вошёл в него резко, почти на всю длину, причиняя несильную тупую боль. Но уже в следующее мгновение он забыл о своих неприятных ощущениях, потому что Блейд, удачно двинувшись у него внутри, задел простату и пользовался этим, не контактируя с ней при каждом движении, но задевая эту заветную точку с мерной, но всякий раз неожиданной амплитудой. Это заставляло Бони стонать и сходить с ума, то подниматься, выгибаясь и оборачиваясь через плечо на умелого любовника, то падать лицом в подушки, комкать в кулаках простынь.

Блейд двигался мерно, часто, выдерживая чёткий ритм, который сводил с ума и заставлял задыхаться воздухом, бесстыдно стонать, выгибаясь в пояснице до угрозы перелома позвоночника. Но эта угроза, эта опасность острых осколков позвонков, что ворвутся в мягкие ткани и в клочья разорвут нервы, лишь подогревала желание и страсть, повышала уровень возбуждения. Это общеизвестный факт – людей дико заводит опасность, отчего же, иначе, в современном мире столь популярны вампиры, которые могут с лёгкостью соблазнить тебя, вознести на вершину блаженства, а в следующую минуту прикончить, с хрустом впившись в твоё горячее, полнокровное горло?

– Ах, да... ещё... – стонет Бони, упираясь в постель ладонями и поднимаясь на вытянутых руках, ещё сильнее прогибаясь в пояснице, раскрываясь и подаваясь бёдрами назад, с жадными хлопками кожи о кожу встречая каждый мощный толчок своего молчаливого любовника.

Блейд крепко стискивал зубы, вбиваясь в такое тесное тело случайного любовника, наслаждаясь тем, как туго входит его член в узкий задний проход парня, но, отмечая про себя даже в этом запале чувств, что подобный секс совсем не для него. Всё-таки, парни никогда не возбуждали Блейда и то, что сейчас он с оттягом трахал этого парнишку, вовсе не говорило о его склонности к гомосексуализму. Напротив, этот случайный опыт лишь сильнее убеждал его в обратном. Как известно, исключение является лучшим подтверждением любого правила.

Стиснув зубы сильнее, и прикрыв глаза, Блейд сильнее сжал бёдра Бони, оставляя на его коже следы от своих цепких длинных пальцев, которые на завтра станут синяками и кровоподтёками, давая его парню новый повод указать на дверь и послать Бони к чёрту. Измены никто не потерпит. Блейд бы точно не потерпел.

Накатывающий оргазм ощущался столь близким, но, отчего-то, никак не наступал. Это раздражало и заставляло двигаться всё сильнее, причиняя парню под собой боль, заставляя

его то и дело срываться на визг и просить то притормозить, то продолжать и ни в коем случае не останавливаться.

Эти слова-мольбы-просьбы были приятны для слуха и улаждали самолюбие, лишняя раз давай Блейду понять, что он отличный любовник, как теперь выяснилось, для обоих полов.

«Но продолжать походы на голубую сторону я точно не стану», – подумал Блейд и с силой нажал на поясницу Бони, валя его на кровать и прижимая сверху, начиная врываться в его тело так, что парнишка заскулил и упал лицом в матрас, но даже он не мог заглушить его криков и стонов.

Блейд не задумывался о том, были ли это крики наслаждения или боли, ему сейчас было важно лишь собственное наслаждение. А этот парень... Что ж, он попросил его об услуге, предложил её, а Блейд великодушно принял в свои руки очередной дар.

«Какой же ты глупый», – подумал Блейд, смотря на влажную от пота спину Бони. Почему-то, во время этой близости блондину никак не удавалось отключить голову и переест думать.

Стиснув зубы и закрыв глаза, шумно и раздражённо выдохнув, Блейд потянул бёдра парня на себя и, почти полностью выйдя из его тела, резко ворвался вновь, вгоняя свой немаленький член на всю длину и проезжаясь по его простате. Бони заскулил, срываясь на высокий визг. Ухмыльнувшись, Блейд продолжил двигаться под этим углом, не теряя более волшебной точки, заставляющей парня под ним сходить с ума, приближая его к умопомрачительному оргазму.

– Блейд, да, да... Господи, да! Еще! Ах, да... – вырвалось из горла Бони, и он резко выгнулся, насаживаясь на член Блейда и кончая, сжимая при этом орган парня внутренними мышцами так сильно, что Блейд задержал дыхание от резкой умопомрачительной и вибрирующей узости.

Это подстегнуло его удовольствие и Блейд, игнорируя то, что Бони уже обмяк под ним, запачкав простынь своей спермой, пытался не упустить эту тугую струну удовольствия, продолжая со всей силы вбиваться в ослабшее тело парня.

«Да, – стучало в голове Блейда сбитым пульсом и шумным дыханием. – Ещё чуть-чуть. Ещё чуть-чуть...».

И вот лавина оргазма обрушилась на Блейда, погребая под собой на бесконечные несколько секунд, гася свет под закрытыми веками и подсвечивая эту темноту алым. Он продолжал вбиваться в тело Бони до последней судороги пронзённого удовольствием тела, а, после, с эротичным хлюпом вытащил свой член из заднего прохода парня и сел, складывая ноги по-турецки и пытаясь выровнять сбитое донельзя дыхание.

Осторожно разогнувшись, Бони подполз к Блейду и тоже сел напротив него, под ним как раз оказалась чуть влажная от его же семени простыня, и это ощущение создавало некоторое неудобство, но парень был сейчас слишком взбудоражен, чтобы думать об этом и пытаться это исправить.

Стянув презерватив и бросив его в урну, Блейд взял свой бокал с бренди и залпом осушил, ему безумно хотелось пить. Слегка утолив жажду, он взял в руки сигарету и зажигалку, но закуривать сразу не стал и взглянул на Бони. Парнишка был весь красный, он тяжело дышал, а по его мутному, блестящему взгляду казалось, что он где-то не здесь.

Молча взяв бокал Бони, Блейд протянул его парню. Приняв бокал, Бони сделал три маленьких глотка и икнул, нахмурился.

– Тебе нехорошо? – спросил Блейд, внимательно смотря на парнишку чуть прищуренными глазами.

– Немного... – непонятно ответил Бони. – У меня голова кружится.

Бони помолчал немного, сделал ещё один маленький глоток и, ещё сильнее нахмутив брови, добавил:

– Пожалуй, мне стоит умыться. Это должно немного привести меня в чувства. Можно? – он взглянул на Блейда.

– Конечно, – пожал плечами Блейд и поставил бокал на тумбочку, подкурил, затягиваясь крепким дымом, и, запуская сизые змейки в полёт по комнате.

Бони кивнул и встал, чуть покачнулся. Обернувшись, он попросил:

– Можешь дать мне какое-нибудь маленькое блюдце или чашку? Мне нужно линзы снять на ночь.

– Цветные?

– Да, а что?

– Ничего. Я просто никак не мог понять, как у блондина могут быть чёрные глаза.

– Я крашенный. Натуральный цвет волос у меня русский. А глаза зелёные.

Кивнув, Блейд сказал:

– Я сейчас докурю и принесу тебе что-нибудь подходящее.

– Хорошо, – слегка улыбнулся Бони и вновь покачнулся, схватился за стену. – Я буду в ванной.

Блейд кивнул и отвернулся, сосредотачиваясь на сигарете, Бони ушёл. Не докурив совсем немного, Блейд встал и, надев трусы, неспешно и тихо направился в ванную комнату, что располагалась рядом со спальней, приоткрыл незапертую дверь. Проведя взглядом по спине и ногам Бони, который плескался в раковине, забрызгивая пол и стены, разводя лужи, Блейд прошёл в комнату и остановился в паре шагов от парнишки.

Взгляд Блейда упал на раковину, в которой была заткнута пробка и которая была уже практически полна воды. Беззвучно усмехнувшись, Блейд сделал последнюю затяжку, точным щелчком пальцев отправил окурок в унитаз и подошёл к Бони, останавливаясь у него за спиной.

– Ты принёс блюдце? – спросил парнишка, не открывая глаз и продолжая плескаться в лицо прохладной водой.

– Да, – соврал Блейд. В его тоне сквозило что-то ледяное, жуткое, но Бони не услышал этого.

Бони хотел разогнуться и взглянуть в зеркало, но Блейд не позволил ему этого, кладя руку за загривок, массируя его. Парнишка расплылся в улыбке, наслаждаясь приятными, расслабляющими прикосновениями.

– Ты очень хороший, – прошептал Бони, едва не урча от удовольствия, как котёнок.

– Да, – непонятным тоном ответил Блейд, – мне об этом многие говорили...

Бони открыл рот, чтобы ещё что-то сказать, но не успел этого сделать, потому что Блейд резко и сильно надавил на его затылок, погружая лицом в воду и удерживая так, лишая возможности сделать вдох, топя.

Улыбка сменилась на лице парнишки удивлением, затем испугом и гримасой ужаса. Он мычал, кричал в воду, запуская на её поверхность сотни пузырьков столь нужного сейчас кислорода, хватался руками за края раковины и за руки Блейда, пытался разогнуться и снова начать дышать. Дышать...

Блейд с безучастным выражением лица держал Бони до тех пор, пока дефицит кислорода и количество попавшей в лёгкие воды не сделали своё дело, пока он не затих. Его руки безвольно обвисли плетями, а ноги подогнулись, если бы не сильные руки Блейда, которые держали его, он бы рухнул мешком на холодный кафельный пол.

Подождав ещё три минуты, Блейд аккуратно уложил парня на пол, провёл по его шее пальцами и надавил на сонную артерию, проверяя пульс. Пульса не было. Дело было сделано.

– Не зря ты упоминал о котятках сегодня, Бонифаций, – прошептал Блейд, опуская веки парня, закрывая его широко распахнутые, застывшие в ужасе глаза. – Их же тоже топят...

Вздыхнув, Блейд встал и, отряхнув от воды руки, пошёл в подсобную комнату за отбеливателем. Нужно было отмыть тело парнишки от своих следов и прикосновений. Надев перчатки, парень тщательно, педантично протёр каждый сантиметр его кожи, после чего уложил тело в ванную и, мгновенно забыв о нём, подошёл к зеркалу. Упёршись руками в края раковины, блондин всматривался в своё отражение, придирчиво цепляясь взглядом за вновь отросшую щетину и чуть красноватые из-за плохого сна, алкоголя и дыма, что раздражал нежную слизистую, глаза.

«Нужно нормально выспаться, – подумал Блейд и выдернул из раковины пробку. Вода стремительно начала исчезать в сливе. – Надеюсь, ещё не слишком поздно...».

Спустив воду в унитазе, смыв окурков, блондин выключил свет и покинул ванную комнату. Вернувшись в спальню, Блейд сел на кровать, складывая ноги по-турецки, и закурил. Смотря куда-то перед собой, блондин сделал три затяжки, а затем, взглянул на часы. Стрелки указывали на начало пятого. Шансы выспаться были невелики, но попробовать стоило.

Стянув с кровати перепачканную спермой простынь, Блейд отнёс её в ванную и сунул в стиральную машинку. Постирает уже завтра, завтра же и избавится от тела Бони. А сейчас нужно позвонить Майклу, сказать, что вернётся послезавтра утром, и лечь спать.

Так Блейд и решил поступить, беря новую сигарету, закуривая и набирая номер младшего брата.

Блейд проснулся около двух часов дня. Парень не мог вспомнить, когда он в последний раз спал так долго. Но сегодня он мог себе это позволить, в конце концов, единственное дело, которое у него было запланировано на этот день, требовало наступления ночи.

Вздыхнув, блондин, чуть прикрыл глаза, досыпая те остатки крепкого, но не слишком здорового сна, что ещё блуждали в теле. Взглянув на тумбочку, парень взял мобильный телефон, снял блокировку и посмотрел на экран. Ни одного пропущенного звонка не было, что радовало, потому что сегодня Блейд спал настолько крепко, что мог пропустить звонок брата. Но Майкл не звонил. Впрочем, он не звонил ему никогда, принимая, как данность, что старший брат иногда вот так исчезает, не говоря – куда отправляется, а называя лишь приблизительную дату и время возвращения.

Бросив телефон обратно на тумбочку, Блейд встал, потянулся. Почему-то, после сна у него всегда ныли мышцы, это не очень приятное состояние его настигало вне зависимости от того, на какой кровати спал парень: мягкой или твёрдой, идеально-качественной или...

Нахмурившись, Блейд не закончил свои размышления, потому что «или» в его жизни не случилось и лет с восемнадцати, когда у него появились деньги, парень спал исключительно на качественных перинах. А до этого, когда на его счёте не было приличной суммы, он тоже не мог сказать, что бедствовал. Да, его семья имела средний достаток, но этого хватало, чтобы он и Майкл не испытывали нужды в чём-либо. Потом, конечно, стало сложнее...

Блондин мотнул головой и нахмурился, отгоняя прочь мысли о прошлом, запрещая себе об этом думать. Взяв с тумбочки бокал с бренди, он сделал глоток, но, подумав, что не стоит начинать свой день со спиртного, почти сразу вернул его на место.

Сходив вниз, на кухню, Блейд выпил воды, пытаясь утолить жажду, которая мучила его со вчерашнего вечера. Сухость во рту немного ослабла, но не исчезла полностью. Увы, но, каким бы не был хорошим и дорогим алкоголь, но наутро от него бывает одинаково плохо. Потому Блейд радовался тому факту, что, в отличие от многих, он не мучился утренней головной болью после ночных возлияний. Голова у парня болела независимо от этого: тупо, ноюще, гудяще и почти всегда.

Утерев тыльной стороной ладони губы, блондин поставил стакан на тумбочку и, включив кофеварку, стал ждать, когда желанная порция бодрящего напитка будет готова. Находясь в некоем несильном трансе, парень не заметил, как пролетело время, и аппарат пропищал, извещая его о том, что совсем скоро он сможет насладиться вкусом крепкого кофе.

Наполнив до верха кружку, Блейд поставил её на стол и подошёл к холодильнику, открыл его. Отчего-то, именно сегодня ему хотелось выпить кофе с молоком, но надеяться на то, что в холодильнике окажется молоко, особо не приходилось. А даже, если бы оно там и было, оно бы уже давно скисло, потому что в последний раз блондин посещал свой «рабочий» дом около трёх недель тому назад, может быть, даже раньше.

Молока в холодильнике не оказалось. В нём, вообще, был довольно скудный набор продуктов, который не давал простора для фантазии и не оставлял шансов на вкусный завтрак. На полках стоял пакет сока, буханка белого хлеба, которая лежала очень близко к холодильным элементам и потому промёрзла, лоток с пятью яйцами, упаковка масла,

банка вишневого варенья и...

Не поняв сразу, чем является последний продукт, стоящий в его холодильнике, Блейд взял железную банку и повернул её, читая этикетку. Продукт оказался говядиной в собственном соку.

«Отлично», – с иронией подумал парень, возвращая банку в холодильник и закрывая дверцу.

Наклонившись, он открыл морозильник и стал изучать его содержимое, надеясь найти что-то, что было свежим и съедобным. В морозильной камере была говяжья вырезка, замороженная овощная смесь и пицца в упаковке, которая из-за налёта инея выглядела не слишком аппетитно. Но выбор был невелик и потому Блейд, освободив пиццу от коробки, отправил её в духовой шкаф, не читая инструкцию и выставив произвольную температуру и время приготовления.

Помня, что духовка сама выключится после того, как истечёт заданное время, парень спокойно забыл про неё и пошёл на второй этаж. Времени до ночи было полно, но и дел немало: постирать одежду, постирать постельное бельё, привести себя в порядок...

Пройдясь по спальне, блондин собрал разбросанные вещи своего ночного гостя и направился с ними в ванную комнату. Освободив от простыни стиральную машинку, он положил в неё одежду, после чего отправил туда же и вещи, в которых Бони пришёл к нему. Нехорошо как-то, если парня найдут не в той одежде, в которой он уходил, если, конечно, найдут вообще. А, раз так, то одежду стоило постирать, чтобы исключить возможность разоблачения по таким незначительным на первый взгляд мелочам, как волос или частицы кожи.

Закрыв дверцу стиральной машинки, Блейд включил её и несколько минут смотрел за тем, как наполняется водой барабан, как он начинает вращаться, стирая из истории память о нём и об его участии в судьбе этого парнишки.

Убедившись, что техника работает, как надо, блондин встал, бросил взгляд на тело, лежащее в ванне. Труп уже был очень бледен, губы посинели, но выглядел он ещё вполне пристойно и не заставлял чувствовать Блейда себя неудобно из-за соседства с мёртвым телом. Впрочем, парню было плевать – то, что лежало в его ванной, было всего лишь куском мяса, в котором некогда билось сердце, а теперь медленно разворачивались процессы разложения и самоуничтожения.

Безразлично посмотрев на тело Бони какое-то время, Блейд спокойно отвернулся и, выключив свет, покинул ванную комнату, забирая с собой простынь и вновь отправляясь на первый этаж, чтобы положить вещь во вторую стиральную машинку, которая находилась на кухне. Разделавшись с грязным постельным бельём, блондин бросил взгляд на циферблат на духовом шкафу, который гласил, что до готовности блюда осталось девять минут.

«Как раз успею покурить», – подумал Блейд.

Сбегав в спальню за сигаретами, он сел за стол и, взяв пепельницу, щёлкнул зажигалкой, затягиваясь первой за долгие часы порцией дыма. Тело мгновенно окутало приятное ощущение расслабления, лёгкого головокружения.

«И почему врачи говорят, что курить натошак вредно? – подумал блондин, смотря на дымящую в его пальцах сигарету. Он усмехнулся и затянулся дымом. – Жить, вообще, вредно, потому что ещё не было такой жизни, которая бы не привела к смерти...».

Не докурив две затяжки, Блейд встал и, взяв из холодильника пакет сока, наполнил стакан. Выпив половину, он вновь вернулся за стол и снова закурил, за спиной пропищал

духовой шкаф, извещая о том, что через три минуты блюдо будет готово.

Когда время истекло, парень переложил дышащую жаром пиццу на тарелку и, взяв столовые приборы, приступил к трапезе. Несмотря на то, что упаковка выглядела несколько убого, сама пицца оказалась вполне сносной, даже очень вкусной.

В комнате стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным звоном вилки и ножа об тарелку. Блейд даже не взглянул на вмонтированный в стену телевизор, не подумал о том, чтобы включить его, осведомиться о новостях или посмотреть какой-нибудь музыкальный клип, развеять тягучую тишину и одиночество, которые витали в воздухе и оседали на всех кухонных поверхностях невидимой тяжёлой пылью из свинца и ртути.

В скором времени с завтраком было покончено, не видя смысла включать посудомоечную машину ради одной тарелки, блондин вручную вымыл её и, налив себе ещё сока и забрав сигареты и пепельницу, пошёл на второй этаж. Закурив по дороге, он медленно затягивался крепким дымом и ещё более медленно выдыхал его, отпуская в вольный полёт, думая о чём-то своём и, одновременно, не думая ни о чём.

Задержавшись на верхних ступенях лестницы, парень нахмурился и обернулся, смотря на такую голую стену, на которой не хватало жизни, картин, фотографий... Это было бичом всего интерьера этого шикарного дома – бездушность, бездыханность, ледяное оцепенение, которое сквозило в каждой его дорожке, но такой холодной детали. Белые пустые тона, избыток металлических элементов и цветов – всё это делало интерьер дома стильным, прекрасным, как межзвёздный корабль из книг великих фантастов, но таким же пустым и ледяным, гнетуще молчаливым, как космос, в котором этому кораблю суждено навеки затеряться.

Основной дом, в котором жили Блейд и Майкл, напротив, был живым, пропитанным дыханием чего-то подлинного, настоящего и тёплого. Тот дом, в котором жили братья, Блейд купил с уже готовым интерьером, который остался в нём от прежних владельцев, в котором ощущалось дыхание жизни и сквозили светлые улыбки. Братья почти ничего не изменили в нём, только от фотографий в красивых рамках Блейд избавился – большинство из них прежние хозяева забрали с собой, как память, те же, которые они оставили, блондин просто выбросил. Ему было неприятно смотреть на счастливые лица этой полной, большой семьи, что раньше жила в этом доме, ходила по его комнатам и лестнице, смеялась и плакала в нём... У Блейда ничего этого не было, и он был не намерен становиться свидетелем чужих моментов счастья, которые у него жестоко отняли вместе с детством.

Завалившись на кровать, Блейд включил ноутбук и сразу же открыл почту, найдя там письмо с предложением выкупить пакет акций, которым парень владел. Взглянув на сумму, которую ему предлагал потенциальный покупатель, блондин заинтересовано изогнул бровь, затем, открыл сайт со статистикой акций и начал её изучать.

Примерно через час такого пристального изучения и составления перспектив, Блейд пришёл к выводу о том, что эти акции являются неустойчивыми и в скором времени обвалятся.

Хмыкнув, он ответил покупателю, написав, что готов пойти на эту сделку, только сумму запросил большую, нежели та, которую предлагал неизвестный мужчина. Раз он так желает стать обладателем данного пакета, не изучив предварительно перспективы и риски, значит, он заплатит больше. И, пусть Блейд давно не нуждался в деньгах, но вот так разводить несведущих и наивных обывателей иногда было приятно, это заставляло улыбнуться и лишней раз почувствовать своё превосходство над средним человеком.

Отправив ответное письмо, блондин прикрыл крышку ноутбука и отложил его на тумбочку, заложил руки под голову и прикрыл глаза. Думать было не о чем и, одновременно, тем для размышлений было столь много, что впору было ложиться в психушку под капельницу с транквилизаторами, которые обеспечат хотя бы временный покой и оупление, избавят от необходимости всё время думать, всё время всё контролировать, всё время...

– Что-то ты поплыл, Блейд, – прошептал блондин, приглаживая пряди чёлки и вновь взъерошивая их, убирая со лба. – Какая тебе психушка? – он усмехнулся и прикрыл глаза, покачал головой, едва слышно добавляя: – Там слишком многого нельзя делать...

Закончив этот недолгий диалог с самим собой, парень сел и обернулся на дверь, думая над тем, что ему стоит сделать в первую очередь?

«Наверное, принять душ, – подумал блондин. Он встал и подобрал свои джинсы и футболку, которые валялись на полу. – Принять душ, побриться, высушить вещи этого парня... А там уже и ночь наступит и можно будет возвращаться домой».

Приведя себя в порядок, но, всё-таки, отложив бритью до завтра, Блейд обернул полотенце вокруг бёдер и вышел из ванной комнаты, после чего вновь пришёл в спальню, открыл ноутбук, проверяя – ответил ли ему потенциальный покупатель? Пока что ответного письма не было, но это не слишком огорчало или волновало. Даже, если этот мужчина откажется от своего же предложения, Блейд с лёгкостью найдёт того, кому продать акции. А в том, что от них следует избавиться, парень теперь был уверен – спасибо тому мужчине, без него бы Блейд не полез проверять статистику и вполне мог бы опоздать и потерять кругленькую сумму.

Так, коротая время за разносортными занятиями, Блейд промаялся до пяти часов вечера. Время тянулось слишком мучительно медленно, и потому парень решил развеяться и съездить в Потсдам, до которого от его дома оставалось всего двадцать-двадцать пять километров.

Выключив во всём доме свет и закрыв дверь в ванную, блондин быстро оделся и, взяв ключи и деньги, покинул дом.

«Помнится мне, – думал Блейд, выезжая на проезжую часть и неспешно прибавляя скорость, – что в Потсдаме можно было неплохо провести время. Надеюсь, с момента моего последнего посещения этого города ничего не изменилось...».

На дорогу у парня ушло всего сорок минут, и уже совсем скоро он притормозил у места, которое он любил посещать, бывая в этом городе – бара под названием: «Последний приют». Несмотря на странное название и его трагизм, уныние, это заведение очень любила разносортная публика, начиная от подростков, которым здесь наливали алкоголь, и, заканчивая бизнесменами, которые хотели выпить в тишине, сбежать от груза проблем, а потом завершить вечер в объятиях обаятельной дамы без лишних моральных принципов.

Оставив автомобиль на парковке, Блейд открыл двери бара, услышав приветственный звон колокольчика, и направился к барной стойке, за которой стоял хозяин заведения, который иногда, по непонятным никому причинам, выступал в роли бармена.

Сев за барную стойку, Блейд достал деньги и положил перед собой, выжидающе смотря на мужчину, который увлечённо протирает бокал для пива. Почувствовав взгляд, хозяин «Последнего приюта» взглянул на блондина и, поняв, кто перед ним, расплылся в улыбке.

– Здравствуй, Эрик, – поздоровался Блейд, чуть ухмыляясь уголками губ.

– Доброго дня, – кивнул Эрик. Он отставил бокал. – Давно тебя не было видно. Когда ты

в последний раз был у меня?

– Года пол назад...

– Я уже думал, что ты не вернёшься, – вздохнул мужчина и развёл руками, убрал с плеча полотенце, которым протирал бокал.

– Если ты ещё не успел понять – я всегда возвращаюсь, – ухмыльнулся Блейд и откинулся на мелкую спинку стула.

– Это радует, – подмигнул Эрик, на мгновение теряя зрение.

Он носил чёрную повязку, закрывающую левый глаз. Многие считали её, как он сам это позиционировал, элементом стиля, но Блейд знал, что Эрик просто прятал под нею пустую глазницу. Со своим левым глазом мужчина распрощался ещё в детстве во время неудачной игры с братом.

– Приятно знать, что хоть что-то в этом мире постоянно, – добавил Эрик.

Блейд усмехнулся, разглядывая своего знакомого-товарища, который практически не изменился с тех пор, когда блондин увидел его впервые, а знакомство их состоялось семь лет назад. Только волосы у Эрика стали длиннее – раньше они достигали челюсти, а сейчас – лопаток, и мужчина перестал носить их распущенными, а начал собирать в низкий хвост.

– Блейд?

Высокий женский голос заставил блондина повернуться в сторону источника звука. К нему подошла девушка и обняла, многообещающе глядя ладонью по груди, улыбаясь. Этой девушкой была местная проститутка по прозвищу – «Эсмеральда». Молоденькая девушка с красивой фигуркой и отсутствием того чутья, которое помогает женщинам выбирать правильных мужчин. Когда-то она связалась со своим «Квазимодо» и он привёл её в этот бизнес. Мужчины того уже давно не было, а девушка продолжала торговать собой. Как видно, ей это просто нравилось – деньги нормальные, хозяин заведения бесплатно наливает выпивку, а ещё не нужно ломать голову над тем, как найти партнёра и удовлетворить свои потребности. Лично Блейд подозревал у неё нимфоманию, до того она была счастливой в своей не слишком радужной профессии.

– Здравствуй, Эсмеральда, – ответил парень, бросая на девушку беглый взгляд.

– Тебе налить? – спросил Эрик, заметив деньги, что лежали на барной стойке.

– Нет, я на машине. Думаю, не стоит напиваться.

– Может быть, пива? – предложил мужчина, внимательно смотря на парня единственным кристалльно-голубым глазом.

– Нет, – покачал головой Блейд.

Вновь проведя ладонью по груди блондина, Эсмеральда расплылась в улыбке и села к нему на колени, поцеловала в щёку совсем рядом с ухом, задерживая свои губы настолько, чтобы этот невинный жест перестал быть таковым и обрёл второй смысл.

– Не сейчас, – нахмурился Блейд, уворачиваясь от девушки.

– Ты не в настроении? – расстроено спросила девушка, хлопая искусственными ресницами.

Она вновь припала к парню, прижимаясь к нему упругой грудью. Посидев какое-то время, подумав, Блейд встал, едва не скидывая Эсмеральду на пол, и протянул ей руку, говоря:

– Пошли.

Девушка широко улыбнулась и поспешила пойти следом за парнем, который, не дожидаясь её, направился к комнате для гостей, которые желали уединиться

и расслабиться. Когда Эсмеральда проскользнула в не очень большое помещение, Блейд закрыл за ними дверь, не запирая её на ключ, и шагнул к девушке, беря её за хрупкие плечи. Проведя ладонями по её загорелой коже, оголенной цветастой тёмной блузкой с открытыми плечами, блондин сказал:

– А тебе всё ещё неймётся...

– Просто, я очень люблю, когда ты бываешь у нас, – жеманно ответила проститутка, потираясь щекой о ладонь парня.

Подняв взгляд, девушка слегка улыбнулась, растягивая в улыбке пухлые, влажно блестящие от блеска губы, и шагнула ближе к Блейду, кладя одну ладонь ему на плечо и тянясь за поцелуем. Блондин увернулся и поморщился, давая понять, что не настроен на ласку.

– Кажется, я знаю, что тебе нужно... – прошептала Эсмеральда, продолжая улыбаться. В её глазах зажёгся дьявольский огонёк.

– Я тоже, – спокойно ответил Блейд.

Он отошёл к дивану и сел, откидываясь на его спинку и широко разводя ноги. Девушке не пришлось повторять дважды. Медленно подойдя к парню, дразня, она опустилась на колени, не разрывая зрительного контакта с ним. Из-за позы её и без того слишком короткая чёрная мини-юбка задралась ещё больше, обнажая часть ягодич. Если бы в этой комнате был ещё кто-то, ему представилась бы поистине порнографическая картина.

Да, Эсмеральда была хороша собой, и этого было у неё не отнять. Стройная, подтянутая, с натуральной упругой грудью третьего размера, длинными ногами и аппетитной попкой, за которую так и хотелось ухватиться, сжать до синяков. У неё была от природы загорела кожа, почти чёрные густые волосы и тёмные ореховые глаза, что делало её похожей на цыганку. Верно, именно поэтому её так и прозвали. Вот только цыган мало кто любит, а эту девушку обожали многие...

Потянувшись вверх, девушка медленно поцеловала Блейда под самым ухом, неторопливо спускаясь вниз, оставляя на его коже влажную дорожку от своих губы и языка. Дойдя до ворота его футболки, девушка оттянула его и, оставив приятный засос на впадинке между ключиц парня, отстранилась. Ведя ладонями вверх, Эсмеральда задрала майку блондина, оголяя его торс с крепким рельефом мышц, чувствуя, как затрепетало у неё внутри всё от вида его обнажённого тела.

Прикоснувшись губами к животу парня, девушка разомкнула их и стала выводить языком незатейливые горячие узоры на его коже, то поднимаясь на грудь, то опускаясь вниз, к нижним кубикам пресса и резинке боксеров, которая виднелась из-под низко сидящих на бёдрах джинсов.

Отодвинувшись, улыбаясь, девушка медленно спустила со своих плеч блузку, обнажая непокрытую бюстгалтером грудь с тёмными напряжёнными сосками. Взяв ладони Блейда, Эсмеральда положила их себе на грудь, сжала, приглашая его насладиться её формами. О, да, у неё была божественная грудь, но, отчего-то, она совершенно не интересовала парня, не будоражила.

Сжав мягкие упругие округлости в ладонях, заставив девушку томно вздохнуть и прикрыть глаза, Блейд убрал руки и снова откинулся на спинку дивана, смотря на проститутку из-под полуопущенных ресниц.

Скользнув ловкими пальцами одной руки по своему животу, переходя на грудь и сжимая её, второй ладонью Эсмеральда накрыла ширинку Блейда, чуть сжимая, массируя. Его орган

был уже заметно напрягшимся и отзывчиво реагировал на прикосновения, в то время как его обладатель был холоден.

Облизав пухлые напомаженные телесным блеском губы, девушка расстегнула пояс на штанах парня, потянула собачку молнии вниз, освобождая его член от плена штанов. Рельеф крупного органа угадывался через ткань тёмно-серых боксеров, подстёгивая воображение и желание.

Поддев пальчиком резинку трусов парня, Эсмеральда обнажила его член. Взяв горячий орган в руку, девушка провела несколько раз ладонью по всей длине, а затем, вновь облизнувшись, медленно погрузила его в рот.

Ощущение горячей влаги было очень приятным, Блейд прикрыл глаза и откинул голову на спинку дивана, из-под опущенных ресниц наблюдая за умелыми действиями Эсмеральды. По всему было видно, что для неё это не просто работа, что она наслаждается процессом и сама получает от него удовольствие.

Она скользила по толстому стволу вверх и вниз, то практически выпускала его изо рта, оставляя в тепле лишь головку, то погружала полностью в глотку, отчего мышцы горла тесно и невероятно приятно сжимали горячую плоть. Играя, услаждая, она вылизывала член Блейда, причмокивая при этом, дула на разгоряченную кожу, рождая на спине парня мурашки, заставляя его непроизвольно подаваться бёдрами вверх, желая овладеть ею полностью.

– Ты как обычно хороша, – прошептал Блейд, кладя ладонь девушке на голову, глядя по волосам, а, затем, сжимая их у корней, начиная давить сильнее, призывая девушку брать его член глубже в рот, стараться ещё сильнее.

Пошло застонав и причмокнув, Эсмеральда отстранилась, взглянула на Блейда горящим лихорадочным взглядом, находя в глазах парня лишь холод, почти скуку. Желая доставить ему максимальное удовольствие, заставить стонать и кричать от восторга, девушка взяла член парня у основания в ладонь и вновь погрузила в рот, начиная ритмично насаживаться на него, помогая себе рукой.

Второй рукой она гладила себя, добавляя большего разврата и эротизма ситуации, а, затем, положила ладонь на яички парня, начала мягко перекатывать их в руках, удваивая и без того сильное наслаждение, которое дарил её влажный горячий рот.

Прикусив губу, Блейд закрыл глаза и запрокинул голову, подаваясь бёдрами навстречу девушке. Она инстинктивно пыталась отодвигаться, чтобы не задохнуться его крупным членом и Блейд, пресекая эти её попытки к бегству, вновь положил ладонь ей на затылок, давя, задавая приятные ему ритм и глубину.

Комнату заполнили пошлые причмокивания, приглушённые стоны Эсмеральды и шумное дыхание Блейда, который привычно сжимал зубы, чтобы не застонать. Движения девушки становились всё быстрее и быстрее, она всё теснее обхватывала член парня губами, образуя на его органе тугий коридор, влажно скользя по нему, очерчивая проворным языком с серёжкой набухшие горячей кровью вены.

Член Блейда всё больше напрягался во рту Эсмеральды, начинал пульсировать, что означало, что парень близок к финалу. Выпустив основание его органа из ладони, девушка начала невозможно глубоко насаживаться на него ртом, брать в глотку, ритмично качая головой, отчего её смольные густые волосы метались по спине и плечам, как грива породистой элитной лошади.

Прикусив почти до крови губу, Блейд сжал волосы Эсмеральды и с силой натянул её рот

на свой орган, двигаясь ей навстречу, вколачивая член в её горло. Такая умопомрачительно-глубокая стимуляция не могла пройти бесследно, не могла не принести свои плоды.

Шумно вдохнув и задержав дыхание, Блейд кончил, заполняя спермой рот Эсмеральды, продолжая двигаться, продлевая своё удовольствие, пока последние его крупницы не стихли микро-разрядами электричества в его теле.

Ещё несколько раз насадившись на член парня, делая это с каждым разом всё менее глубоко, Эсмеральда выпустила его изо рта и, лизнув головку, отстранилась. Её грудь часто и высоко вздымалась, глаза и губы влажно блестели, а на загорелых щеках дрожал возбуждённый румянец.

Медленно поднеся руку к лицу, девушка сунула в рот палец, увлажняя его слюной и спермой Блейда, которую она до сих пор держала во рту, словно наслаждаясь солоно-мускусным вкусом. Она провела влажным пальцем по губам, намерено делая это неосторожно, оставляя мокрый след на щеках и подбородке, неотрывно смотря при этом на блондина.

В ответ Блейд лишь усмехнулся и достал бумажник и сигареты. Бросив на диван двести евро, парень закурил и откинулся на спинку дивана, закрывая глаза, наслаждаясь послеоргазменным расслаблением.

– У меня не будет сдачи, – сказала Эсмеральда, беря в руки купюры.

По поведению Блейда она поняла, что продолжения не последует. Настаивать было бы глупо, она слишком хорошо знала этого парня, да и вышвырнуть с работы могли за домогательства к клиенту. Как это смешно звучит для проститутки...

– Это тебе на травку, – не взглянув на девушку, ответил блондин.

Он крепко затянулся и, медленно выдыхая дым, смотря на пылающий уголёк сигареты, добавил:

– И мне тоже возьми косячок.

– Ты же за рулём? – удивилась Эсмеральда, заправляя грудь в блузку и поправляя её.

– Да, – кивнул Блейд. – Потому я не стал пить. Но действие травки длится максимум три часа, это время я побуду здесь, а потом поеду домой.

– А, если остановит полиция?

Блейд усмехнулся и покачал головой. Взглянув на Эсмеральду, он ответил:

– Я знаю, как надо себя вести на дороге, чтобы ко мне не пристали служители закона.

– Ты, вообще, много всего умеешь, – промурлыкала девушка, склоняясь к парню, соблазнительно изгибаясь.

– Может быть, я заеду к тебе завтра, – ответил блондин. – А сейчас иди и принеси мне то, что я просил.

Он сделал последнюю затяжку и огляделся в поисках пепельницы, после чего добавил, вручая Эсмеральде окурочек:

– И выбрось это.

Вздыхнув, девушка покинула комнату, отправляясь за двумя дозами марихуаны, которую было так же просто купить у Эрика, как бутылку пива.

Пробыв в баре ещё четыре часа, Блейд попрощался с Эриком и покинул заведение, садясь в машину и трогаясь в обратный путь. Стрелки часов показывали начало двенадцатого, что было как раз на руку парню – примерно полчаса он потратит на путь до дома, заберёт тело Бони и будет в городе как раз к двум часа ночи, когда на улицах нет ни единой живой души и когда он сможет спокойно избавиться от трупа.

Приехав домой, Блейд надел перчатки и аккуратно одел парня в его одежду, забрал часы, которые тот снял перед душем. Бросив взгляд на гравировку, блондин прочитал:

– Бонифацию фон Фюрстенбергу от любящего отца.

Хмыкнув, Блейд надел аксессуар на тонкое запястье Бони и потащил его к машине. Загрузив тело в багажник, убедившись, что свет в доме не горит, а двери закрыты, блондин выкурил одну сигарету и сел в автомобиль, покидая своё «рабочее» жилище.

Сбавив скорость перед чертой города, дабы не привлекать к себе внимание уставших служителей порядка на дорогах, Блейд спокойно и не спеша проехал по городу, прибыв на место своего назначения – тот самый парк, в котором недавно они гуляли с Майклом. Заехав на его территорию и углубившись в самую его далёкую часть, где протекала река, парень въехал на мост и покинул машину. Взглянув вниз, где билась о стены тёмная вода, блондин вздохнул и подошёл к багажнику, открыл его, осторожно извлекая холодное бездыханное тело из его плена.

Легко подтащив тело Бони к перилам, Блейд перекинул его через них и отпустил. Отдаленный плеск воды известил о том, что его «шалость» надёжно укрыла, приняла в свои объятия могучая река.

«Поссорился с любимым, напился и прыгнул с моста, – подумал Блейд, смотря вниз, на чёрную махину воды. – Так часто бывает. Какая жалость, что на свете есть ещё те, кто оказывается настолько слаб, что добровольно обрывает свою жизнь...».

Потерев подбородок, блондин сунул руки в карманы и вернулся в автомобиль, трогаясь с места и отправляясь домой. Вернувшись домой и, загнав машину в гараж, парень вновь открыл багажник, придирчиво осматривая его. Он уже взял бутылку с моющим средством и тряпку, намереваясь отмыть багажник от следов, которые могло оставить мёртвое тело, но внимание его привлёк слабый блеск металла.

Нахмурившись, Блейд взял в руку сверкающий предмет, которым оказались часы Бони. Наверное, он непрочто застегнул их, и они упали с запястья парня, когда блондин вытаскивал его из багажника.

«Потом выброшу», – подумал парень, сжимая в ладони аксессуар и открывая дверцу машины.

Бросив часы в бардачок, он вернулся к отмыванию багажника и, скоро закончив с этим, поставил машину на сигнализацию и покинул гараж. Наконец-то переступив порог дома, первым делом Блейд бросил взгляд на часы, которые показывали два пятнадцать.

«Интересно, я когда-нибудь лягу спать не на рассвете?», – подумал парень и в следующую секунду зацепился взглядом за макушку севшего на диване Майкла. Как видно, брат вновь ждал его возвращения и задремал.

– Блейд? – сонным голосом спросил Майкл и потёр кулаком глаз.

– Да, Блейд, – кивнул блондин.

– А где ты был? – брюнет развернулся на диване и встал на него коленями, чтобы видеть брата.

– Дела возникли, – пожал плечами Блейд, снимая пиджак.

– Но ты же ничего не планировал вчера? – удивился Майкл. – Ты же поехал за сигаретами?

– Поехал за сигаретами, а возникли дела. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я отчитывался тебе о том, что делал по часам?

– Я бы не отказался, – добродушно ответил брюнет, пожимая плечами.

– Извини, Майкл, но я не стану этого делать, – ответил блондин, бросая беглый взгляд на брата.

Майкл вновь открыл рот, желая что-то сказать, спросить, но Блейд не дал ему этого сделать, говоря:

– Мекки, давай поговорим завтра, а сейчас ляжем спать?

Он подошёл к брату и обнял, после чего поцеловал в лоб, добавляя:

– Я устал. А завтра будет новый день, в который я никуда не уйду.

– Обещаешь? – так по-детски спросил Майкл, смотря на брата.

Блейд вздохнул и покачал головой, вновь поцеловал брата в лоб, говоря:

– Иди спать, Мекки. И я тоже пойду.

Он отпустил брата и отошёл, добавляя:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи...

Обернувшись около лестницы, Блейд вопросительно взглянул на брата, который продолжал сидеть на диване. Поняв всё по взгляду, Майкл встал и подошёл к Блейду, они вместе поднялись на второй этаж, расставаясь около ванной, за дверьми которой скрылся младший.

Посмотрев какое-то время на закрытую дверь, за которой шумела вода, Блейд вздохнул, взъерошил волосы и пошёл в свою спальню. Сев на кровать, он стал ждать, когда брат домоется и пойдёт спать. Когда это случилось, и хлопнула дверь его спальни, Блейд достал из кармана купленный в «Последнем приюте» косяк и подкурил, глубоко затягиваясь сладковатым пьянящим дымом, который был слишком слаб, чтобы развеять тяжкие мысли, но в самый раз годился для того, чтобы немного расслабиться перед сном.

Сделав ещё две затяжки, парень открыл окно, после чего вернулся на кровать, упал на неё спиной, вновь затягиваясь сладкой отравой, прикрывая глаза, растворяясь в этом мгновении гнетущей тишины, что преследовала его уже многие годы.

Глава 10

*Ещё одна голова поникла —
Ребёнка медленно уносят.
Вслед за жестокостью приходит мёртвая тишина.
Кто мы? Мы ошиблись.*

*Ты же видишь: это не я,
И не моя семья.
У тебя в голове, у тебя в голове они воют...
Cranberries, Zombie©*

– Майкл, можно войти? – постучавшись в дверь в спальню брата, спросил Блейд.

Ответа не последовало. Подождав примерно минуту, блондин мягко повернул ручку и открыл дверь.

– Мекки, ты здесь? – спросил парень, делая шаг на территорию комнаты и оглядываясь.

Спальня брата встретила его тишиной и пустотой, запахом пыли и некоторой затхлости. Здесь давно следовало проветрить, и никому было неизвестно, почему Майкл не сделал этого, а продолжал задыхаться спёртым воздухом, в котором осталось критически мало кислорода.

Вновь обведя взглядом пространство комнаты, Блейд прикрыл за собой дверь и подошёл к небольшой, аккуратно заправленной кровати. Почему-то, младший захотел спать именно на постели, предназначенной для одного, хотя Блейд и предлагал избавиться от этой «детской кроватки» и купить нормальную, большую. Что ж, верно, Майклу можно было простить эту небольшую очередную причуду и даже найти ей логическое объяснение – когда на кровати нет места никому, кроме тебя самого, то не возникает болезненного желания заполнить чем-то или кем-то свободное пространство, эту пустоту. Но вряд ли младший Билоу руководствовался подобными мыслями, отстаивая своё право спать на узкой кровати. Впрочем, Блейд не мог знать об этом точно, потому что не стал дотошно расспрашивать брата о причинах его решения, а просто позволил ему сделать так, как он желал.

В этом ключе удивляло то, что Блейд, напротив, обожал огромные королевские кровати, на которых с лёгкостью могли разместиться четыре человека – разместиться и неплохо провести время. Он не любил раскидывать руки или ноги во сне, что могло бы требовать простора, но ему всегда остро хотелось понимать, знать, что это просторное «королевство» принадлежит лишь ему – ледяному королю этого оцепеневшего царства.

Пробежавшись взглядом по покрывалу из тонкой шерсти, которое было настолько ровно разложено на кровати, что на нём не было ни единой, даже самой маленькой складки, Блейд вздохнул и обернулся на компьютерный стол, который стоял совсем близко с постелью Майкла. Взяв со стула кофту младшего брата, блондин расправил её и осмотрел, определяя для себя – куда её отправлять: в стирку или в шкаф? Это было своего рода неизменной традицией – Майкл каждый вечер оставлял кофту на стуле, причём, делал он это даже тогда, когда весь день кофты не носил, а потом, утром, Блейд приходил и убирал её в шкаф или в стирку, чтобы следующим утром вновь найти на прежнем месте. Врачи утверждают, что аутисты крайне склонны к стереотипии в своём поведении, верно, именно она и была виной

такой странной привычке Майкла.

Убедившись, что вещь брата не нуждается в стирке, Блейд аккуратно сложил её и положил в шкаф, после чего вновь вернулся к столу, ища взглядом другие вещи, которые лежали не на своих местах. Несмотря на то, что в некоторых вопросах Майкл был щепетильно аккуратен, например, он всегда так заправлял свою кровать, что этой аккуратности могли позавидовать лучшие и самые элитные отели, в иных делах парень был почти неряхой. И было два основных направления, в которых проявлялась неаккуратность, растерянность Майкла: он никогда не убирал вещи со своего стола, оставляя их грудой валяться на нём, а ещё парень не любил расчёсываться, из-за чего почти всегда ходил лохматый и смешной. Не любил или просто забывал – такое с ним тоже часто бывало – Блейд и здесь не уточнял, потому что это было делом его брата, а пытаться перевоспитать его он не собирался. Его можно было лишь принять и иногда очень осторожно пытаться корректировать его поведение.

Проведя взглядом по пыльной столешнице, на которой лежало множество блокнотов, листов бумаги, карандашей, ручек и подобного, Блейд зацепился за край рисунка, который выглядывал из-под чёрного потёртого блокнота. Обычно Майкл сам показывал блондину своё творчество, потому Блейд не думал, что брат может разозлиться, если он взглянет без спроса. Младший очень красиво рисовал, делал это с какой-то особенной душой. А, если там окажется изображено нечто такое, что бы Майкл пожелал скрыть от посторонних глаз, Блейд просто не скажет ему о том, что видел это. Как говорится – не пойман, не вор.

Осторожно сдвинув мешающий блокнот, блондин взял в руки рисунок, на котором чёрными и серыми штрихами карандаша был изображён портрет женщины. Мозгу парня хватило долей секунд, чтобы узнать лицо ненавистной женщины, которая обещала стать ему второй матерью, но на деле стала кошмаром всей его жизни, тем жестоким палачом, который отнял у него семью, дом и счастливое детство, заставив в одну ужасную майскую ночь стать невозможно взрослым.

Этой женщиной была – Фелиция Билоу, вторая жена отца Блейда и Майкла и их мачеха. Прекрасная женщина с лёгким весёлым нравом стала тем лучом света для мистера Билоу, который помог ему вновь поверить в жизнь и счастье после кончины любимой супруги. Они познакомились случайно, в супермаркете, эта женщина покорила Чарли – так звали отца Блейда и Майкла, с первого взгляда, с первой реплики, произнесенной залившимся, словно весенний ручеек, голосом. Как-то незаметно Фелиция вошла в жизнь их семьи и совсем скоро стала её частью – прошло всего девять месяцев с момента смерти матери мальчиков, когда Чарли и Фелиция поженились, и она стала полноправным членом семьи, мачехой братьев, пообещав в своей свадебной клятве любить их отца и их самих до последнего вдоха. Но это было враньём...

И вместе с Фелицией в жизнь Блейда вошёл страх и насилие: эмоциональное, физическое и, что страшнее всего, сексуальное. Эта женщина была настоящим дьяволом во плоти с улыбкой безумного ангела, но лишь один Блейд знал это её истинное лицо, для всех остальных она была практически святой – спасительницей их семьи от тьмы.

Блейд слишком хорошо помнил тот момент, когда Фелиция впервые сделала с ним ту мерзость, которая стала частью его жизни на долгие три года. Ему тогда было всего девять лет. Это был обыкновенный дождливый ноябрьский вечер. Чарли и Майкл были у психолога, которого младший Билоу должен был посещать по предписанию врачей, а дома были только Блейд и она – монстр под слащавой улыбкой.

Блейд и до этого замечал некоторые странности в поведении Фелиции, которые она проявляла по отношению к нему, но до того вечера они носили почти невинный, пусть иногда и пугающий характер. Но в тот осенний вечер всё изменилось, в тот вечер Фелиция впервые пришла в комнату к Блейду, где мальчик спокойно делал уроки, закрыла дверь. Чёрт, этот щелчок замка до сих пор звучал в сознании парня! Она заперла дверь, подошла к мальчику со спины, положила ладони на плечи, начиная слишком по-взрослому гладить его, говоря что-то при этом. Блейд не мог вспомнить её слов, возможно, таких слов и не существовало вовсе ни в одном из языков, об этом он подумал много позже. Но тогда ему было девять, и он даже не мог себе представить, чем обернётся этот внезапный визит его мачехи.

Поварковав что-то, словно прочитав некое сатанинское заклятье, женщина развернула Блейда к себе и, толкнув его на спинку стула, полезла к нему в штаны.

Блейд зажмурился, комкая в руках угол рисунка, чувствуя, как жжёт слезами глаза, а руки невыносимым желанием сжать ладони на горле этой суки. Но такой возможности у него не было и уже никогда не будет...

В тот момент, когда Фелиция проводила слишком отвратительные для ребёнка манипуляции с его гениталиями, Блейд боялся даже пошевелиться. Кажется, он даже не дышал, широко распахнутыми глазами, в которых застыл испуг, смотря на мачеху. Когда же его тело начало реагировать на ужасную ласку, а член мальчика напрягся в ладони женщины, Блейд попытался отстранить её от себя, сказать, что ему неприятны её действия, попытаться вразумить.

Но это не подействовало. Наплетя мальчику бреда про то, что так надо, что от этого будет лучше всем, женщина продолжила свои омерзительные действия. Поняв, что уговорить её, сбежать, едва ли удастся, Блейду ничего не оставалось, кроме как закрыть глаза и безмолвно согласиться стать частью этого извращенного разврата.

«Только не говори папе. Он сам об этом просил. Не нужно допытывать его расспросами».

Эти слова Фелиция сказала Блейду на прощание, довольно улыбаясь и вытирая перепачканные в почти прозрачной сперме ладони салфеткой. Салфетка отправилась в мусорное ведро, а женщина ушла, чтобы вновь прийти, повторить свои действия через день. Это стало отвратительной традицией, которая находила Блейда всякий раз, когда он оставался наедине с мачехой, а, иногда, даже тогда, когда дома был их отец. Эта женщина ничего не боялась, казалось, она просто не понимала всего ужаса собственных действий и тех последствий, которые они могут понести для Блейда и для неё самой.

«Ядерная шизофрения... Социально опасна...».

Блейд вспомнил эти медицинские определения, прочитанные им в случайно обнаруженной, тщательно спрятанной от посторонних глаз больничной справке Фелиции. Тогда, в детстве, эти сложные слова ровным счётом ничего не сказали мальчику и только потом, повзрослев, он понял, что они и были тем самым, что толкало его мачеху на её ужасные поступки. Но от этого он не начинал жалеть её или меньше ненавидеть – болезнь не является оправданием, пусть таких людей и не судят.

Она знала – знала о том, что больна, что может быть опасна. Знала и скрыла этот факт

от мужа и пасынков, чтобы остаться частью семьи, которая помогала ей исполнять свою извращенную миссию.

Так начался кошмар, который стал тайной юного Блейда, навеки становясь тем ужасным и омерзительным, что грязной тенью, пропастью пролегло между ним и сверстниками, друзьями. Но мальчик молчал: молчал тогда, когда Фелиция вовлекала его в развратные действия, молчал, когда она била его, всегда делая это так, чтобы не осталось синяков, а, если и остались, то только в тех местах, которые сокрыты от посторонних глаз. Молчал, когда она говорила ему такие жуткие вещи, от которых всё холодело и волосы вставали дыбом. И всегда, вне зависимости от того, что делала с мальчиком женщина, она продолжала улыбаться. Эта улыбка до сих пор иногда снится ему, после чего парень просыпается в холодном поту и швыряет подушкой в стену, развеивая жуткий фантом памяти, падая лицом в матрас и беззвучно воя от бессилия.

Этот кошмар продолжался три года, постепенно приобретая всё более серьёзные и омерзительные масштабы. Очень скоро, всего через три месяца после того ноябрьского вечера, Фелиции надоели эти «детские игры» и она пошла дальше. Так случился первый оральный секс Блейда, а спустя полгода и полноценный. Ему на тот момент едва исполнилось десять. Это могло бы сделать его невозможно крутым в глазах сверстников, которые ещё только начинали задумываться и мечтать о женщинах, если бы не было столь губительно и отвратительно.

Стимуляции руками. Традиционные половые акты. Минеты... Все эти изыски взрослой половой жизни Блейд познал на себе, не достигнув и младшего подросткового возраста. Со временем Фелиция начала вносить разнообразие в их «встречи за закрытой дверью», заставляя мальчика играть какие-то одной ей понятные роли, отзываться на странные имена.

Блейд хорошо помнил последнее и самое любимое имя мачехи, которым она нарекла его – Пен. Она придумала его за четыре месяца до конца, и целый месяц Блейду приходилось становиться по вечерам, а, иногда, дням, утрам, непонятным выдуманым Пеном и вступать в жуткую игру, от которой у Фелиции горели глаза. А за три месяца до страшной майской ночи, которая навеки изменила жизнь Блейда, мачеха вдруг перестала приставать к нему. Почти неделю она вообще с ним не разговаривала, словно не знала его вовсе, словно ничего и не было. А потом...

Потом она начала ронять словно бы случайные фразы, которые всегда слышал один только Блейд. Она никогда не смотрела на него при этом, но, вероятнее всего, эти слова были обращены к нему. Они не были страшными или подозрительными, скорее напоминая планы на день или неделю, потому мальчик не придавал им значения, постепенно начиная возвращаться к нормальной жизни, забывая обо всём том, через что заставила его пройти мачеха. Он думал, что забывал, дети, вообще, крайне наивны и всегда верят в лучшее. Но верить ему оставалось так недолго...

В тот вечер, 21 мая 1998 года, их отец задерживался на работе. Они были дома втроём: Фелиция, Блейд и Майкл. Блейд тогда делал уроки и вдруг услышал шум, крик брата. Кто знает, что было бы, не услышь он этого. Отложив школьные принадлежности, блондин поспешил спуститься вниз, где его глазам представилась жуткая картина: Фелиция, приговаривающая что-то тем приторным голосом, которым она разговаривала с самим Блейдом, делая с ним отвратительные вещи, которая пыталась повалить его брата на пол, трясая его из стороны в сторону, как лёгкую соломинку.

Тогда было 22:15. А в 22:20 вернулся Чарли...

Несмотря на всю любовь к Фелиции, он не мог допустить того, чтобы она навредила его младшему сыну, попытался защитить Майкла, узнать – в чём причина странного поведения любимой? Это было роковой ошибкой...

Голоса, которые твердили больной женщине, что делать и как при этом остаться незамеченной, поняли, что их тайну вот-вот раскроют. Поняли и отдали приказ избавиться от свидетеля.

Этот момент запечатлелся на сетчатке глаз Блейда, подобно клейму от раскаленного металла. Взвыв, подобно раненому медведю, явив семье своё истинное жуткое лицо, Фелиция выкрикнула что-то на другом языке и, схватив огромный кухонный тесак для разделки мяса, нанесла Чарли удар... Потом ещё один, и ещё, и ещё, пока рубашка мужчины не начала светиться из-за количества дырок, а он сам, роняя изо рта капли густой алой крови, не осел на пол, затихая.

Подождав несколько секунд, Фелиция подошла к умирающему супругу и нанесла ему ещё три ножевых ранения в область шеи, шейных позвонков, практически отделяя его голову от тела.

Блейд едва не потерял сознание, наблюдая эту жуткую картину, которая развернулась в несколько секунд и бросила в объятия смерти их второго родителя. Блондина затошнило, у него подкосились от шока ноги. Но ему пришлось взять себя в руки, потому что, расправившись с их отцом, Фелиция обратила своё внимание на мальчиков. Поманив пасынков пальцем, она улыбнулась и мило прошептала:

– Идите к маме.

– Беги! – не своим голосом заорал Блейд, кидаясь к оцепеневшему от шока Майклу, хватая его в охапку и увлекая в сторону.

Женщина погналась за ними. Выбежать из дома у братьев не получилось, потому что входная дверь была заперта. Решив попытаться выпрыгнуть в окно, Блейд потащил брата на второй этаж, но Фелиция настигла их на лестнице. Со всей силы ударив Блейда лбом об стену, разбив ему бровь об ту самую рамку с фотографией их матери с ними, женщина затащила находящегося на грани сознания блондина в спальню и привязала его за руки к кровати.

Вернувшись за Майклом, который так и сидел испуганным зверёнком на лестнице, Фелиция забрала младшего пасынка и пошла с ним на первый этаж.

Блейд пришёл в себя минут через пятнадцать, сразу же ощущая удушливый запах, который проникал в комнату через щель под дверью. Совладав с головокружением и острой головной болью, утерев кровь, которая бурным потоком сочилась из разбитой правой брови, заливая глаз, блондин попытался встать, только сейчас понимая, что привязан.

На него начала накатывать паника: он лежит здесь, привязанный и беспомощный, а где-то там, внизу, его больная мачеха с его братом, а их отец... Про отца в тот момент мальчик не думал, слишком много шока обрушилось на его неокрепшую психику, чтобы он мог адекватно думать и оценивать ситуацию и всю её катастрофичность. В его голове билось лишь одно: «Выбраться! Бежать! Выбраться! Бежать! Спасти Майкла...».

Извернувшись, вывернув себе суставы до лютой боли, Блейд зубами начал рвать толстые верёвки, которыми обычно подвязывали шторы. Разодрав себе руки в кровь, кусая и дёргая так сильно, что зубы начали заходиться простреливающей сознание болью, мальчик смог освободиться. Он бросился к двери, которую, к его счастью и удаче, Фелиция не заперла. Замерев, даже перестав дышать, Блейд вслушивался в звуки дома, среди которых угадывался

голос мачехи, которая что-то мило рассказывала, словно ведя с кем-то диалог, но ни на одну фразу ей никто не отвечал.

Стоило вызвать полицию, но телефон в их доме имел свойство оказываться в любом месте, кроме того, где ему положено быть. Каждый оставлял средство связи там, где закончил разговор. Поняв, что его спасение и спасение Майкла зависит лишь от него самого, Блейд тенью соскользнул с лестницы, прижимаясь к стене, чтобы как можно дольше оставаться незамеченным Фелицией.

Дверь на кухню была открыта и Блейд смог увидеть мачеху, которая сидела за столом, держа в руках пустую чашку, и, смотря на пустой стул, разговаривала с кем-то. А на полу лежало тело их отца, под которым растеклась уже огромная лужа крови, залившая большую часть небольшой кухни, что не оставляло мужчине шансов на выживание.

Прикусив костяшки пальцев, чтобы не расплакаться, не закричать от того ужаса, который он сейчас ощущал, который окружал его, Блейд бегло оглянулся по сторонам, ища брата. Но его нигде не было видно.

– Майкл? – срывающимся шёпотом позвал Блейд. – Майкл?

Он отлип от стены и сделал шаг вперёд. Его голос был таким тихим, что у Майкла, даже, если бы он был совсем близко, не было шансов услышать. Нужно было говорить громче, а ещё лучше – истошно орать, чтобы у Майкла был шанс услышать его зов.

Вновь утерев кровь, Блейд вытер перепачканную ладонь о стену. И тут на него обрушились ещё две новости, добавившие ужаса ситуации и заставившие волосы на голове мальчика встать дыбом. До его слуха донеслась фраза мачехи:

– Да, сейчас попью чай и пойду к младшему сыночку. Думаю, он скучает без меня там, в темноте...

Второй вещью был удушливый запах, который внезапно смог опознать Блейд. Виной этому запаху был метан, невидимым убийцей сочившийся из двух открытых, но не зажжённых конфорок. А на тумбочке стоял сиротливо забытый чайник, который Фелиция так и не поставила кипятиться.

Счёт шёл на секунды. Не думая, что делает, находясь в состоянии аффекта, Блейд взял с тумбочки настольный светильник, грубо выдернув его провод из розетки, и на носочках, стараясь не издавать ни единого звука, направился к Фелиции, пытаясь подойти к ней со спины. В противном случае его бы тело очень скоро оказалось истекающим кровью и изрезанным, лежащим рядом с телом отца.

Сглотнув наступившие на глаза слёзы, Блейд наступил в лужу густой крови, хлюпая по ней, марая белые носки. Он подкрался к женщине и замахнулся, но она в последний момент обернулась, слово ей кто-то подсказал, что к ней подходят сзади. На самом же деле она просто увидела отражение крадущегося Блейда в металлическом чайнике.

Из-за того, что Фелиция обернулась, удар получился смазанным и прошёлся по касательной по её виску. Она толкнула мальчика в грудь с такой силой, что он отлетел к тумбочке, поскользнувшись на крови отца и едва не падая, размахивая свободной рукой.

– Мой мальчик, – ласково пропела женщина, вставая и надвигаясь на почти не дышащего Блейда, – что ты задумал? Положи лампу...

– Не подходи ко мне, – процедил сквозь зубы Блейд, напрягаясь, готовясь защищаться и защищать брата до последней капли крови.

– Брось эту чёртову лампу! – рявкнула Фелиция так, что у блондина зазвенело в ушах.

Женщина бросилась к нему, но поскользнулась в луже крови. Она не упала, но этого

промедления Блейду хватило для того, чтобы ударить её лампой по голове. Но одного удара ей не хватило, чтобы потерять сознание. Лицо Фелиции исказилось непонятной гримасой улыбки-оскала. Собрав все свои силы, Блейд замахнулся и ударил во второй раз мачехе по затылку. В этот раз она упала плашмя в лужу крови, затихая.

Постояв секунды две, Блейд поставил лампу на тумбочку и побежал обратно в гостиную, оставляя на полу отвратительные, тошнотворные алые следы крови.

– Майкл! – теперь уже истошно орал Блейд, бегая по дому, как безумный. – Майкл! Где ты? Отзовись! Прошу тебя! Майкл?!

Паника накрыла мальчика чёрным покрывалом, а голова начинала кружиться от количества газа, что уже отравлял его кровь. Отчаявшись услышать ответ брата, Блейд начал открывать все двери, заглядывать всюду, где он теоретически мог быть. И с каждой новой дверью его всё больше сковывали ужас и безысходность.

В какой-то момент, обыскав весь дом, взгляд мальчика упал на дверь в кладовку, которая оставалась единственным местом, куда безумная женщина могла заточить его брата. Бросившись к двери, Блейд начал колотить в неё, сбивая кулаки в кровь, и орать, звать брата.

Сделав глубокий отравленный вдох, Блейд закашлялся, из носа пошла кровь. Казалось, что кровь уже была везде. В последний раз ударив окровавленной ладонью по двери, блондин отошёл и бросился на неё, наивно надеясь, что сможет сломать её. Плечо пронзило острой болью, а в суставе что-то хрустнуло. Но Блейд понимал это скорее мозгом, нежели чувствовал. В этот момент его тело и его голова словно не были одним целым и жили отдельными жизнями.

Ударив дверь ещё два раза ногой, Блейд вновь побежал на кухню. Он помнил, что несколько дней назад отец перенёс топор из гаража и оставил его в одной из тумбочек. Тогда мальчик не мог понять, зачем родитель делает это, но сейчас этот топор был единственным, что могло спасти им жизни.

Открывая все дверцы, вываливая содержимое тумбочек на пол, Блейд искал топор и, найдя его, выключил одну сочащуюся ядом конфорку и побежал обратно к запертой двери. Только вторую перекрыть он забыл...

Блейд почти не помнил, не понимал, как у него хватило сил, чтобы сломать достаточно крепкую дверь. Но он хорошо запомнил тот момент, когда он увидел Майкла, который сидел в кладовке, обнимая свои колени, помнил, как поднял его на ноги, прижал к себе и повёл к выходу, к свободе. Но там, по ту сторону сломанной двери, их вновь ждала пришедшая в себя Фелиция...

– Не подходи к нам, – сказал Блейд, прижимая одной рукой к себе брата, а второй выставляя вперёд топор. – Если ты подойдёшь, я тебя убью, клянусь.

– Как можно клясться на грех, Блейд? – возмутилась женщина, казалось, она не чувствовала боли от разбитой головы.

– Ты тварь, – прошипел блондин, взъерошиваясь, подобно волчонку. – Возвращайся за стол и дай нам уйти.

Услышав, как всхлипнул Майкл, Блейд прижал его к себе сильнее, утыкая его лицом себе в грудь, пытаясь его защитить таким образом от ядовитого газа, который витал в воздухе, и от созерцания того жуткого фильма ужасов, которым в одночасье стал их дом.

– Держись, Мекки, – прошептал Блейд, глядя брата по растрепанным тёмным волосам и неотрывно, напряжённо смотря на мачеху.

Младший сильнее прижался к старшему брату. Блейд не понимал, не мог понять, каким

образом он подбирали в тот момент правильные слова, которые сдерживали психически больную женщину от того, чтобы кинуться на них. Эти слова просто вспыхивали в мозгу мальчика и срывались с губ.

– А вы не выпьете чаю? – спросила Фелиция таким тоном, словно всего этого ужаса и не было, словно он не продолжал разворачиваться вокруг их уже неполной семьи.

Блейд пробежался глазами по кухне, обернулся на входную дверь, которая была в пяти шагах от них с братом и которая по-прежнему была заперта. Эта секунда, в которую блондин судорожно думал, что ответить, что сделать, длилась для него целую вечность, она и была вечностью – беспощадной, ледяной, высасывающей детскую душу и оставляя на её месте лишь пустоту и иссохшие трупы некогда прекрасных и ярких цветов.

– Выпьем, – кивнул Блейд, сильнее прижимая брата к себе и незаметно отходя к двери.

Голова кружилась всё сильнее, кровь, текущая из носа, замарала уже большую часть футболки мальчика.

– Обязательно выпьем, Фелиция, – снова кивнул Блейд, отходя ещё на шаг назад.

– Куда вы? – спросила женщина, заметив движение пасынков.

– Майкл забыл в беседке свою любимую игрушку, – ответил Блейд, немного опуская топор, стараясь не делать резких движений, дабы не разозлить ненормальную женщину. – Ты же знаешь, что без неё он не может заснуть...

– А вы уже собираетесь ложиться спать? – удивилась Фелиция и сделала шаг к мальчикам.

Блейд отошёл назад, напряжённо смотря на неё, но стараясь отвечать спокойным, ровным голосом.

– Майклу уже пора, он же ещё совсем маленький. А я посижу с тобой.

– Но хоть чашечку мы выпьем вместе?

– Выпьем, – кивнул Блейд. – Заберём его любимого зайчика и обязательно выпьем.

Удовлетворённо улыбнувшись, Фелиция развернулась и пошла на кухню расставлять чашки. В это время Блейд, позволив маске приветливости сползти со своего лица, бросился к двери. Отчего-то, входная дверь оказалась куда менее прочной, чем та, что закрывала кладовку. Одного удара топором хватило, чтобы замок слетел, и братья смогли выбежать на улицу.

Обернувшись на пороге, тяжело дыша, Блейд хотел убедиться, что Фелиция не пошла за ними.

– Возвращайтесь скорее, мальчики! – крикнула женщина.

Окончив секундную передышку, Блейд схватил в охапку брата и побежал прочь.

– А как же зайчик? – спросил Майкл. Блейд не соврал, его брат на самом деле оставил любимую игрушку в беседке, когда играл там вечером.

– Мы за ним обязательно вернёмся, – соврал блондин, целуя брата в лоб и ведя его к калитке.

– Ой, я же забыла зажечь конфорку! – воскликнула Фелиция, наконец-то поставив чайник на плиту и заметив своё упущение.

Взяв в руки зажигалку, женщина поднесла её к конфорке и нажала на кнопку. Раздался звучный щелчок, а, через долю мгновения оглушительный взрыв, который подбросил крышу дома, разламывая её на мелкие черепки, и снёс соседские заборы, выбил стёкла в окнах. Братьев, которые ещё не успели дойти до калитки, отбросило взрывной волной, прокатывая по влажной от ночной росы траве. На них посыпались пылающие обломки их отчего дома.

Это было подобно апокалиптической картине – чёрное небо над маленькими мальчиком и огненный дождь, который сыпался на них с него.

Прижимая к себе Майкла, Блейд отползал от пылающих остовов здания, бывшего совсем недавно их домом, их убежищем. Когда огненный дождь наконец-то прекратился, блондин упёрся спиной в забор, смотря на бушующее пламя, которое навеки стирало их прошлую жизнь, выжигало её из памяти истории.

Блейд чувствовал на своей ладони слёзы Майкла. Младший не издавал ни единого звука, не плакал – слёзы просто катились по его щекам, оставляя на них горькие дорожки. А Блейд в этот самый момент, смотря на их пылающий дом, чувствовал, что забывает, как надо чувствовать... Единственным, что ощущал мальчик в этот момент, было чувство того, как неумолимо и стремительно он становится взрослым. Взрослым в двенадцать лет. Потому что других взрослых у них больше не было, а у него на руках был особенный младший брат, которого нужно было вырастить и защитить от жестокого мира, который так часто был несправедлив к нему.

– Дыши, – шептал Блейд, заставляя брата вдыхать больше свежего чистого воздуха, делая это и сам, чтобы не рухнуть без сознания. Этого нельзя было допустить, потому что теперь они были сами за себя.

Поднявшись на ноги, буксуя на влажной траве, Блейд взял в охапку брата и открыл калитку, не запирая её за собой, навеки покидая территорию дома, в котором они выросли – дома, от которого ничего не осталось. Нужно было успеть уйти подальше до того момента, когда приедут пожарные и социальные службы, которые обязательно подключат к делу, найдя в руинах дома два взрослых тела и не найдя детских. В таком случае их уделом стал бы – детский дом, чего нельзя было допустить, потому что там бы их наверняка разлучили. И, если бы Блейд и сумел научиться жить в новых условиях, без брата, то Майкл бы точно не смог адаптироваться к такой жизни.

Выхода не было. Нужно было взрослеть, и на это были всего часы, минуты, и учиться жить в новом мире, в котором у них нет никого, кроме друг друга.

[Купить полную версию книги](#)